

— SAWYUN —

ТОМАШ ДДОМАНЦЯ

Ненависть и ярость — порождения страха и долгой боли. Все мы стали больными в мире, полном грязного общества, его жестких рамок и гнета. Я стала страдать от депрессии, построенной из кирпичей ненависти родителей. Каждый день просыпалась с нежеланием существовать и в неостановимых поисках света. Цеплялась за соломинки, чтобы понять, каково быть счастливой.

Но он страдал сильнее моего. Нутро его кровоточило до сих пор. Но он избрал иной путь — он стал мстить миру за свои муки. Он стал убийцей.

А я его приняла, наплевав на законы и правила морали. Совесть моя была захоронена под костями и плотью. Она была мертва, ведь я чувствовала себя живой рядом с этим монстром. Счастливой.

Мы стали антихристами и мессиями того мира. Но как жаль, что я умру.

Глава 1. Славная семья

Исидора, я люблю тебя, — Ричи протянул букет ромашек.

Жаль, что ты умерла потаскухой.

Глава первая.

У нас была хорошая семья. Когда-то давно, настолько, что я уже и позабыла, каково иметь мать и отца, любящих друг друга больше жизни. Он, высокий, весьма худощавый для своих двухсот сантиметров, чуть сутулый и бледный; англичанин, чистокровный, с настоящей шляпой-цилиндром и в пальто. Таким мой отец был в молодости. Ричард Кинг.

Не знаю, как мой отец полюбил мать. Она не мировая красотка с точёным личиком. Напротив, её лицо уже тогда было круглым, с крупным носом, ноздри которого казались двумя огромными дырами, блистающими на свете солнца чёрными и длинными волосками. Над губой — серые усики, очень гармоничные, но только для подростка. Она сербка с чёрными жёсткими волосами и глубокими карими глазами. Исидора Црнянская, моя матушка, так и не удалившая волоски над губой. Чем-то она была схожа с Фридой Кало.

У нас была славная семья: отец из большой любви к моей матери переехал в Сербию, в её город — Призрен. Он завел часовую мастерскую недалеко от центра города и периодически оставался там на ночь. Он чинил часы в той тесной и уютной каморке; жёлтый свет от единственной настольной лампы светил ему на сухие руки, в морщинах которых навек застыло масло. Мама работала в колхозе дояркой. Это было давно, ещё не родилась я. Семьдесят пятый год двадцатого столетия. Наверное, они когда-то были счастливы друг с другом.

Но я не помню их счастья, не могу найти в памяти хоть одно из рыхлых воспоминаний, где бы они делили между собой хрупкий осколок любви и семейного тепла. Я родилась второго апреля тысяча девятьсот восемьдесят шестого, синяя и тяжелая. Быть может, я стала родителям новым рождением их заржавевших чувств. Ненадолго. Через пять лет от моего первого глотка воздуха они расторгнули брак. Они больше не любили, сердца их неумолимо покрыла ржавчина — почти чёрная; темнее могли быть только пустота, бездна и небытие.

Мне хотелось, помнится, прыгнуть на заледеневший асфальт — прямо под ближайшую машину. Я видела слёзы, — видела, как отец не сдержался и ударил мать. Но тот синяк не заживал; наверное, это и стало точкой. Я жила с матерью до семи лет, отец же вернулся в Англию. За два года жизни с матерью мне вовсе стало тошно существовать. Два нелюбящих человека априори сотворяют у дитя брешь в психике. Ссоры и кулаки бьют чувства не у самих враждующих сторон, сколько рушат тонкую детскую жизнь. Те слабые, вымученные птенцы проживают год за годом, пытаясь сбежать от себя и прошлого. Они — разбитое зеркало, отражающее нелюбовь. Между родителями. К себе.

Какая судьба может сложиться у тех, кто не научен жизнью о том, что такое счастье? Я была и есть тот птенец. Мама запила, стала незнакомкой. Будучи семилетней, я не понимала, зачем к ней приходили мужчины, и почему она стонала через стену от меня. Тогда меня забрал отец, и мать я более не видела. Она повесилась в полном одиночестве, так и не вернув прошлую себя. Стоит ли говорить, как эта весть убила всё живое внутри. Наверное, я любила ее.

Но, конечно, шли годы, время подменяло события прошлого, растворяло кислотой печаль и тоску. Лондон я увидела прекрасным городом, а седеющего отца, наконец,

перестала избегать в стенах своей спальни. Мы жили небогато: небольшая квартира делилась и на мастерскую папы, еды временами катастрофически не хватало. И крысы. Скопища крыс, как тараканов, сверкали голодными глазами из темноты. Ночами я часто слышала, как они грызут что-то под полом, слышала и успокаивалась, когда отец гремел щипцами и пил очередную чашку кофе. Я злилась на него: он убил мою мать. Так я тогда считала, но, взрослея, мне стала открываться одна простая мысль о том, что его решение лишь желание сохранить мне детство, может, и жизнь. Кто знает, что чудилось пьяной беспробудно матери?

Но и он был не тем, кем пытался выглядеть. Я знала его натуру, и она была пугающей.

В две тысячи втором я пошла в колледж, а спустя четыре года получила красный диплом психолога. Может, думалось мне, если я пойму, что есть люди несчастнее, нежели я, то я получу панацею? Таблетку от неприязни к себе, желания ткнуть в тело нож. Я боролась тогда с желанием умереть. Это тяжкая ноша, и я проклиная те времена, когда двум людям, которых я видела целыми вселенными, стало на меня плевать. А, быть может, я слишком эгоистичная и глупая. Кого винить, если ты — брак? Человек без инстинкта самосохранения, плывущий по течению от всецелой безынициативности в жизни. Кто я? И кто мы?

Несмотря на мрак в моей голове, я начала жить. Лондон я полюбила так же, как и Призрен. Он был всегда сумрачным, чуть туманным и извечно мокрым: дожди могли лить неделями. Его атмосфера ночного кошмара и апатии чем-то напоминали мне себя; я почувствовала его родным и даже тёплым. Он был бы кем-то одиноким и уродливым, а я его другом. Оба тусклые и замкнутые. Будь он кем-то, конечно, а не кладбищем готических зданий и их остроконечных шпилей.

С отцом мы, со временем, стали друзьями. Я старалась считать его таковым. И даже сумела убедить себя в его праведности, в непоколебимости нравственности. После кончины матери мир точно затонировали в чёрно-белый, и лишь папа стал крохотным очагом света — жёлтого, как в родном доме в Призрене. Я прожила тринадцать лет в Англии, а потом ещё пять в арендованной квартире недалеко от знаменитого Уайтчепела, где орудовал Джек Потрошитель; то была дешёвая однокомнатная хибара на третьем этаже какой-то развалины в чёрный кирпич. Отца я не стала тревожить своим финансовым положением: он и без того еле-еле собирал себе на мешок картошки. Дело психолога в школе для инвалидов было крайне неблагодарное и копеечное.

От рабочих потрясений я закурила, но, впервые попытавшись, к алкоголю моё сознание отнеслось эпизодами — резкими, как вспышки выстрелов, — приступами паники. Но насиловать себя спиртным я продолжила, даже увлеченно. А потом, не знаю, почему, я решила вернуться на родину — в обветшалый и пустой дом матери. Я всегда куда-то бежала, может, в поиске идиллии внутри себя, а, может, я просто устала от друга-Лондона.

Пожалуй, я забыла, как выглядела Сербия, но внутри всё же стало теплее. Вспомнила мать, её темные жёсткие волосы, вплетённые в одну длинную косу. У неё были тёплые руки с грубыми мозолями: в колхозе ей приходилось доить сотни коров. Я вернулась в дом, где когда-то жила. Не могу назвать его родным. Внутри было пусто и грязно, а на мебели спал слой пыли. Моя спальня и то, как мне приходилось прятаться под кроватью в надежде не слышать тех ссор и сцен жестокости, пробудили воспоминания. Колючие, как замёрзший металл для мокрых ладоней. Но человек ко многому способен привыкнуть.

Мне удалось привнести уют в это здание со старыми семейными фотографиями на

полках стеллажа. Не знаю, почему они стояли так долго, почему ждали меня; их я сожгла и там же раскинула моток гирлянды с желтыми огоньками, поставила бутылёк с домашним парфюмом аромата жвачки и снежный шар. На работу я устроилась в психлечебницу, заранее получив инструктаж по работе с жуткими типами в духе Чингисханов и Иисусов во плоти.

С сербским народом было тяжело: я почти забыла язык, но месяц за учебным пособием меня спас. Мне хорошо жилось: я чувствовала, как возвращение к истокам меня оздоровило. Можно сказать, я наконец вдохнула чистого воздуха.

Глава 2. Жаркое с баклажанами

Привет, доктор. Я здорова, выпусти меня отсюда, пожалуйста.

Я раздроблю твой череп о кирпичи за окном!

Глава вторая.

— Эй, — крикнула Мина Лютич — двадцатилетняя шизофреничка, сидящая в изоляторе за попытку расчленив санитаря, — Радмила! Выпусти меня отсюда, я хочу есть! — Тот бедный паренёк с гетерохромией остался без всех пяти пальцев на правой руке, а обглоданные кости фаланг она выплюнула ему в лицо, когда того забирали остальные санитары.

— Человечины? — спросила я, застегивая белый халат. Только что началась моя смена, и задача на день — побеседовать с больными, осмотреть покалеченных, выписать препараты Наполеонам и Гитлерам — маячила дамокловым мечом. До Мины мне не было дела, поскольку назначенная ей медсестра через полчаса должна была вколоть ей лошадиную дозу галоперидола и пару антидепрессантов. — Сиди спокойно, чудачка. — Я была не в духе; говорить так с пациентами непрофессионально.

— Я нормальная.

— Да, как и все остальные в этом крыле лечебницы.

— Поговори со мной, ты же мне как подруга. — Мина просунула мизинец через решетку и улыбнулась мне. — Ты заходи, просто поболтаем немного, Мил. Если я тебя обидела тем парнем, то прости, — она тряхнула мизинцем, — он не хотел меня послушать, а я как раз рассказывала о календаре. И ещё он больной изврат.

— Послушай, Мина, твоя озабоченность этим календарем... — начала было я.

— Это не озабоченность! — рявкнула девушка, схватившись за прут решетки. — По календарю Майя мы скоро все умрем! Двадцать первого декабря, всего через десять дней, мы все погибнем! Тогда заканчивается цикл длинного счёта Эры Пятого Солнца, и начнётся конец света! — Ее миловидное лицо исказила животная ярость, она скалила зубы, оттого слюна брызгала прямо ей на подбородок. Обкусанными пальцами Мина указательно ткнула вниз и, резко понизив вопль до шепота, продолжила: — Мы должны прятаться. Под землю, ближе Матери Земле.

— Та-ак, ясно, попрошу доктора увеличить дозировку. Давай, до встречи, Мина.

— Все вы здесь слепцы! — снова озлобленно разразилась девушка, ударив лбом в решетку. Сильно, что треснула кожа и скатилась капля крови. — Я здесь умру из-за вашего неверия и узкомыслия! Радмила! Ты будто в коробке живешь, ничегошеньки не хочешь видеть кроме того, к чему привыкла! Что-то ищешь, но впустию! Ты пуста, бессильна и глупа!

Я лишь молча ушла.

Моим пациентом был Дамьян, помешанный на убийствах. Его заточили бы за решётку, но психологи и психиатры подтвердили его психопатию. Он был светлым, даже мертвенно бледным; волосы пепельного оттенка такие же блеклые и тусклые. Несмотря на диагноз и манию убийства, Дамьян казался мне крайне обаятельным. Мне нравилось говорить с ним. И нравилась, нет, даже льстила его привязанность к моей заурядной персоне. То, как он сотворял из обычной серой мыши богиню. Он считал, что я избранная.

Дамьян сидел у окна и читал "Пирсинг" Рю Мураками. Судя по его кровожадной

улыбке, там шла сцена убийства или обилие крови в ее описании. Он повязал длинные серые, почти белые на свете солнца волосы в пучок и выдернул спадавшие волоски с затылка. Это было понятно по кучке прядей, педантично сложенных в ровный круг на подоконнике. Он всегда рвал выбившиеся пряди.

Помню, как его поймали..

Дамьян Костич, сын нищих из трущоб Призрена, прожил крайне тяжёлое детство: побои, голод, холод. Его мать зарезала отца, прямо как свинью на скотобойне. Шестилетний Дамьян видел процесс, а после и помогал отрубать руки и ноги от туловища отца-тирана. А затем они ели. Ели мужа и отца, запечённого с баклажанами. Дамьян потом сказал мне, что ему было гадко есть баклажаны. Они мягкие и противные на вкус.

В шестнадцать, сразу после первого секса, парень, будучи чрезмерно возбуждённым, убил двухлетнего ребенка. Дамьян отрезал голову брату той девушки, которую поимел. Он спросил ту девушку, Яну, хочет ли она поужинать; в тот момент он держал туловище дитя на подносе и довольно улыбался. Он всегда улыбался, вероятно, потому что и его мать улыбалась, когда вонзала кухонный нож в сонную артерию мужа. Улыбалась, когда срезала кожу с мышц рук и ног. Улыбалась, когда ела его с баклажанами.

Яна, он рассказывал, закричала, и Дамьян убил и её. Выпотрошил и развесил по комнате её кишечник, ещё пульсирующий. Оказывается, кишки дергаются внутри нас, и они цвета повешенного человека, что пробыл в петле пару дней. Сине-фиолетово-алые. Он любил кровь и багровый цвет, хотел, чтобы все вокруг были красными от крови. Так он стал серийником, на счету которого насчиталось около двух сотен людей. Неизвестно, почему шесть лет его не имели сил поймать: он не был хитрым, чтобы идеально убивать — без улики. Он был скорее варваром, убивающим грубо, но «изысканно», как он говорил, и довольно грязно. Но в этом году, в две тысячи двенадцатом, блюстители закона таки поймали убийцу. Тогда, когда он вырезал два дома со всеми его обитателями.

— Привет, милая моя Мила, — сказал Дамьян, не отрываясь от чтива. — Я ждал тебя с нетерпением. — Он глянул на меня с влюблённой улыбкой. — Прошлый халатик был короче, мне он нравится. Наденешь его завтра? Только для меня одного?

— Посмотрим на твоё поведение, Дамьян. — Я села напротив и аккуратно взяла его книгу, чтобы затем прочесть, как девушка режет свои ноги, как истекает кровью ее тело и насколько ненормально ее существо.

— Ян, просто Ян, милая моя Мила. Как обычно. — Он убрал прядь с моего лица, а затем вернул руки, пресекая неловкие взгляды под напряженным молчанием, как это случилось однажды. Тогда, месяц назад, я зарделась, поскольку его пальцы лукаво огладили мою щеку. — Хорошая книга, правда? Мне ее доктор Милош подарил вчера перед сном. После ночной инъекции.

— Да, наверное.

— Мила, я адекватен, не нужно говорить со мной, как больным.

— Я не говорю с тобой, как с больным.

— Говоришь. Тон такой как уважительно-мягкий, как с ребёнком. Не страшись меня и моей природы, тебя я никогда не обижу.

— Я знаю, Ян.

— Нет, послушай, — он спрыгнул со стула и сел на колени рядом со мной, слишком резко, так, что я отпрянула, — не бойся меня, Радмила. Нет-нет, только не меня, я каждого на мясо пушу тут, как выйду за дверь, но не тебя... Не-ет, ты пойдёшь вместе со мной, я

стану твоим ангелом-хранителем. — Он шептал это мне в ухо, ладонями исследуя мою шею и плечи под чёрной водолазкой. Я слышала, что он улыбался; слишком широко и безумно.

— Ты собираешься бежать?

— Конечно, смотри, что я припас. — Дамьян резво дернул стул, на котором я сидела, ближе к себе. Так он открыл проход к прикроватной тумбочке, откуда и вынул ножницы. Ими медсестра резала бинты, когда Ян избил почти посмертно пациента из своего крыла острых психов. Он и сам пострадал, когда бил кулаками насмерть. Содрал кожу. — Хороший мастер и спичкой потроха пустит.

— Не сомневаюсь. А... когда ты собрался бежать? — Я неровно вздохнула; чувство бурной тревоги гвоздем вонзилось в большой мозг. Мы славно общались, насколько это возможно с психопатом, но когда серийный убийца, не имеющий чувств сострадания и любви, заимел что-то острое, я испугалась. — Разве не хочешь остаться тут, с доктором и мной?

— На Милоша плевать, а тебя я найду где угодно.

— Звучит жутко.

— О нет-нет, милая моя Мила, тебя я ни за что не трону. Наверное, я люблю тебя. А ты? Любишь ли ты меня?

— Конеч..

— Я не больной, могу мыслить нормально. Говори, как есть. — Он снова улыбнулся.

— Не знаю, Дамьян, не знаю. Может быть, да.

Дамьян склонил голову набок. Улыбнулся хитро, прищурив желтые глаза.

— Я знал, что что-то есть. Я рад. Я и правда тебя люблю. Не знаю, что значит любить, но, наверное, это оно и есть.

— Что ты чувствуешь?

— Я не хочу тебя обидеть, это впервые. Очень странное чувство, даже унижительное: я как будто слабым стал. Всех, кого я не люблю, я убиваю. Мать тоже убил, она ведь лишила меня отца.

— Но ты помогал ей.

— Конечно, у меня же в тот момент крыша поехала. Если хочешь совсем 'здоровый' разговор и немного откровений, то могу сказать, что я прекрасно понимаю, что делаю, где начинается моя ненормальность и что я псих. Я знаю о нормах, как минимум, что я отличаюсь от здоровых людей, но мне нравится, что я делаю. Нравится убивать. До того, как мать зарубила отца, я был нормальным, а когда взял топор и отрубил его руку, то внутри что-то сломалось. Странное чувство. Попытки говорить со мной, как со слабоумным, меня обижают, Радмила. — Он говорил серьезно, без привычной ему улыбки. Тогда я впервые поняла, насколько он в действительности другой. Под напускной улыбкой он серьёзен и спокоен. Настоящий убийца.

— Прости. В дурке иначе горло перегрызут, если не говорить ласково... если не соглашаться.

— Я понимаю, все хорошо. Я бы не стал терпеть это, если бы не полюбил тебя. Убил бы.

— Как?

— Так, чтобы было больше крови. Зубами бы, — усмехнулся Ян, — перегрыз артерию на шее. Как ни банально.

— Очень мило.

— Не переживай, я такого не сделаю. Наоборот, я скорее подставлю свою шею для твоих зубов. Ну, уже доктор спешит. Иди, не то снова санитарки шептаться о тебе будут.

— Обо мне какие-то сплетни ходят? — Я действительно удивилась, не подозревая таких вещей за спиной.

— Разумеется. Медсестры и санитарки часто говорят о твоих 'похождениях' ко мне. Плетут все, даже говорили, что кто-то видел, как мы занимались сексом. Похвалили мой член. Сказали, двадцать плюс. Про член-то правда, а вот тебя под собой не помню.

Я неловко заглянула в книгу.

Глава 3. Грядущие бомбы над головой

Ты же читала новости, Милка! Он убивает всех просто так. Нелюдь!
Мое солнце, ты выглядишь сказочно. Наверное, я влюблён в твоё существо.

Глава третья.

Я не стала дожидаться доктора Милоша; ушла скрытно назад, ближе к палате Мины Лютич. Та с угрюмым лицом грызла большой палец. Стоило внимательнее приглядеться, я увидела, насколько она была жестока к себе и ненормальна: под кровью выступала фаланговая кость.

— «Нужно ей зубы вырвать, больше пользы будет», — подумала я. — Мина, может, тебе принести палку?

— Зачем?

— Ты же как собака. Зачем грызть свои руки, если можно попросить палку?

— О-о, не-ет, Радмила, я есть львица. — Она показательно рыкнула, оскалив красные зубы. — И первой, кого я покараю, будешь ты-ы.

— Ясно. А как же дружба? Интересно, все дурики так растягивают гласные?

— М-м, — она коротко задумалась, вновь оторвав зубами кусок плоти. Ниточка мышцы растянулась, совсем эластичная, и порвалась. Мне это действие отдалось вдоль по позвоночному столбу, как ток по проводам. Словно откусила она мое мясо на пальцах, а не своё. Я задумалась о вкусе.

— Да, Мила, прости мою грубость. Разум туманный, наверное, из-за конца света.

— Все нормально, Мина. Хочешь, я обработаю твои руки?

Девушка впервые взглянула на то, что сотворила с руками. Я видела в ее серых стеклянных глазах рождение сочувствия и эфемерного осознания, это почудилось мне занятным зрелищем: словно человек, спустя годы слепоты, увидел мир и своё уродство в зеркале. Мина Лютич расплакалась и обняла свои руки, что-то зашептала, чтобы замолить грех кровожадности перед телом, точно наконец осознала его мимолетность и способность к разрушению. Я злорадствовала, что мой разум оставался чистым, наблюдая за Миной. Я не была хорошим человеком.

— Да, пожалуйста... — взглянула она на меня жалобно. — Только не зови тех уродов-санитаров, они больно связывают, а потом, когда ты уходишь, глумятся надо мной. Трогают.

— Хорошо. — Я завязала волосы в пучок, наученная опытом общения с острыми пизофрениками: дважды мне вырывали волосы. На теменной области черепа у меня осталась лысая брешь с монету. Также взяла бечевку и отворила дверь. Я уже достаточно выучила ее поведенческие особенности, чтобы спокойно войти в изолятор. Мне известно, что иногда — крайне редко — она возвращает себе возможность мыслить, как здоровый человек. Одной мне было строго запрещено входить к Мине, но я отчего-то посочувствовала ей сегодня, одиннадцатого декабря, и зашла одна. — Руки, Мина. Я несильно.

Связав запястья, я начала методично заливать раны антисептическим раствором и накладывать бинты с синтомицином. Мина стесненно глядела из-под челки. Она мило улыбнулась мне, спросив:

— Ты хочешь детей?

— К чему вопрос, Мина?

— Ты бы была хорошей матерью. У тебя руки мягкие, как у моей.

— Ты ведь ее задушила.

— Мама сказала, что календарь Майя неверный, и что я дура. Мне стало обидно, ведь я хотела ее уберечь. Не хотела, чтобы она заживо сгорела. Лучше пусть умрет от моей руки, от ее творения, чем от конца света. Я ее не убила, а спасла, понимаешь? Это жест доброй воли, а не ненависть!

— Как благородно. Почему ты так веришь в этот календарь?

— Потому что древняя цивилизация Майя предсказывала будущее. Всегда верно. Это моя религия, и я не могу ей не верить. Только верующие праведники останутся жить, Мила. Пойдём со мной? Я хочу, чтобы ты вместе со мной сохранила жизнь и наполнила новую Землю детьми, как когда-то Ева. Мы станем новым началом.

— Я подумаю, Мин, подумаю. Как пальцы? Не больно?

— Уже нет, спасибо.

— Ну, тогда я пойду. Санитаров отчитаю. Трогать не будут, обещаю. Ты поэтому одного чуть не расчленила?

— Да, Никола сунул пальцы в меня.

— Поделом.

— Да, я свершила мечь. Приходи ещё, я буду ждать, Радмила!

— Хорошо, не грызи пальцы, они сейчас горькие от мази.

Мина лишь кивнула в ответ, прощаясь. Я же покинула палату с мягкими стенами из поролонa и ушла к психиатру, — тому самому доктору Милошу Петич. Он был низким одутловатым мужчиной с орлиным носом, чуть брюзгливым периодами, но довольно мягкосердечным и смешливым. От его пошлых шуток я долго хихикала, когда шаталась по лечебнице. Он напоминал мне моего деда по отцу — возможно даже стал родным, я его полюбила, ведь он и сам относился ко мне, как ко внучке.

— Утро доброе, Милка! — он называл меня так, потому что ассоциировал с фиолетовой шоколадкой.

— Привет, деда, — улыбнулась я. Это панибратство между нами было шуткой, и так мы себя вели только наедине, в его кабинете.

— Костич говорит, что ты заходила.

— Да, я пришла раньше, было время поболтать.

— Он рассказывал, что влюблён. Удивительный феномен для него. Но ты будь аккуратна, хорошо?

— Само собой. Что-то случилось за ночь?

— Да, — хмуро кивнул доктор Милош, — Анна-Мария проткнула себе горло карандашом.

— Жива?

— Да, в больничной палате лежит. Ей голос ангела велел свершить казнь над собой. Накачали транквилизаторами, ничего, пройдёт. У тебя есть новости? — Доктор Милош чуть подался вперёд, под толстыми линзами очков сверкнул его подозрительный взгляд. Я сглотнула панически, зная, что за час успела сделать, или не сделать две вещи: вошла в палату острой больной и умолчала о ножницах у Дамьяна. Я поколебалась с секунду, размышляя о том, стоит ли его сдавать.

Я покачала головой в знак отрицания.

— Ясно, — почесал усы дед. — Ладно, беги. Работы, как всегда, куча.

Улыбнувшись на прощание, я ушла. Рабочий день прошёл спокойно, никто не откусил

мне пальцы, не оставил без волос и не попытался завербовать в секту. Ближе к концу смены мне удалось справиться о состоянии Мины и зайти к Дамьяну — белому убийце с жёлтыми глазами. Его обкололи галоперидолом, и он устало возлежал в койке, обессиленно улыбаясь мне. Ян кивнул легко и поблагодарил за то, что я его не сдала. Он пообещал спасти меня от мира вокруг — злого, таинственного и опасного.

Я зашла по пути в жилище в продуктовый магазин. Купила овощей, молока и немного мяса. Двенадцатый год выдался тяжёлым, в Сербии шло туго: финансовый кризис. В сфере политики — назревающая война между Россией и США*. Война за территории и власть. Как всегда. Люди разрушают, чтобы получить. Рушат жизни других, чтобы после наградить себя богатствами и чинами. Мир рухнет, а свет взорвётся, вина — человек. Сам себе герой и злодей. Сейчас везде плохо: волнения в Румынии, ИГИЛ отрезает головы, конфликты в Судане, смерти в Израиле. Я боюсь жить, скоро и на Призрен упадёт волна шума, сильное волнение народа, а затем и бомба: Сербия помнит помощь братьев наших русских, и встанет спина о спину, как во времена Первой Мировой, как Россия встала за наш народ. И за то мы страдаем, как страдали и они. Мы будем сторгать от радиации и харкать кровью. Таков мир и таковы люди.

Все чувствовали этот накатывающий гул необратимой смерти; мир содрогался, народ прятался в домах, как мыши в норах. Кто-то отстроил бункеры под домами, кто-то молился Христу и ставил свечи. Но как помогут свечи, когда игру ведут умелые шулеры у власти? И кто в итоге бог, способный спасти и сохранить? Воитель с короной, управляющий страной и её словом, или бог, которого никто не видел, не слышал и не чувствовал. Бог не тот, кто наверху, следящий и надзирающий, а тот, чьё существо материально: государство и люди, там сидящие. Ведь они в конце концов решают, кому умереть, а кому нет. Они берут роль богов, судей и господ. Мы же — труха под их золотыми подошвами.

Я брела по пустой дороге и сомневалась в своём решении: я не сказала об оружии во власти Дамьяна. Я знала, что моё молчание даёт ему свободу и возможность убивать. Я не подстрекатель, но и не честный человек. Моё молчание убийственно. Под ноги попался пакет, и я его пнула, со злостью, адресованной к себе же. Не знаю, почему, но я убила персонал лечебницы. Наверное, мне даже жаль, особенно доктора Милоша Петич, но особая совесть не грызла. Так же, как если случайно наступишь на хвост своей кошки: жаль, но ненадолго. Да, я должна быть по ту сторону дверей палаты, и именно в меня должны колоть препараты. Не я, а меня.

Дверь в дом хлопнула, и я вошла в кухню, где поставила говядину на средний огонь. На суп. Мне, как врачу психов, теперь лезли мысли о вкусе человеческого мяса. Дамьян сказал, что оно схоже со свиной, чуть жестковато и немного сладкое, будто его тушили с ликёром. Может, вишнёвым. Он также говорил, что тема каннибализма гнусна, табу для человечества: нам претит думать о сородичах, как о пище, которую можно разрубить на куски и сварить. Но это лишь сладость от предвкушения, это запретный плод, попробовав который, придёт осознание добра и зла. Так считали психопаты: Джеффри Дамер, Чикатило, Альберт Фиш.

Перед сном я позвонила отцу, он рассказал, что его дела пошли в гору. Он обставил квартиру и мастерскую новой мебелью, сделал ремонт и почти накопил на старенький мустанг девяносто второго года. Мы обменялись будничными вестями и пожелали хорошей ночи. Перед сном я посмотрела новости на ящике и уснула под гнусные слова корреспондента: Америка открыто высылает войска на Россию. Знамение смерти.

*Ход истории в данном произведении не соответствует реальной истории мира. Данная война вымышлена.

Глава 4. Пепельный ангел с ножом

Я ненавижу тебя, урод, — так я сказала отцу. Я хотела его смерти.

Твоя мать потаскуха, а ты... Сдохни, тварь! — крикнул он мне в ответ.

Глава четвёртая.

Громкий стук в дверь; такой, что обвалилась штукатурка. Я спросонья ничего не поняла, почудилось, что где-то рядом взорвалась бомба. Я накинула халат на нагое тело и устремилась к незваному гостю. Теряться в догадках о ночном госте пришлось недолго: я открыла дверь и увидела своего белого убийцу в свете луны. Ещё тёплая кровь свернулась в желеобразные комки на его руках, дрожащие от движений. Алая смесь эритроцитов, тромбоцитов и лейкоцитов лучилась и сверкала, как бриллиант. Для Дамьяна она и была ценным бриллиантом. Он стоял на крыльце и улыбался мне, весь багровый от чужой крови и надыхавшийся свободой — этим чарующим ароматом ночи, снежной и белой. Снег хрустнул под его босыми ногами, уже синими от обморожения. Ян был почти обнажённый: в одном лишь халате пациента психбольницы.

— Доброй ночи, мое солнце, — улыбнулся парень.

— Ян... Ты... Что ты наделал? — почти шепетом спросила я. Я чувствовала, как мои ноги дрогнули от перенапряжения. Как голова закружилась, и разум будто лопнул. Как будто меня встряхнули, и я упала на бетон. Он будто по-настоящему расколол мой висок; это острая боль и звук, такой как разбившееся яйцо.

— Я сбежал. Прости, доктор Милош не хотел меня отпускать, и я его вспорол от кадыка до лобка. У него оказалась пластина в позвоночнике, видимо, травма.

— 3-зачем ты пришёл? Откуда..

— Знаю где ты живешь? Документация в шкафу главврача. Там есть твой адрес, Радмила Офелия Црнянская. Очень красиво, я поражён. Можно? — он чуть невинно и смущенно указал на ступни. — Я замёрз.

— Д-да, да, проходи скорее. — Я взяла его за руку и провела в спальню: там было самое отапливаемое помещение, самое уютное; к тому же, чемодан с медикаментами и дверь в ванную. — Сколько времени ты провёл на улице?

— Не считал, наверное, долго. Я хотел принести тебе подарок, ну, из цветочной лавки, но там стояла скорая. Видимо, кому-то было очень плохо. По дороге убил какого-то пацана, потому что он бил щенка арматурой. Теперь его голова как на пике в центре города, на заборе парка. Чувствую себя Владом Дракулой. Хороший был человек, наверное.

— Ты ранен?

— Нет, ты меня вылечила своим сиянием, мое солнце.

— Пошли, — я протянула ему руку, — пойдёшь в душ. Давно ведь сам не мылся?

— Да, как попал в дурку. Санитары скребут спину какой-то наждачкой, это малость неприятно.

— Ну да, они специально так. Глумятся.

— Нет, неприятно то, что меня мыли мужчины.

— А, — удивилась я, — да, действительно. Ты голоден?

— Самую малость. Хочешь меня покормить? — он снова мне улыбнулся. — Корми, я весь твой. Сегодня и всегда.

В ванной в красную плитку я стянула с Яна халат и включила холодную воду. Он

смирненно вошёл в душевую кабину и склонил голову, обнажив лопатки острым каплям воды.

— Как только начнёшь чувствовать ноги и руки можешь добавить тёплой воды. Сразу не надо, это вредно, ты как кусок айсберга.

— Хорошо. Не хочешь остаться со мной?

— Нет, я пойду согрею суп.

Он молча согласился и потянулся к гелю для душа. Прочитал этикетку, гласящую о чарующем аромате яблок и вишни, а затем увидел 'опасную' бритву на стиральной машине. Спросил:

— Можно?

— Забирай, у меня есть ещё одна. Новое лезвие в той коробочке справа у зеркала, бери.

— Спасибо, мое солнце.

Я не знаю, почему приняла его. Не знаю, как смогла видеть в нем человека. Он так обыденно говорил об убийстве... Кто же я? Сообщник? Жертва? Наблюдатель?

Убийца. Одно точно. Сегодня в полночь я убила нескольких человек, не своими руками, — его, но убила однозначно. Наверное, я должна пойти и сдать с потрохами? Или хотя бы заплакать, дать умершим панихиду моего сожаления. Вряд ли бы меня приняли на их отпевании у смертного одра.

Я согрела суп с макаронами, достала немного конфет: помнится, Ян говорил, что любит мятные леденцы. Я слышала его голос за дверью — мелодичный, всегда хриплый и чуть высокий — он пел английскую песню. Его акцент был довольно правильный, достоверный.

У меня почти не было мужской одежды, лишь пара отцовских белых рубашек, серые классические брюки и красный тренч унисекс. Тренч ему явно понравился бы. Ян высокий, при моём росте в сто восемьдесят три сантиметра он на полторы головы выше. Предполагаю, что одежда отца ему подойдёт. Мой папа тоже высокий.

С тяжелыми кулаками.

Ян вышел из душа, такой же чистый, каким я его привыкла видеть. Видимо, он нашёл в комодке мою коллекцию огромных футболок и надел самую красную из всех: хлопковую, с убийцей из "Техасской резни бензопилой". На ноги он натянул мои пижамные брюки белого цвета и с пятном от масла. Длинные волосы, которые ранее достигали поясницы, он обрубил по кадык. На шее, как всегда, чёрно-красная тату улыбающегося висельника. Наверное, именно так он себя и чувствовал глубоко внутри — убитым.

— Извини, я долго, — виновато улыбнулся он, сев рядом за стол. Я только протянула ему ложку и чашку зеленого чая. Он принялся ужинать. Кайне запоздало.

— Давай посмотрим что-нибудь? — спросил Ян, вкушая кубик мяса. — Я часто перед сном на фон включаю фильмы или документалки о серийных убийцах.

— Странно звучит: маньяк, смотрящий ролики про других маньяков.

— Набираюсь опыта, — пошутил парень. — Я рад, что твоя доброта не только вынужденная мера в стенах дурки. Что ты впустила меня, благодарю тебя, мое солнце.

— Я все ещё не понимаю, кто ты.

— Я тоже.

На том и умолкли. Он ел и стучал ложкой о фарфоровую посуду, а я лишь наблюдала за блеском его волос, пахших ныне моим шампунем с ментолом. Я также заметила резаную рану на его шее, скорее глубокую царапину, вероятно, оставшуюся после бритья. Капля крови засохла и застыла ниже раны на сантиметр, похожая на уголь — чёрная и хрустящая. На левом запястье — глубочайшие рубцы, так много, что похоже на ожог, побелевший от

времени; где-то следы швов, там, где сильнее всего выступала из-под кожи синяя вена. Несколько шрамов и на шее, сбоку, чуть ниже левого уха, под татуировкой.

— У тебя такие же, Офелия, — сухо констатировал Ян. — Шрамы на руках. Ещё розовые, несильно старые.

— Да. Как понял?

— Видел под водолажкой неровности. Сильные. У меня глаз острый.

— Только один?

— Все три.

— И как же ты открыл третий?

— После того, как зарезал братишку Яны. Ну, той, с которой девственности лишился.

— Да, я помню.

— Спасибо, — Дамьян отодвинул пустую тарелку, — было очень вкусно.

— Наверное, не так вкусно, как мясо человека. Извини, чего нет, того нет.

— Ты интересно шутишь, будто серьезно говоришь. Я порой не понимаю, шутка это или нет.

— Я и сама не знаю, Ян.

— Мил, я не совсем чудовище. На постоянке человечину не ем. Это как... Не знаю, покурить травы пару раз в месяц, без привычки.

— Как легко ты об этом говоришь. Каннибализм и марихуана. Второе лишь меньшее из двух зол.

— Просто закрой глаза на мою... ночную жизнь. Увидь меня человеком, как в нашу первую встречу.

— Ты пытался убить меня, если что.

— Да, я помню. Но несмотря на это ты нашла во мне часть человека, хоть и сгоревшую почти. Ты была честна со мной, говорила наравне, как с обычным человеком, будто и не знала, что я убил кучу людей. Я не видел в тебе осуждения или презрения, только доброту. Спасибо.

— Я уже уверена, что и сама больна.

— Все люди больны. Кто нас такими делает, вот в чем вопрос и большая проблема.

— Ты прав. Чума так и не ушла, теперь она у нас в воспалённых мозгах гноится и травит психику.

— Пожалуй, — зевнул Ян.

— Последний вопрос, а потом спать. Что ты намерен делать?

— Не я, а мы. Я заберу тебя с собой, и мы найдём лучшее место.

Глава 5. Морковь без шкуры

Мам, что ты делаешь с теми мужчинами? Они обижают тебя?

Не твоё дело. Ты похожа на него, не хочу тебя видеть. Ты ошибка.

Глава пятая.

Дамьяну я постелила в гостиной, на диване, где спал отец последний год в этом доме. Ян не кричал и не требовал лечь вместе со мной, попросил лишь включить телевизор на ночь. Дверь в свою спальню я тихо заперла: всё же я боялась умереть, да и не хотела, чтобы он увидел меня нагой. На работу я не пошла, и, думаю, больше никогда и не пойду. Уснула я, свернувшись в клубок, быстро — туда, где меня истязали кошмары. К ним нельзя было привыкнуть, по крайней мере, я не смогла. Каждый раз я задыхалась от тех лиц и боли, почти настоящей, и не могла проснуться.

Но снова меня разбудил адский грохот в прихожей: что-то тяжелое упало на пол. Я вскочила, ещё не отошедшая от вполне натуральных пыток во сне, и опрометью побежала к двери. За ней звучали возня, суматоха и мычание. Я толкнула дверь, но та не поддавалась, лишь слегка приоткрылась, чтобы мне стал заметным опрокинутый стеллаж, прижимающий дверь. Я с трудом отодвинула этот громоздкий шкаф и нырнула в гостиную. Три трупа полицейских в разных углах помещения, один из них без головы, самый тощий и молодой, судя по юношескому лицу. Двое живых мужчин с пистолетами в кобурах пинали Яна по ребрам. Молча, но в их тяжелом дыхании, глазам полным ярости и печали, я поняла, что слов они подобрать и не могли.

Дамьян откашлял кровь. Я чувствовала, насколько ему больно; он улыбался, а в тот момент ему выбивали воздух из лёгких. Я могла бы выбежать к ним, полицейским, и попросить помощи. Могла оставить Яна этим мужчинам, чтобы его убили, зарыли под землю без надгробной плиты, чтобы забытие поглотило его былую жизнь. Могла предотвратить кончину сотен будущих жертв.

Но не стала.

Я схватила пистолет у лежащего рядом трупа, по руководствам из фильмов передёрнула затвор и выстрелила в шею одного из "гостей". Я плохой стрелок: целилась в голову, а попала в кадык. Грузный мужчина захрипел и рухнул на спину, хватаясь за горло и ускользящую жизнь. А далее Дамьян справился сам: улыбчиво схватил оставшегося мужчину за голень и повалил на пол. Ян подмигнул мне и пальцем провёл по своим глазам, призывая меня тем самым не смотреть.

Но я смотрела: видела, как Ян, шепча любовно о скорой смерти жертвы, снял ботинки и крепче сжал нож; видела и слышала, как оружие касается ахиллова сухожилия, и как клинок со скрипом прорезает эту натянутую струну под кожей. Мужчине ничего не оставалось: он вопил и плакал, пока Ян с безумной улыбкой, даже оскалом, медленно, ниточка за ниточкой, пилил сухожилия. Казалось, они лопнут, действительно, как натянутые струны. А после Ян легко вонзил нож в сонную артерию и одним нажатием поперёк перерубил кадык. Я дернулась, когда он начал пилить. Как кусок свинины.

Голова.

Она откатилась, и пустые глаза напоследок увидели лицо предателя. Мое лицо.

Я бросила пистолет на пол, нет, даже отшвырнула от себя. Он глухо лязгнул у ног Яна. Он спросил:

— Не сошла с ума ещё?

— Что случилось, черт возьми?! — рывкнула я.

— Ничего необычного, копы пришли по кровавому следу на снегу. По следу из крошек, — усмехнулся парень, вытирая лезвие ножа о брюки убитого. Того, из чьих ног сочилась кровь, собираясь в лужу. Два распиленных белых сухожилия как толстые белые провода. Наверняка, когда Ян резал, мужчине было адски больно, будто пилили не плоть, а тыкали ржавыми иглами в нервы. Звук походил на то, будто резали моток бечевки. Скрипящий и трескучий.

— Ты знал, что оставляешь след за собой?!

— Да, я никогда и не прятался.

— Черт! — сжала зубы я. — Почему?

— Почему что?

— Почему ты привел их за собой?

— Это игра, Офелия, просто игра. И я в ней бессмертный главный герой. Точнее, антигерой.

— Боже, ради чего?..

— Не упоминай, господу бога нет, иначе бы меня давно убили за мои грехи.

Я всплеснула руками и осела на перевёрнутый диван, спрятав лицо в ладонях.

— Что нам теперь делать? Я убила человека, чтобы ты жил. Как мне быть с этим грузом, Ян?

— Думай о том, что не существовать лучше, чем страдать тут, среди людей. Считаю, выручила. Там спокойно, нет тревог, только бесконечный мягкий сон. Я бы тоже хотел там быть.

— Так убей себя.

— Во мне ещё есть силы страдать здесь. И я хочу, чтобы страдали перед уходом в тепло и другие.

Я покачала головой и вытерла наотмашь слезу с щеки. Завязала потуже халат и подошла к Яну.

— Что теперь? — спросила я.

— Теперь за нами будут охотиться. Я местная легенда, так что посылать будут спецназ. С такой бандой громил я уже не справлюсь. Бери вещи и бежим из Призрена.

— Мне кажется, лучше вовсе бежать из страны. Ты знаешь английский?

— На уровне школьной программы. Ну, знаешь, хорошую беседу осилю. Я хорошо учился, мне было интересно стать умнее. А что такое?

— Наполовину я англичанка, почти всю жизнь провела в Лондоне, а родилась тут, в Призрене. Можно уйти в Англию. В другой стране сербские законы не действуют. Ты можешь начать новую жизнь. Вместе со мной, Дамьян.

Я не участвовала в погребении тех пяти трупов — всё сделал Ян. Ничего необычного: просто вывез тела убитых в сторону леса, на их же авто. Меня же мучил кипяток в душе, я хотела смыть с себя всю грязь — даже вместе с кожей. Губка, которой я обычно начищала унитаз и ржавые трубы, металлическая, вся в грязи — ей я начала соскабливать кожу на груди. Чувствительные соски взвыли от боли, пустили кровавое молоко, но я не останавливалась: ритуал должен был пройти без казусов и остановок, иначе пришлось бы начинать заново в той же последовательности. То же чувство, которое не давало мне жить,

сколько себя помню: будь то навязчивое желание опустить кисть в кипящую кастрюлю — приходилось отговаривать себя, или чтение книг — моё я заставляло перепрочитывать один и тот же абзац до тех пор, пока интонация не показалась бы подходящей. Я могла час читать одно и то же. И сейчас я тёрла унитазной губкой декольте, пока не содрала всё в кровь.

Груди зажгло, особенно, когда я встала под лейку душа. Наверное, я закричала, когда моё тело начало вариться под напором кипятка. Ворвался Дамьян и замахал руками, отгоняя клубы пара.

— Мила!

— Не смотри!

— Хорошо, хорошо, я не смотрю. Закрыл, честно. Что случилось? — я не видела его глаз, но руки с интимных мест опустила.

— Все нормально, Дамьян. Я-я просто включила кипятильник случайно. Обожглась.

— Не ври. Тут вся комната в тумане, как в болотах. Давно кипятильник хлещет.

— Так всегда, я моюсь горячей. — Наверное, я осмелела, потому сказала грубо: — Не твоё дело, что я делаю в ванной. Личное пространство. Запомни: я его ценю.

— Такие, как я, не знают, что такое личное пространство, Мила.

— Угрожаешь?

— Нет, конечно. — Дамьян развернулся и прошёл к двери. — Выходи скорее, без тебя мне плохо.

— Там все в крови ведь. Отчего же плохо-то? Твоя среда обитания.

— Только она и держит меня от вскрытия вен.

— Ох, — вздохнула устало я, понимая, что в место бойни придётся вернуться и вновь увидеть кусочки мозгов, когда-то думавших о спасении Сербии от головореза Дамьяна Костич. — Собирай пока вещи, не сиди.

— Я с радостью пороюсь в твоём нижнем белье, чтобы взять в дорогу.

— Не вздумай. Бери то, что может тебе пригодиться в пути. Не знаю, что у маньяков в приоритете. Не смотрела выпуск «обзор сумки серийного убийцы».

— Это легко, мое солнце: перочинный нож для выкалывания глаз, тесак на отсечение головы, топор для больших костей, типа берцовых или поясничного отдела, зубчатый, или хлебный, для сухожилий. Это мой личный арсенал. Хочу купить хирургический инструментарий, знаешь, в таком металлическом чемоданчике. Чтобы иголочками разного размера прямо в зрачок, и под ногти, да поглубже; скальпелем — наживую мошонку отрезать; она такая желто-белая внутри, а потом сразу кровить начинает. Ну и молоток там ещё есть, кусачки, сверло. Как-нибудь я тебе покажу, как откусить часть зуба с нервом и приложить туда льда. А сверлом дырочек в голове наделаем, тебе понравится, похоже на то, когда дуб сверлишь.

— Уходи, я буду одеваться.

Меня вырвало сразу, как Ян ушёл. Недавно я вкручивала шуруповёртом саморез в деревянный шкаф — я крепила зеркало — и сравнение того скрипучего трещания с ввинчиванием сверла в голову меня вывернуло. Словно я сама пару недель назад просверлила чужой череп, и фантомное чувство дребезжащей руки от силы вкручивания сверла в твёрдую кость пробежало под кожей вдоль мышц. Запахло сырым мясом и костями, точно я наклонилась к отрезанному скальпу и глубоко вдохнула. Глухой запах грязных волос.

Спустя полчаса я вышла, натертая до мяса, как морковь без кожуры. Я надеялась, что Ян уберёт следы убийства, но он не стал. На полу и стенах — кровавые разводы, уже

почерневшие. В углах гостиной ошметки кости и мозга. И он, с маленьким ножичком, лежащий на диване. Ян метнул оружие — да, оружие, ведь в его руках даже зубочистка становилась предметом насилия — мимо меня. Нож воткнулся в стену у моего правого уха, наверное, в миллиметре: я чувствовала холод металла на мочке.

Дамьян вальяжно встал и выдернул орудие из стены, не отрывая потемневших глаз от меня. Он был близко, я не привыкла столь тесно стоять рядом с мужчиной. Где-то внутри я их стеснялась, ведь считала себя уродливой. Ян просто смеялся надо мной? К чему эта демонстрация? Он хочет показать, что я теперь его жертва? Что мне не уйти живой? Да, я уверена.

В конце этой книги я погибну. Из-за него.

— Ты прекрасна, мое солнце, — Ян коснулся моей мочки — там защипало. Кровь на его пальцах: моя. Белый ангел облизнул палец и улыбнулся. — Самая сладкая из всех, что я пробовал.

— Зачем ты это сделал?

— Чтобы подойти поближе.

Я смутилась. Немилосердно толкнула Яна в грудь, позабыв о его гематомах, как распутившиеся фиолетовые пионы на рёбрах, и отошла в кухню. Не знаю, зачем, открыла холодильник и выпила ледяного молока. Горло внутри заморозилось.

— И как ты собралась бежать в Англию? Я серийный убийца, помнишь? Мое лицо на всех улицах Призрена висит. Кричит, как когда-то давно, пару веков назад: живым или мертвым! Особо опасный ублюдок!

— У отца тут были связи. Я знаю одного мужчину, он, типа, бандит. Я хотела купить поддельную визу и паспорт для тебя.

— Да ты гений, милая Мила-Офелия! — Он явно возбудился от этой новости: подскочил и засмеялся, а затем подхватил меня и закружил. — О деньгах не бойсь, я не грабитель, но у копов немного наличности забрал.

— Дальновидно. На, — я сунула ему медицинскую маску, — по городу в маске будешь ходить. Я схожу в торговый центр и куплю зимнюю одежду.

— Ты ведь не оставишь меня? — он схватил меня за руку, несильно, но я увидела угрозу.

— Посмотрим на твоё поведение.

Глава 6. Дубленка с долларами

— Дядь Саш, хочешь частушку?
Конечно, малышка, только давай
вместо 'мер' — 'хер', ага?
Глава шестая.

В шатаниях по магазинам я видела свободу. Возможность подышать от кандалов на шее и руках. Я могла бы сбежать, позвонить в полицию и остаться живой. Знаю, что умру из-за него. На мне уже поставлена точка.

Крутили новостные программы, и я наконец узнала, что случилось с лечебницей: шестьдесят убитых, из которых именитый врач-психиатр Милош Петич, главврач, тринадцать санитаров, три дежуривших врача и почти вся охрана. Дамьян в одиночку убил столько людей. Монстр. Чудовище. Отродье.

Руки болели от пакетов с новой одеждой; я купила и себе — чёрные джоггеры, хорошие ботинки по колено, крупный свитер с воротом. С этим грузом я шла к охранной будке, где полиция скрутила вора. Они — мой шанс спастись. Шла с непониманием, что делала. Как под водой.

— Здравствуйте, — обратилась я к правоохранителю, что заполнял бумаги.

— Здравствуйте, вас кто-то беспокоит?

— Да, у меня в доме..

— Прием, — зашипела рация, — у шоссе на пятнадцатом километре в лесу наших нашли из второго патруля. Все убитые. От новичка голову найти не можем. Этот ублюдок пальчики оставил, ещё не пробили. Но по почерку похож на сбежавшего из второй психбольницы Дамьяна Костича. Он наследил, идём по следу в город. Ну уж в этот раз я его лично пристрелю, черт возьми!

— Отпустите этого воришку, срочно выдвигаемся на пятнадцатый километр! — скомандовал полицейский. Он сунул бумаги охраннику и бегом выскочил из торгового центра.

— «Твою мать, Ян!» — вострепелась я.

А затем карьером сорвалась с места, толкая прохожих на пути к дому, где боялась увидеть убитого убийцу, пригретого мною. Какой-то мужчина маргинального вида оттолкнул меня в ответ, и я повалилась на заснеженный асфальт. Мою голову раздавила бы проезжающая мимо машина, но водитель вовремя отреагировал и остановился в сотой секунды от фейерверка из костей, глаз и мозгов. Мужчина средних лет кинулся ко мне и аккуратно поднял на ноги.

Но я не видела его лица — перед глазами всё ещё скрипело колесо с зимней резиной. Я почти почувствовала, как моя голова лопнула. Арбуз на снегу.

Меня тряхнули за плечи, и я пришла в себя. Хитрые маслянистые глаза моего неприятеля, что толкнул под машину, смотрели в мои. Я шатко подошла ближе и сказала, не разжимая челюстей:

— Знаешь, что с тобой будет, тварь?

— Что же? Своего хахалю позовёшь?

— Нет, я лично отрежу тебе башку. Знаю, где такие, как ты, свои задницы греют. Найду, ублюдок!

— Удачи, потаскуха!

Так отец называл мать, я слышала.

Я наотмашь ударила бомжа по лицу — это была оплеуха. Болючая на морозе. От удара замерзшая губа мужчины дала трещину, и капнула кровь. Но и он ударил меня, снова, только теперь кулаком в солнечное сплетение. Мне не удалось сдержать равновесия: полетела на землю, пока водитель ругался с маргиналом. Я же молча подобрала пакеты, разбросанные по проезжей части, и, ковыляя, поплелась к Дамьяну. Боль проходила, и я заметила, что бежала.

Локтем я ударила во входную дверь, та с адским грохотом снесла с полок стеллажа книги и журналы.

— Ян! Дамьян!

Я бросила покупки на пол и пронеслась в спальню. Его не было ни там, ни в ванной. Внутри вдруг разверзлась пропасть, которую я испугалась, в горле, под подъязычной костью, зажгло, будто туда воткнули иглу и ввели серную кислоту. Чувство, означавшее, что я хотела плакать. Гадкое, свербящее в носу и где-то под лицевыми костями. Хотелось воткнуть в это место нож, чтобы не давило на гортань.

— Мила? Что случилось? Ты кричишь на весь квартал. Лишнее внимание создаёшь.

Я обернулась, хрустнув шейными позвонками.

— Ян? Т-ты... Где ты был? — шепнула я.

— Закопал те ошметки под клумбой на заднем. А что случилось-то?

— Ты... — я сглотнула тяжело, собираясь с мыслями. — Нам надо уходить. Бери свои ножи и уходим, быстро!

— Копы?

— Да, быстрее!

— Каков план действий?

— Бежим к Александру Самойлову!

— Кто это?

— Тот бандит, приятель отца.

Мы сбежали, и я напоследок включила печь, а после бросила в дом спичку. Нет пути назад. Нет меня и Сербии. Здесь я стала предателем чужих жизней.

— Радмила, какой подарок! — широко улыбался Александр, но папа звал его Шуриком. — Боже, как ты выросла! Тебе сейчас сколько?

— Здравствуйте, двадцать пять. Дядя Саша, мне нужна ваша помощь. Простите, что так прямо и внезапно.

— Да вы проходите, ребятки. — Он раскрыл дверь и пропустил нас внутрь шикарного двухэтажного дома с эркером в его кабинете.

— Чаю будете? Варенье есть, ужин Машка только вечером сварит. Можете погостить.

— Дядь Саш, мне нужны поддельные документы.

— О-хо-хо, — удивился он по-старчески. Ему было пятьдесят семь, если я правильно посчитала. — Деточка, ты в какую передрыгу залезла?

— Хочу забрать своего... м-м, лучшего друга в Лондон, но на нем срок висит.

Я сняла с Яна шапку и маску. Дядя Саша явно узнал в нем самого разыскиваемого преступника. Нахмурил брови и почесал бороду.

— Вот уж не готов был увидеть в незнакомом госте серийного убийцу. — Дядя Саша посмотрел мне в глаза. — Деточка, как это вышло? С тобой все спокойно? Может, нужно

помочь?..

— Нет, он не угрожает мне. Мы и правда друзья. Черт, — усмехнулась я, — понимаю, как это тупо звучит. Дядь Саш, помоги. Не ему, мне. Я беру все под свою ответственность. Считай, что его не видел.

Матёрый бандит с седеющей бородой поднялся, прошёл круг по кабинету, сложив руки за спиной. Размышлял.

— Ладно, — он опустился на кресло, — помогу. Дамьян Костиц собственной персоной, какая неожиданность. Не могу сказать, что рад. Зови меня Александром Петровичем парень.

— Понял.

— Ну, новые документы я сделаю, времени займёт около четырёх часов. А пока обождите тут, можете вздремнуть в гостевой комнате, там двуспальная кровать. А я поехал дела делать, ребятки. Машку только не обижайте, когда приедет.

— Не будем, дядь Саш. Спасибо.

— Эх, какая ты стала. Совсем изменилась: раньше улыбчивая такая была, всегда смеялась, когда я тебя на спине катал, стишки мне читала и матерные частушки. А сейчас совсем холодная какая-то, отрешенная. Точно все хорошо? Я и застрелить его могу, если вдруг что, — мягко сказал дядя Саша, будто Яна с нами не было. Парень лишь закатил глаза, читая детектив Чейза. — Я тебя не узнаю, Мила.

— Да не, дядь Саш, я просто выросла. Сам знаешь, многое пережила. Ты ведь матери моей похороны оплачивал, знаешь, что для меня ее смерть как удар в сердце. Уже в тринадцать стала замкнутой, все нормально, это я. И я больше не смеюсь.

— По-хорошему тебе бы к врачу.

— Я сама врач.

— Как сам себе режиссёр?

— Я выучилась на психолога в Лондоне.

— Психолог и маньяк, лучшие друзья до гроба. Смешно и страшно, Мила. — Он натянул дорогую дубленку с воротом из чёрной норки. В кармане звякнул револьвер, шелестнули долларовые купюры. Он бандит, тоже убийца, и деньги эти в крови. — Ладно, побежал я. — Отозвалась сигнализация его Гелендвагена с россыпью отверстий от пуль. — Чай попейте.

Дядя Саша — русский член опасной группировки, где занимает место правой руки их лидера, живущего в Сибири где-то в Бурятии, у Байкала. Там, должно быть, потрясающие виды.

— Он не лучше меня, Мила, — не отрываясь от книги, констатировал Ян.

— Почему?

— Я чую себе подобных. На его руках так же много крови, сколько у меня.

— Ты прав. Он устроил крупный взрыв в России. Это было огнестрельное ограбление банка с использованием взрывчатых веществ. Погибло пятьсот человек.

— Деньги... Так уж они важны?

— Наверное.

В этом доме мне было хорошо, словно я попала домой, туда, где спокойно, тихо и уютно. На том чувстве защищенности я и уснула в кресле, свесив безвольно голову на грудь. Снились мама с папой, сначала они мирно болтали, а затем отец вдруг схватил мать за шею и задушил. Я видела её синее лицо, вывалившийся язык и выпученные глаза, быстро угасающие. Я знала, что сплю, но пробудиться не могла. Но, когда злые глаза папы

устремилась на меня, и он улыбнулся, я подскочила на месте. В пустой кровати.

Я зевнула и вылезла из-под одеяла, чтобы пойти искать Яна.

— Дамьян, где ты? — крикнула я, выйдя за дверь гостевой комнаты.

— Нет, не делай этого! — донёсся эхом женский голос с первого этажа. Я рванула на звук.

Глава 7. И, кстати, самого зачатия

Офелия. Какое гадкое имя,
— сказала пьяная мама.

Офи, это папа, открой дверь!
Не называй меня так!

Глава седьмая.

— Я неправильно бью, Мария Олеговна? — спросил недоуменно Дамьян, сжимая в ладони разбитое яйцо. Желток капнул на пол.

— Ох, Дамьян, мальчик мой, ты слишком сильно бьешь. Надо аккуратно, чтобы расколоть только одну сторону, а не все яйцо. — Мария Олеговна — супруга дяди Саши, самая обычная женщина. Все ли обычные женщины принимают в объятия убийц и бандитов? Нет, она чуть не в себе, наверное.

— «Добрый вечер», — хотела я сказать, но осталась молча стоять в арке дверного проема. Мне стало тепло внутри: — «Он такой домашний, будто и не убийца вовсе. Словно с мамой ужин учится готовить... Как сильно он испытал боль, что потерял нормальность?» — Снова жжение в гортани, и глаза намокли от слез. — «Может, он сейчас тоже об этом думает? Скучает по тому, чего не было?»

— Я разбил уже пятое! Можно я буду огурцы резать?

— Ох, — вздохнула, ласково погладив его по макушке, тетя Маша. — Конечно, бери нож и доску.

Так они и готовили ужин, обговаривая любимых писателей, художников и режиссёров. Дамьян любил Сандро Боттичелли, а из писателей Говарда Лавкрафта и Франца Кафку. Я очень мало о нём знаю. Может, он даже прекрасно образован и начитан, чтобы получить статус умного. Может, он способен беседовать не только о кишках и их цвете. Хочу увидеть и эту его сторону.

Подслушивать некрасиво, но я уже давно потеряла грань между хорошим и плохим, красивым и страшным, реальным и вымышленным: бредовым, иллюзорным, фантазмомогоричным.

— Так как ты познакомился с нашей?..

— Офелией-то? — оборвал Ян.

— Она разрешает тебе звать себя Офелией?

— Ну, не ругается вроде. А что?

— Она не разрешала себя так называть, сколько ее помню.

— Это в очередной раз доказывает, что мы любим друг друга, — слегка безумно улыбнулся Ян.

— Вы красивая пара, хоть и я помню ее совсем малышкой, не знаю, как смотрите вместе. Она, должно быть, стала ослепительной красоткой, а? — тетя Маша задорно подмигнула.

— Она красивее всех женщин и девушек, которых я когда-либо видел. Настоящий ангел.

— Как приятно такое слышать, Дамьян! Ты хороший мальчик, береги ее!

— Конечно, я любому голову оторву, чтобы ее защитить. — Улыбка. Широкая. Слова, сказанные серьезно, не имея переносного смысла. Его обычное хобби — рвать головы, но тетя Маша, видимо, не поняла. Ян сверкнул ножом, отодвинув от огурцов, и я испугалась за

жизнь Марии Олеговны.

— «Ублюдок, ты что, совсем всю человечность потерял?!» — подумала истерично я, срываясь с места. Мой галоп привлек внимание.

— Милуша, ты проснулась! — засияла тетя Маша, раскинув руки, чтобы обнять.

Я не видела ее почти пятнадцать лет, в последний раз — в семь лет, когда отец забирал меня от пьянствующей матери. Глаза ее покрылись сетью морщинок, улыбочивых: она была очень жизнерадостная женщина. Две глубокие носогубные морщины, как два шрама, большие голубые глаза и льняные волосы по плечи. В молодости она и была той ослепительной красоткой. Тетя Маша крепко обняла меня по-матерински и поцеловала в лоб.

— Боже-боже, какая потрясающая девушка ты теперь! Тебе бы платье надеть, а то за этим зелёным мешком ты всю красоту спрятала, ну елки-палки! Грудь, вон, какие пышные, а бёдра круглые, красивые какие! В мать пошла, вижу. Ты, скорее всего, не помнишь, но у неё такая же фигура была — гитарка. Неудивительно что и юношу ты красивого внешне выбрала в женихи, на истинного арийца похож, светлый. — Она снова обняла меня, а я показала за ее спиной кулак. Жест, означающий, что я готова была разорвать Яна за его намерения. Надеюсь, мнимые мною же.

Дамьян лишь удивленно моргнул.

После объятий я подошла к Яну и, схватив за белую водолазку, подтянула его ухо к губам:

— Не смей их трогать, — прошипела я.

Он повернул голову ко мне; так, что коснулся носом моего, и тихо прошептал:

— Я и не собирался. Марию Олеговну я бы хотел звать мамой, а не ту женщину, которая меня изрыгнула.

Я кивнула. Поправила его водолазку на плече, разгладив морщины от моих пальцев. Подвернула ворот и спрятала цепь с крестиком под одежду.

— Пойду покурю, не теряйте, — уведомила я, уже выходя из кухни.

— Какой кошмар! Она ещё и ходячая пепельница!.. — донеслось ворчание тети Маши позади. — Исидора бы ей рот зашила!

Я вышла на балкон и закурила. Вообще, я пыталась бросить, но привычка успела осесть во мне ржавчиной. Призрен гудел и сигналил, центр его вовсе блистал всевозможными цветами: противными неоновыми вывесками ресторанов, баров, кино, клубов со светомузыкой. Угрюмо мерцали звёзды в чёрном небосводе, луна же покинула нас, спрятавшись под пеленой тяжёлых облаков. Справа от цивилизации древний и густой лес, куда Ян вчера выбросил трупы, как собак. Лес в той местности старый, и исполины-деревья, казалось, достигают кронами неба.

Под столетним мхом летом копошатся сколопендры: чёрные и рыжие. Лица странников — тех же почитателей грибов — налетают на сети паутины, и пауки, жирные и тяжелые, ползут в ноздри и уши; волосистые лапы щекочут мочку, а затем насекомое проходит в тоннель, где нейроны перешептываются между собой и пульсируют головные артерии.

Лес, почти сибирская тайга, взывал войти в ту необъятную тьму в его недрах, украсть и проглотить — переварить и выплюнуть кости на полировку сколопендрам и паукам. Меня всегда он звал к себе. Я хотела, чтобы те деревья меня спрятали, лишили чувств и мыслей, так тяготевших меня временами. Тяжелыми временами. Я и правда хотела сбежать.

Я забыла, что курила: бычок обжег пальцы. Я пустилась браниться, разглядывая

круглый ожог меж пальцев.

— Некрасиво материшься, — тихо сказал Ян, опираясь локтями о балюстраду балкона. В его зубах горела сигарета, коричневая, пахнувшая дорогим натуральным табаком.

— Ты у дяди Саши стащил?

— Ага, у него отменный вкус. Эти сигариллы стоят дороже моей почки. Немецкие.

— Не знала, что ты куришь.

— Мы оба друг друга не знаем, — необычно серьезно проговорил он без привычной ему полуулыбки. — Прискорбно.

— Я открыта для познания, Ян.

— Расскажи, почему не сдала меня.

— Не знаю. Наверное, мне льстили твои чувства.

— Так я для тебя лишь объект поднятия самооценки?

— Нет, перестань. Просто я тоже больна, Ян. Здоровый бы человек не стал тебе сочувствовать, а я... ну, как видишь, с тобой заодно.

— Хотел бы я знать, что у тебя в голове.

— А я бы хотела знать, что в твоей. — Я отняла курево у Дамьяна. Затянулась. — Ян?

— Да?

— Что с нами будет?

— Не имею понятия, я ничего никогда не планирую. Вдруг меня застрелят через час?

— Все вы, психи, не умеете планировать. Только по течению плывете, пока не умрете.

Ян, — я схватила его за плечи, неожиданно, что и сама удивилась этому порыву, — давай вылечимся? Я хочу стать нормальной!

Мой белый ангел уткнулся лбом в мой и рассмеялся: тихо и хрипло, словно курил ту крепкую элитную сигариллу впервые. Сказал:

— Человека нельзя вылечить от него самого. Только если отрезать центр его существа — голову, Офелия.

— Но я не хочу, чтобы ты продолжал делать это! — Я тряхнула его, надеясь, что так до него мои мольбы дойдут быстрее. — Ян, я хочу, чтобы ты избавился от этой чумы! Хочу жить, хочу, чтобы жил и ты, слышишь?

— Иногда человек не нуждается в избавлении от недуга, хочет неумолимо довести себя до разрушения. Дешевая драма, искусство, самолюбование, созерцание. Все в одном. Это любовь к своему уродству.

— Ян, я хочу тебе помочь..

— Это будет насилием с твоей стороны.

— Но несравнимое с твоим.

— Такие красивые речи, — улыбнулся он. — Здоровые люди — скучные, они не мыслят как мы, уроды, но в наших словах много истины и мудрости.

— Как самонадеянно. — Я отпустила его водолазку, снова расправила складки и отошла к своему месту в метре от Яна.

— Может, не мы уроды и нелюди, а мир вокруг бракованный и неправильный? Может, мы и есть истинные хомо сапиенс?

— Что, сейчас уйдёшь в философию и теорию Дарвина, чтобы себя оправдать? Любишь размышлять о вечности и сомневаться в непорочности?

— Идей, гипотез, восприятия.

— Хороший стих.

— Я выучил почти все.

— Так и что, когда отцу внуков принесёшь? — лукаво подмигнув, спросила тетя Маша. Она расставила блюда на скатерти и направилась за столовыми приборами.

— Пока не думала об этом. Я не люблю детей.

— Какой ужас! Каждая женщина перерождается, когда из ее живота выходит младенец! Милуша, ты совсем изменилась. Раньше с малышней в яслях водилась, просила братика. Ох, я скучаю по тем временам! Ты была такая маленькая, когда я забирала тебя из садика.

Я заметила, что Дамьян смотрит на меня — пристально, изучающе. Что нового он хотел увидеть в моем профиле?

— Ну, мальчики-девочки, давайте ужинать. Саша уже приехал, его машина въехала в гараж.

Глава 8. Бежать

Дами, кого ты больше любишь?

Маму или папу?

Никого.

Папа меня убивает, а маме все равно.

Глава восьмая.

Мы сытно поужинали, но вовсе не приятно: суровый взор дяди Саши угрожал не только Яну, но и мне. Из-под его густых бровей сверкали немые, но кричащие ненавистью карие глаза. Бандит жевал, явно не чувствуя вкуса, и пепелил нас взглядом. Гранатовый сок в бокале — он будто пил кровь. А пробовал ли Ян пить кровь?

В детстве я увлекалась мистикой и хотела, чтобы Сатана заговорил со мной, я также воображала, что была вампиром. В тринадцать перерезала себе запястье и налила кровь в рюмку, а затем выпила. Я убедила себя, что вкус был потрясающим, я и сейчас в этом уверена. Я неспроста называла себя больной.

Дядя Саша отправил супругу спать и кинул новые документы на стол перед Дамьяном. Айзек Берковиц, двадцать шесть лет — так теперь именовали моего белого ангела. Все мы хмуро смотрели перед собой, я, напряжённая, думала о страхе перемен, столь колоссальных. Русский бандит уставше рухнул в кресло напротив Яна, надавил пальцами на закрытые глаза.

— Парень, что же ты натворил... — разочарованно выдохнул дядя Саша.

— Я не собира... — начал было парень, но я прижала его рот ладонью и взглянула на дядю Сашу. Сказала:

— Так сложилось, в этом нет вины Дамьяна.

— Боже, малышка, во что же ты впуталась? Покрываешь маньяка, который... — он сжал зубы, — даже детей убивает! Парень, как у тебя вообще рука поднялась?

— Дети слишком много кричат, вот я и успокаивал их. Своим способом.

— Стыд мне, я помог маньяку сбежать... Мила, пока не поздно..

— Не надо, дядь Саш. Все решено, я... мы не отступим.

— И куда ты?

— В Лондон. Я верну Дамьяна в человека. Я врач, там он вылечится.

Маньяк вопросительно посмотрел на меня, ожидая объяснений. Дядя Саша же молча кивнул, а затем поднялся и ушёл наверх. У лестницы оповестил:

— В доме только одна комната — гостевая. Укладывайтесь спать, а завтра я увезу вас в аэропорт. Билеты на ближайший рейс через своих кентов достану, обождём ночь. Спокойной ночи, малышка.

— Спокойной.

Минута молчания, и Дамьян улыбнулся мне, приподняв бровь. Так он показал интерес к моей лжи.

— Только для того, чтобы вы друг друга не убили, Айзек Берковиц. Я не стану помогать против воли, это насилие. Ты прав.

— Айзек Берковиц, — просмаковал парень. — Как Дэвид Берковиц. Слышала о таком?

— Да, не ты один документалки про психов смотришь. Я бы не хотела с ним встретиться, он бы без заминки убил меня. Знаешь, — слабо улыбнулась я, на что Ян искренне удивился, — я рада, что ты, опасный серийный убийца, меня бережёшь. Не знаю, в детстве я

придумывала иллюзорные миры перед сном, что-то хорошее, что делало меня счастливой, и там я мечтала, чтобы страшный и сильный монстр меня берег и любил. Неужели я попала в ту иллюзию, и скоро это все закончится пробуждением в кровати? Ты и есть тот ангел-хранитель из моих грёз. Как интересно: я защищена нелюдем, который жаждет крови всех и каждого. Есть ли тогда ещё большая угроза, если не этот симбиоз?

— У меня даже душа запела от таких откровений, Мила, — рассмеялся Ян. — Что это стокгольмский синдром?

— Да, наверное. По логике, я должна была стрелять в тебя, а не в копа. Действительно синдром.

Дамьян усмехнулся и откинул голову на спинку дивана; зевнул, прикрыв рот кулаком.

— Ты спал ночью?

— Нет, без нейролептиков не могу уснуть. У меня всегда была лютая бессонница, я с пятнадцати мучаюсь.

— Повезло нам, что я врач, и легкие снотворные могу выписать. — Я приподнялась в поиске сумки с вещами. — Нужно только найти печать, тогда купим тебе таблеток.

— Я рад, благодарю тебя, мое солнце. Кстати, про ангела-хранителя. У тебя ладони разодраны, что случилось?

— Да ерунда.

— Говори, Мила, я хочу знать, что все в порядке. Или нет.

Я вздохнула устало. И с облегчением одновременно: наверное, я хотела позлорадствовать и поставить гнусного маргинала на место, но, скорее всего, в гроб. Хотела, чтобы за меня вступились. Растерзали за мое подорванное и униженное эго. Я приподняла зелёный мешок — худи с карманами — до грудины. Там ныло и вибрировало, прямо под костью, и я провела холодными пальцами по синяку, расплывающимся, как акварель на промоченной бумаге.

— Меня толкнули под машину. Бомж с заброшенной фабрики, которая недалеко от моего дома. Он часто у ‘Багульника’ милостыню просит, за ноги хватает. Наглый такой, неприятный.

— Его скоро не станет, — ласково улыбнулся Ян. — Пойдём сны глядеть? Я очень устал.

— Пойдём.

Мы прыжком, таким по-детски озорным, рухнули в постель. Дамьян накрыл нас одеялом и лёг на живот, отвернувшись. Я хотела, наверное, чтобы он обратил на меня внимание, поговорил перед тем, как впадёт в тревожную дрему. Но он молчал, обняв подушку. Я протянула ладонь к его спине, но отдернула её: не хотела давать ему повод на флирт, ведь это была далеко не моя стезя: у меня никогда не было мужчины, и я всё ещё девственница в двадцать пять. Я боюсь их — мужчин, — стесняюсь, и до сих пор не верила, что лежала в одной постели с Яном. С парнем. У него под брюками член, он наливается кровью и каменеет, рвет женщин.

Я будто только сейчас осознала, что Ян мужчина. В голове возникли образы: такие томные, исступляющие, красные, как вино: виделся Ян, дергающий ритмично свой член, на кровати у его бедер стелилась мёртвая девушка с разрезанным животом, а её сине-фиолетово-красные кишки — гирлянда. Он мастурбировал на её тело, её подростковые груди и выбритый наголо лобок.

Мне стало ревностно. Не знаю, самоудовлетворялся ли он в действительности на свою

первую жертву, но захотелось узнать, уточнить, как он кончил и как простонал, задрав голову. Напрягая бёдра, открывая рот в крике наслаждения, выпячивая острый кадык, обливаясь потом. Хотела быть там.

Странное чувство — возбуждение, руки сами потянулись ниже по животу. На трусиках — огромное мокрое пятно и пробившиеся через ткань жёсткие волоски, чёрные, как и на голове. Я чистая брюнетка с серыми глазами и незагоревшей синеватой кожей.

— Ты чего хнычешь? — спросил хрипло он, поворачивая ко мне взъерошенную голову.

Я быстро прикрылась одеялом и вернула мокрые пальцы на грудь.

— Я не хнычу.

— Открыть окно?

— Зачем?

— Ты тяжело дышишь. Астматик что ли?

— Нет, тебе кажется. Спи.

— Не могу уснуть, когда ты так зазывающе вздыхаешь.

— Ян, ты!.. — возмутилась я, пойманная почти с поличным. — Тебе нравятся астматики?

— Да без разницы, мне все одинаково не нравятся. Но ты мне понравилась бы даже дауном.

— Ты меня до апофеоза какого-то довел.

— Так и есть. Можешь, — улыбнулся Ян, — поводить ногтями по моей спине?

— Зачем?

— Мне так кто-то в детстве делал, я не помню, как и почему, но было приятно. Иногда хочу вернуть того человека, но я не знаю, кто он. Надеюсь, это не был мужик-педофил.

— И как много ты не помнишь?

— Лет шесть-десять из детства. Только маленькими кусками, и то не много. Как психолог объяснишь, почему так?

— Мозг утилизирует травмирующие воспоминания для сохранения целостности психики. Защитный механизм. Я тоже несильно помню свою жизнь. Знаешь, так, будто прожила десять, а не двадцать пять лет.

— Гадкое чувство. Так поводишь?

— Ладно, снимай водолазку. — Я дождалась, пока Ян разделся и подставил мне спину. На коже заметила россыпь шрамов, явно задевших глубинные мышцы когда-то. Не сам резался — кто-то ежедневно хлестал его чем-то вроде розги. — Откуда это?

— Отец.

— За что?

— Не знаю. Он говорил, что я был отребьем. Он с матерью ненавидели меня.

— Почему? За что можно ненавидеть своего ребенка? — Я прошла легко по его позвонкам и вернулась к лопаткам, выводя зигзаги и спирали на крепких мышцах. В первый раз, когда он пришел за мной после бойни в лечебнице, я и не заметила, как красиво его тело: драки и убийства укрепляли мышцы и суставы. Ян был как новая машина с лучшими запчастями внутри, только пара царапин на бамперах, если сравнивать его и автомобиль. — Зачем тебя вообще родили?

Он дернулся. Так сильно, что скрипнула кровать и дернулся матрас подо мной. Попросил глухо:

— Не говори так больше.

— А что такое? — не поняла я.

— Просто не говори. Начинает болеть.

Я сглотнула тревожно, поняв, что нашла его ахиллесову пяту. Я заподозрила, что его избивали, когда говорили такие слова. Ему было больно не физически: эта фраза возвращала его в детство, зудела там, где делали больно; она заставляла его вспомнить то, чего он вспоминать не хотел. Я погладила его по голове, отчего Дамьян явно расслабился.

— Они были нариками, а воспитание ребенка — лишняя трата. Им не хватало на дозу, даже на травку. Отец хотел меня продать, но боялся, что посадят. Они оба хотели от меня избавиться, не хотели никогда детей, но я родился, и ничего не поделаешь. Не продашь, так хоть всю злобу вылей, чтоб легче стало. Если бы они меня любили, то такого бы никогда не произошло. Это они виноваты. Я с самого начала был неизлечимо болен. Только и могу, что быть вот этим, кто я сейчас. Это еще с чрева, Мил, меня не получится вылечить от того, кем я становился от своего первого вздоха.

— Слишком драматично, Дамьян. Ты просто оправдываешь свои слабости.

— Ты тоже, когда называешь себя больной. Скидываешь ответственность, чтобы совесть не мучила.

— Тогда я буду винить тебя.

— За что?

— За то, что ты пришёл ко мне.

— Легкий путь нашла. Винить всех, чтобы не было тяжело от своих поступков. То же, что покаяться в грехах и получить прощения у святого отца. Так легче жить, и религия нужна людям, даже необходима. Так проще себя оправдать, простить, обнадежить. Бога нет, но есть люди, и они создали контроль и карт-бланш на все грехи. Ведь чего бояться воровать, если кто-то невидимый тебя простит, и ты с благоговением пойдёшь снова грабить?

— Как плавно ты перешел к религии.

Дамьян посмеялся и вовсе размяк под моей рукой.

— Давай включим ящик? Я не могу уснуть, — сказал он.

— Хорошо.

Я включила телевизор и снова укуталась в одеяло. Плечо коснулось Яна — вдоль по руке пробежал электрический импульс. Я хотела быть ближе, но не могла. Дамьян заснул, и я осталась одна в этой темноте.

Я боялась и любила тьму одновременно, но не когда не могла уснуть. Меня страшили та невозможность уснуть и отчаянное беспокойство от собственных мыслей. Почему-то именно в такие часы я ощущала себя ужасно одинокой. Я повернулась лицом к спине Дамьяна и провела пальцем по линии бицепса, парень отмахнулся от меня сонно и отодвинулся ближе к краю. От его отстранения мне стало печально внутри, точно он пытался тем унизить. Но я всё всегда принимала близко к сердцу.

Когда я проснулась Дамьяна снова не оказалось, только недочитанная книга Хедли Чейза лежала корешком вверх. Мне стоило огромных усилий раскрыть слипшиеся веки, но когда сон окончательно сошёл, и уши мои поймали голоса за дверью, мне пришлось рвануть прочь с нагретой постели.

—..сукин сын!

Я с силой навалилась на дверь, и та распахнулась с грохотом, ударив дядю Сашу в спину.

— Ян, не убивай его! — воскликнула я, не разбираясь в потасовке, что шла за дверью между мужчинами.

Они недоуменно переглянулись, и из телефона в руках дяди донёлся голос незнакомца, молящий босса подождать ещё полчаса.

— Хорошо, полчаса, — рявкнул дядя Саша подчиненному на связи, — иначе я и до твоей матери доберусь!

Дамьян кашлянул в кулак, пряча широкую улыбку. Я выглядела глупо и шумно, будто все ещё ребёнок. Дядя Бандит погладил меня по растрепанным волосам и объяснил:

— Не бой-ись, малышка, это я с лакеем своим ругался. Этот олух ещё не купил билеты. А с Дамьяном твоим все хорошо, вон, не побитый, без пули в виске, без следов пыток и так далее.

Ян снисходительно хмыкнул на слова бандита. А потом я почувствовала запах алкоголя от них.

— Вы что, выпили? — строго спросила я. — Ян, тебя не пустят пьяным на борт!

— Ничего-о, разрулим, — беззаботно махнул рукой дядя Саша.

— И с каких пор вы друзья?

— Друзья? О-хо-хо, скажешь тоже! Этот твой парень просто ходил куда-то, пришёл перед рассветом с бутылкой виски. Он пил в гостинной, ну и меня угостил за душевной беседой.

— Что, показали друг другу силу и умение пользоваться ножом?

— Ну, почти, — виновато улыбнулся дядя Саша. — Пару раз вмазали друг другу, да и ладно.

И, действительно, в подтверждение его словам я обнаружила рассеченную бровь дяди Бандита и коросты на руках Дамьяна. Видимо, не друг другу, а дяде Саше. Мне стало егс жаль.

— Ну, малышечка, отчитывай своего преступника, а я пойду машину греть. Лично отвезу вас в аэропорт.

Я убийственно взглянула на Яна, тот понял мои немые вопросы. Поднял примирительно ладони и объяснил:

— Он первый полез драться, честно, — маньяк показал синяк под рёбрами — на легких кубиках пресса. — Я его хотя бы не зарезал.

— Вот спасибо. Ян, запомни: моих ни при каких обстоятельствах трогать нельзя. Даже случайно, слышишь? Считай, что причиняешь боль не кому-то, а мне.

— Меня ещё никто не отчитывал так безразлично, ты бы хоть шлепнула меня по лицу для убедительности.

— Разве ты еще не привык?

— К такому отстраненному поведению — нет. Обычно все люди импульсивные, кричат, когда злые, или смеются громко, когда весело. А ты сли-и-ишком спокойная. Так даже Мария Олеговна сказала, и этот, дед-бандит. Я начал замечать, что ты и правда будто искусственная какая-то, как манекен или типа того.

— Просто чаще всего я не чувствую, чтобы реагировать эмоционально. Я флегматик.

— Хорошо, флегматик, какие ещё вопросы?

— Куда ты ходил ночью?

— А, — вспомнил он. Вынул из кармана перстень. — Держи трофей. Я неуверенно взяла кольцо и рассмотрела его. На внешней стороне засохла капля крови.

— Чьё это?

— Не знаю, чьё конкретно, но гнусный бомж теперь без рук и ног валяется в коллекторе. Живой. Я убил всех, кто там был, а того, о ком ты сказала, я и кинул в яму.

Я знала, что Ян убьёт того маргинала со 'сломанной жизнью', как он врал, чтобы получить больше денег от сочувствующих горожан. Знала, что пострадают люди; никому ненужные, но то не умаляло их жизни. Я не судья и не бог, чтобы делать такие выборы.

Но я была рада. Нет, не их смерти, а тому, что за меня отомстили. Моя мечта сбылась: я всю свою сознательную жизнь грезилась о том, кто бы рвал за меня глотки. Я вернула Яну перстень, явно украденный у кого-то богатого. Не хотела, чтобы эта вещь напоминала мне о смерти, или жизни, которую обязательно отберут из-за минутной блажи.

Потом время пошло быстрее: Ян загрузил наши вещи в машину, тепло распрощался с тётёй Машей, обняв её, переоделся в обновки, которые я подарила, — в белое худи, белые джоггеры и графитовую парку с искусственным алым мехом, окаймляющим капюшон. Теперь он выглядел как обыкновенный человек.

Так мы нырнули в авто и умчались прочь. Нам обоим стало тоскливо внутри, я видела по глазам. Наверное, Ян ощутил себя любимым? Может, он хотел бы остаться там, в доме Александра и Марии? Я уверена: он почувствовал тепло и заботу в том дорогом особняке. Бережное отношение, нежность, человеческую любовь. Такое невиданное и почти сказочное для него. Я чуть было не разрыдалась от этих мыслей: я не хотела, чтобы Дамьян страдал. Я бы хотела дать ему те чувства, подарить идиллию, но я — брак. Я не могу ничем помочь.

Я не хотела уезжать от дяди Бандита и тётки Маши, с ними не только мне, но и Яну было спокойно. Как дома. Две сироты в бесконечно огромном обществе, сломленные и преданные, жалкие, как умирающие муравьи под ботинками. Я обняла дядю Сашу так крепко, как могло моё тощее тело. Мы попрощались у борта самолёта, и я не сдержала немых слёз, отчего стало тошно: я никогда не плакала перед кем-то. Меня начинали жалеть, и становилось ещё хуже. Ненавижу жалость и свою слабость. Не хочу ничего чувствовать. От чужого внимания плакать больше.

Дамьян сел у окна и взглянул на уходящего бандита, слабо улыбнувшись ему в спину. Наверное, перед рассветом они немного друг друга поняли и даже приняли. Хотелось бы знать, что за душевный разговор у них произошёл.

Я проснулась от касания по щеке: Ян спокойно, без улыбки, стёр слезу с моего лица. За бортом — ночь и круглая луна.

— Ты беспокойно спишь, Оф.

— У тебя есть какая-то последовательность в использовании моих имён?

— Да нет, по настроению. Сейчас ты больше похожа на Офелию Црнянскую. Через минуту станешь Радмилой.

— Ян, я ненавижу своё второе имя.

— Почему? Звучит очень нежно и изысканно.

— Просто не нравится и все. Не бреди.

Ян вздохнул и отвернулся к окну. Не поворачиваясь обратно, спросил:

— Что тебе снилось?

— Ты.

— Как интересно. Ты плакала от какой связи со мной? Интимной?

— Нет, я видела, как ты убил меня.

— Я никогда не трону тебя, мое солнце, — как-то с нотой ненормальности зашептал он,

взглянув на меня. Глаза, почти чёрные в темноте, сверкнули недобро, и Ян неожиданно прильнул ко мне; провёл подушечками пальцев по изгибу моей нижней челюсти и замер непозволительно близко перед моим лицом. — Ни-ко-гда-а, — безумно протянул он по слогам и растянул губы в жуткой улыбке чеширского кота. Я сглотнула с некоторой тревогой. Такого Дамьяна я видела давно, в лечебнице — действительно сумасшедшего и гипертрофированно улыбчивого. Где находится рубильник, переключающий две его ипостаси? На что он реагирует?

Ян огладил мое лицо по контуру и уткнулся лбом в лоб. Прошептал со смесью отчаяния и тревоги, но с колючей и холодной улыбкой:

— Я люблю тебя, слышишь? — он опустил голову на мою шею и обнял. — Наверное, это так называется. Я никогда тебя не трону.

Мои руки с минуту висели в воздухе над его спиной, я все не могла понять, за какие заслуги меня можно было так искренне обнять. Но после все таки обняла его в ответ.

— За что?

— Я уже говорил: за твоё отношение ко мне. А ещё ты похожа на кого-то из моего детства. На кого-то тёплого и доброго. — Ян поёрзал щекой. — Ты прекрасна.

—..ты тоже.

Глава 9. Ты и я. Мы и они

Дамьян! Заткни свою пасть, ублюдина!

— крикнул отец.

С-сыночек, помоги папе,

— плакал он, пока нож не попал в сердце.

Глава девятая.

Мы в Лондоне. Снова мокро и тоскливо — привычный угрюмый характер этого города. Чужим он негостеприимен, даже жесток; Лондон аурой напоминал мертвеца, воздух тут был тяжёлый и колючий. Я совсем забыла, какой он серый и враждебный. Дома — лица бесов с чёрными глазами-окнами, а шпили — их ножи. Готика и атмосфера скорой депрессии. Тут тяжело быть счастливым.

Ворона клевала раздавленную машиной кошку в её открытый глаз. Мимо нас пролетел пакет, чёрный, и зацепился за мой ботинок. В лабиринтах запутанных улиц рассредоточенная дюжина людей, мёртвой, уставшей походкой бредущих кто куда. Здесь не шла та лютая зима — только лил редкий дождь из чугуновых туч.

— Тут уныло, — констатирован Дамьян, поправив тяжелые сумки в руках. — По телеку красиво, а в деле мрачно, как на похоронах.

— В Лондоне редко солнце светит. Один дождь всегда, — кивнула я, соглашаясь.

— И куда мы теперь?

— К отцу поедем.

Мы пошли пешком, хоть дядя Саша и дал немного денег на неделю проживания. Нескоро мы остановились у мастерской "Ремонт часов" и вошли в дом. Я с волнением постучала в дверь. Матерясь, папа открыл дверь; он по обыкновению в очках, измазанный маслом и лохматый, как чудище из пещер. Он открыл рот в ярком удивлении, попытался что-то сказать, но в итоге просто обнял меня, стараясь не касаться грязными пальцами.

— Офи, как я рад! — воскликнул он. — Я думал, что ты больше не вернёшься в Англию.

— Пришлось, — ответила я, стремясь отстраниться от объятий. Мне не нравились руки моих родителей, мне становилось тошно от их ласки. Казалось, что та наиграна и искусственна. — Как ты?

— Не на пороге же, проходите, — он рукой указал на дверь.

Мы вошли в кухню и сели за стол. Папа заговорил снова, когда натирал руки мылом:

— Ты нас не представишь, Офи?

— Я же просила, папа.

— Ладно-ладно, прости, Мила.

— Это... Дамьян Костич. А это мой отец — Ричард Кинг.

— Очень приятно, — тепло улыбнулся папа. — А вы?.. Ну, кем друг другу приходитеесь? — неловко спросил он.

— Мы друзья, — ответила я смущенно. Словно он увидел, как мы с Яном целовались. Страшный сон подростка.

— Костич, значит? — задумался отец, вытирая руки полотенцем. Затем сел рядом и взгляделся в моего белого убийцу. — Сын Снежаны и Йована что ли? Лицо-то знакомое. Костичей помню, небогатая семья. Ну, убили которых, помнишь, Оф?

— Нет, — поморщилась я. — Не помню.

— Вы же в детский сад вместе ходили! Точно, — отец поднялся и навис над Дамьяном, вглядываясь в его глаза цвета янтаря. — Да-да, я помню эти глазёнки, в детстве они были такие же серьезные. Дамьян, да, я уверен. Только Оф тебя называла Дами.

Ян долго смотрел на отца, а после увёл взгляд в никуда и склонил голову, спрятав лицо. Мы с отцом остались вдвоём.

— Ты уверен?

— Да, конечно! Вы же дружили, как брат с сестрой! Разве не помнишь?

— Нет. — Я достала сигарету и закурила. — Рассказывай.

— Вот беда-то! Ты, вроде, должна помнить, тебе почти пять было. Ты была очень умной и хорошо развитой на свой возраст.

— Не помню я. Расскажи.

— Ну хорошо, вы с Дамьянкой познакомились, когда тебе было почти пять. Полгода вы дружили, пока его не перестали водить в сад..

Это было утро; Исидора не смогла отвести тебя в садик, поэтому попросила меня. По дороге ты выпросила пломбир, и мы опоздали, потому, когда вошли, шла перекличка и знакомство с новеньким. Я помню Дамьяна очень маленьким и щуплым; он был зажатым и ни с кем не говорил в свой первый день в саду, ты мне об этом рассказывала. А уже через неделю, когда Исидора забрала тебя после работы, ты устроила истерику: хотела, чтобы "мой лучший друг Дами жил с нами."

Ты, доча, очень любила своего Дами, я даже удивлялся, что дети могут быть так серьёзны друг к другу. Даже я Исидору так не уважал и боготворил, как вы с этим мальчиком. Ты воровала с нашего стола печенье и конфеты, потому что знала, что его плохо кормили. Ты отдавала ему свою одежду, потому что знала, что ему нечего носить. Полгода вы были неразлучны, но в один день он пропал, и ты впала в кошмарную апатию. Мы с Исидорой, честно говоря, плюнули на это... и из-за тысячи таких ошибок мы и потеряли тебя. Забыли, что ты есть, а теперь я удивляюсь твоему холоду ко мне. Прости, Офи, я дурак.

Я не интересовался вашей дружбой, но пару раз видел и слышал твои истории.

— Пап, мы должны забрать Дами к нам! — закричала ты на меня, нахмутив брови. — Его папа хочет убить! Я не хочу, чтобы он умел! Папа, ты слышишь?!

Я тогда, конечно, очень занервничал от твоих откровений. Таких слов дети не говорят просто так.

— Почему папа хочет убить Дами? — присев до уровня твоих глазок, спросил я аккуратно. — Дами сам так сказал или ты придумываешь причину?

— Он сам мне сказал! И даже показал вавки на спине, папа! Как будто собака дяди Гладислава искусала! Я в сон час ему зеленку у тети Анны утащила и в ранки налила, он плакал потом! Это папа его побил!

— Так, Офи, угомонись сейчас же, не суетись так, я мало что понимаю! — крикнул я тогда на тебя. — Я уверен, что Дами придумывает. — Твоих разочарованных во мне глаз я никогда не забуду. Ты сжала кулачок, измазанный зеленкой, и ушла вперед.

— Офелия!

— Не лазговаливай со мной! Я не хочу такого папу!

— Да чтоб тебя! — Я схватил тебя за руку и дернул так сильно, что ты не удержалась и упала на бетон. — Сейчас же извинись, иначе я прямо здесь тебя выпорю! — Я дернул тебя за руку ещё раз, и ты ободрала себе колени, скользнув по земле.

— Да вы только и умеете, что нас избивать! Я тебя ненавижу! — Не знаю, где ты научилась этому, — наверное, видела, что мама делала то же самое в отношении меня — но ты плюнула мне в лицо и гордо сжала зубы, зная, что последует удар.

Я и правда тогда тебя ударил; так, что ты выплюнула молочный зуб, мешавший есть. Я тогда думал, что у меня растёт монстр, но только сейчас понимаю, что это мы вырастили тебя такой.

— Я ненавижу тебя, твоё лицо, твой голос, твои волосы, глаза, — сухо сказала ты мне в ответ на удар. — И ненавижу имя, котолым ты меня назвал! Я хочу, чтобы ты исчез, — злобно прошептала ты и ушла.

Конечно, я понимал, что сам виноват. Мне тяжело думать об этом.

Я пришёл на следующий день к воспитателю детсада и поинтересовался жизнью Дами.

— Дамьян? Нет, с ним все в порядке, — успокоила женщина. — Родители адекватные, любящие. Снежана и Йован Костици хорошие люди с замечательным сыном, Ричард.

— А никаких побоев не видели? — продолжал я напорствовать.

— Нет, он цел и здоров. А что-то случилось?

— Нет, — рассеянно ответил я и молча ушёл. Она что-то спрашивала, но я проигнорировал все ее слова, сказанные мне в спину.

Мне нужно было, наверное, проведать его?

Прошли недели, и я вновь пришёл забрать тебя. Это был последний день перед тем, как он пропал. Вы, шестилетние, совсем крохотные и искренние друг для друга, сидели в гардеробной у маленьких шкафчиков с вашими именами и обнимались. Будто оба знали, что больше не увидите на завтраке и переключке. Я помню, что он был кошмарно бледным и таким... золотым одновременно: его тонкие волосы тогда отливали розовым золотом. Вы сидели на скамеечке и оба молчали. Наверное, вам уже не нужно было слов, чтобы понимать мысли.

— Дами, плости, — отчего-то расплакалась ты.

— Не плачь, Офи, все будет хорошо, — отчаянно улыбнулся он тебе. Через силу.

— Я не смогу спать без тебя.

— Ты все мозешь, ты же как солнышко — великое и сильное.

— Дами, пожалуйста, пошли с нами! — Ты подскочила со скамьи ко мне навстречу. — Папа! Давай забелём Дами!

— Офи, — мальчик догнал тебя и снова обнял, прерывая грядущий поток слов. — Все хорошо!

Мне тогда совсем, как ребёнку, стало неловко: ты поцеловала его в губы. Наверное, очень невинно, но слишком понимающе. Я отвернулся, оставив вас наедине. Услышал только:

— Офи, наверное, я тебя люблю, — неуверенно признался Дамьян.

Вы и правда были взрослее; ваши тёплые и искренние отношения оказались более настоящими и разумными, чем у большинства семей. Вы оба уже тогда были маленькими героями с ходом мыслей, не как у беспечных детей, но как у взрослых. Вас закалила жизнь уже в самом начале пути.

И потом, уже по истечении месяца, ты рассказывала о нем: о том, как ты ложилась в его постель, потому что он кричал во сне, как гладила его по спине ноготками, чтобы он мог спокойно уснуть, как обнимала его, чтобы он не говорил, что никому не нужен. Ты — настоящий ангел, и ты берегла его, пока он берег тебя.

Больше я не видел, как ты улыбаешься. Видимо, золотой мальчик Дами забрал улыбку с собой.

Ну а ещё позже, когда тебе исполнилось пять, я уехал от вас с матерью: наши отношения с Исидорой стали совсем плохи.

Папа вытер платком слёзы и посмотрел на меня. А затем на Дамьяна, все ещё ушедшего в тяжкие думы.

Но я не верила его слезам. Я радовалась тому, что отцу плохо, но внутри знала, что все то иллюзии. Спектакль. Для Яна и меня.

— Прости меня, Офи. Я только спустя год узнал от тебя, что бедного мальчика действительно истязали родители, а я не поверил. Может, если бы я был серьезнее и внимательнее к твоим словам, то в итоге было бы лучше.

— Не извиняйся, ничего из этого я не помню, — вздохнула я. — А с Яном я познакомилась не так давно.

— Не познакомилась, — покачал головой отец, — а встретила вновь. Удивительно, что вы оба друг друга не помните.

— Ну, Ян-то может что-то и помнит. Он говорил недавно, что смутно помнит кого-то «тёплого и доброго» из детства. — Я заглянула в его глаза, немигающие и остекленевшие, закрытые пепельными волосами. Ян не отреагировал. — Пап, а что ты знаешь об убийстве Костичей?

— Да немного, — задумчиво отвёл глаза он, вспоминая. — От Шурика, ну, дяди Саши Самойлова, помнишь его?

— Он купил билеты сюда, помню, конечно.

— О-о, — удивился отец, — я его сто лет не видел! Как он? Как Машка?

— Все хорошо, только постарели. Живут в особняке, при деньгах. — Я достала из кармана джоггеров фото семь на семь, чуть помятое, но относительно новое; там на фоне построенного дома улыбалась семья Самойловых. — Держи, дядя Саша передал. Зовёт в гости.

Папа принял фотокарточку и улыбнулся ей; недолго поглядел на замерших в моменте друзей и продолжил:

— Так вот, Шурик говорил, в письме ещё, лет одиннадцать назад, ты уже училась в старшей школе Лондона, что, мол, все газеты Сербии пестрят о двух страшных убийствах в Призрене. Янку Милетич и ее братишку в их же доме растерзали, как живодеры щенков. И вот, семью Костичей. Парнишка-то выжил, его в детский дом назначили, а родители... Один, Йован, съеден оказался — Снежаной, давно уже, только голову в морозилке нашли, — а другая истерзанная ужасно. Дело незакрытое висело долго, а потом Шурик об этом не писал.

— Ясно, — кивнула я, узнав в этом рассказе откровения Яна когда-то давно, ещё в лечебнице.

— Так это и есть тот мальчик? Боже, как я рад вашему воссоединению!

— Да, наверное, он и есть. У Яна и правда жизнь тяжелая, сейчас его лучше не трогать. Мы погостим у тебя несколько дней?

— Конечно! — улыбнулся папа. Он радостно подскочил со стула и открыл холодильник, набитый всеми видами яств. Раньше такого не было. — Я приготовлю вкусный ужин, а вы пока располагайтесь. Вечером давайте вина купим и фильм посмотрим?

— Можно, — кивнула я. — Ян? — Я коснулась его ладони и чуть сжала мизинец. Его

руки в два раза крупнее моих, совсем грубые и сухие. Мой белый убийца осознанно взглянул на меня и вопросительно качнул головой. — Пойдём полежим? Ты устал.

— Пойдём.

Глава 10. Плач неба

Сына, бери вот тут, за ногу.

Отрежем голову, надо ее в морозилку.

Нет, руби, кость не прорежешь,

— мама видела в нем кусок мяса, а не папу.

Глава десятая.

Моя комната, казалось, не претерпела изменений: та же деревянная узкая кровать с дыркой от сигареты на матрасе, стеллаж с изобилием различного чтива, огромное окно и рядом стоящий одинокий табурет. Пусто и депрессивно, словно давно заброшенное и забытое богами и людьми место. Отец не заходил сюда после моего переезда.

Ян нашел за кроватью чёрную гитару и, сев у окна, принялся её настраивать. Я же достала из кроватного ящика старое постельное бельё и приготовила для нас постель. Из дорожной сумки я вынула одежду Яна и ровно разложила в стопку на пустой полке стеллажа, рядом с тяжеловесным тоном «Война и мир». Гитара запела в руках Дамьяна, хорошо настроенная. Я любила живую музыку, как и свою гитару; в Призрене я часто по ней скучала, плакали пальцы по струнам — любимому орудию пыток. Не знала, что Ян был столь умелый гитарист, что на слух настроил все струны. Я, приводя комнату в пригожий вид, заглядывалась на него.

Он выглядел красиво и драматично, словно картина или антураж с великолепным изваянием, а на табличке: "Одинокий музыкант". Будь у меня фотоаппарат, то вышли бы потрясающие снимки, такие, что висели бы на стене в золотистых рамках. Ян определённо был люб мне. Правду или нужную мне ложь он так часто говорил? О его любви? Или тс лишь характерный ему флирт, как способ спрятать неловкость? Беспечный фарс, как пыль в глаза?

Я была в замешательстве и грусти: мои мысли столь запутаны и подозрительны, что я переставала понимать и себя, и Дамьяна. Он был не тот, кем я его видела, и предположительное поведение было лишь самым предположением. Я путала связи, мысли, чувства в клубок и оттого страдала от непонимания, страдала от неполноценности сказанного, от различий между действием и словом в поведении Яна. Он холоден, но говорил так горячо, он рядом, но так далеко. Есть признание, но мне недоставало следующих действий.

Ян молча играл перебором: что-то медленное и печальное, наверное, именно таким аккомпанементом плакало дождём небо, хотело показать свою боль нам. Нам, кто привык абстрагироваться от чужих несчастий; нам, кому все равно. В моей комнате темно — я не стала включать тот сухой жёлтый свет — и сквозило из щелей окна. Морозно, что колело нос и посиневшие пальцы. Я отбила подушки и села на кровать.

— Ты потерянный сегодня, — сказала я тихо.

— Наверное.

— Ты что-то вспомнил?

— Да.

Я замолчала, ожидая рассказа, но Ян молчал.

— Я не буду насильно тянуть из тебя слова, Дамьян. Не хочешь — не говори.

Он не смотрел на меня, но заговорил загробно нейтрально, будто находился не со мной

— где-то далеко и давно, куда не хотел подпускать и делить тайны:

— Я вспомнил нас с тобой. Вспомнил, что мой отец чуть не утопил меня из-за того, что твой отец пришёл с вопросами о нашей семье. Он избил меня, потому что я рассказывал тебе про свою жизнь, и ты поставила в известность Ричарда.

— Значит, это и правда были мы?

— Да, я вспомнил твоё лицо. Ты и правда была другая.

— Мне было пять.

— Жаль, что с тобой это произошло.

— Что «это»?

— Метаморфоз в тебя вот такую. Может, мы бы были другими, если бы тогда твой отец забрал и меня?

— Я бы не допустила, чтобы тебе было плохо. — Я поднялась и шаткой от смущения поступью подошла ближе к Яну. Обняла сзади за шею и вздохнула, разглядывая его пальцы на грифе гитары. — Прости.

— За что?

— Не знаю, просто показалось, что я должна извиниться перед тобой.

— Не стоит, меня и без того всегда калечили. Вот и вырос, — горько усмехнулся он, — калека.

Мы оба замолчали, только дождь напевал посмертную песнь и рвался к нам согреться. Я хотела напиться, вколоть тяжелых наркотиков в вену, обкуриться травой — именно такие мысли нагнетал Лондон и бессилие Яна. Хотелось зарыдать.

Я заглянула в грязное окно: город моего несчастного детства стал желтовато-серым, трубы фабрик и заводов запеклись гадкой чёрной копотью, воздух был будто осязаемый: дышать тяжело, точно на лицо придавили плотный слой марли. И много смога в небе. Так, что мерещилось, что солнца более нет — оно взорвалось, и на месте его смерти раскрылась чёрная дыра. Едкие потоки чёрного дыма в небе, как смерч; заводы, точно механические машины из шестеренок, изрыгали чёрную рвоту, чтобы в конце мы забыли, как выглядит чистое голубое небо.

— Я возьму книгу? — спросил Ян, пока я затыкала щели в раме окна кусками пластилина.

— Не спрашивай, бери.

— Ты читала Лавкрафта? — удивился он чуть радостно, рассматривая «Хребты безумия» в твёрдом переплете.

— Да, на третьей полке снизу ещё «Таящийся у порога» и «Зов Ктулху» стоят.

— Детка, ты бомба! — рассмеялся воодушевленно Ян, почти прыгнув от радости. — Я обожаю эти книги!

— Не знала, что для твоего счастья нужна одна книжка про Старцев и Шогготов.

— Теперь знаешь, — подмигнул он, рухнув на полюбившийся табурет рядом со мной. Открыл книгу и обнаружил древнюю долларовую купюру. — Небогато.

— Моя заначка на карманные расходы. Этой бумажке лет десять. Пиво, например. Я пила на заброшке у Темзы. Паршивое место и... мерзкие люди.

— Ты долго будешь дыры затыкать?

— Тут немного осталось, — я указала на небольшую щель, — минут пять.

— Давай быстрее.

— Куда ты торопишься?

— Ты обещала полежать. Я тебя жду. Не хочу один.

— Ясно, — кивнула я и поспешила закрыть ту щель, сквозняк из которой сильно морозил пальцы. Я тоже хотела скорее лечь.

Когда я завершила начатое, Ян закрыл книгу и ожидающе посмотрел на меня. Я видела его так близко: спокойного и, казалось, совершенно здорового. Я хотела коснуться его тёплого лица, чтобы согреть руки; хотела убрать с глаз ниспадающие пепельные волосы, повязать ему высокий хвост и со всех возможных ракурсов рассмотреть угловатое лицо, чистое и будто светящееся в потёмках. Только сейчас я обнаружила красоту его глаз — на меня смотрели два цитрина, всегда серьёзные и пронизательные, даже злые и холодные.

У него красивое лицо. Объективно. Может, чем-то похож на того актера из «Интервью с вампиром». Молодого Тома Круза? Наверное, наше зрительное рандеву затянулось, но никто из нас не двинулся. Я взяла Яна за руку — хотела, чтобы он обнял меня ею, придвинул ближе.

Но вместо того сказала, потянув к кровати:

— Вставай, сам же полежать хотел.

Дамьян послушно поднялся и лёг поверх одеяла у стены, а после раскинул руки, принимая меня в объятия. Я прижалась ближе, обвивая крепкий торс заледеневшей рукой. Ян накрыл мою кисть своей — почти горячей, что меня ударило током. Я уткнулась носом в его ключицу и закрыла глаза.

— У тебя нос ледяной, — буднично заметил он. — И руки.

— У меня анемия. Все нормально, я всегда холодная, даже когда тепло.

Ян вздохнул, потирая мою ладонь в надежде согреть. Думал, что есть смысл. Его поглаживания имели гипнотический эффект, клонящий к дреме; я начала проваливаться в темноту, от которой потом бежала и бежала, натирая на пятках кровавые мозоли. Бежала от бодрствующего подсознания, злорадно бросающего меня в клетку с кошмарами. Оно так показывало проблему, от которой я удирала, закрывая глаза и не желая что-либо изменить. Там, в той темнице со стальными прутьями решетки, на меня смотрело лицо и неустанно улыбалось. Ненавижу широкие улыбки, они вгоняли меня в первобытный ужас. Я отогнала сон, пока ещё могла, и спросила хрипло:

— Что нам теперь делать?

— Не знаю. Я просто хочу не быть тут.

— В Лондоне?

— Нет, среди этих смердящих масс общества.

— И куда?

— Не знаю, Оф. Либо убить всех, либо уйти в глушь, где никого и никогда не увидишь.

— Хочешь на необитаемый остров или в тайгу? — в шутку спросила я, не ожидая того, что Ян согласно кивнёт.

— Остров. Хочу, чтобы всегда было тепло. Да, и огромный дом с собакой. Океан за окном. Весь остров, и весь наш.

— Это смешно.

— Почему?

— Ты шутишь? Это огромные деньги, Ян. Мы никогда не сможем купить не то что остров, но и дом. Такое только в кино.

— Вопрос только финансовый?

— Абсолютно.

— Тогда я добуду столько денег, что куплю всю Англию.

Я ничего не ответила. Если он решил, то вряд ли я смогу его отговорить от затеи. Я не знаю, кто мы друг другу. Просто незнакомцы, схожие по натуре. Прижимались телами, чтобы что-то чувствовать, чтобы не быть одинокими. Я вынула ладонь из руки Яна и пальцами проникла под его белое худи, прошлась ногтями по ребрам и коснулась спины. Он любил, когда я водила ногтями по его коже. Незнакомцы, но слившиеся в одно крайне болезненное существо много лет назад. Незнакомцы, но нестерпимо желающие спасти друг друга.

Глава 11. Кровь на губах

Простите, доктор Милош, но вы сами виноваты.

Дамьян, мальчик, что же ты делаешь со мной!

Глава одиннадцатая.

Снова проснулась одна в той безразличной и холодной берлоге моей ранней молодости. Ян рядом, когда я засыпала, но при пробуждении его нет. Куда он уходил от меня? Холодно, нужно было лечь под одеяло и не испытывать продрогшее тело. Я поднялась, потерянная во времени, и вышла в гостиную. На диване лежал пакет из местного гастронома; папа и правда купил вино: мускатное крепленое, полусладкое "Fino Sherry".

Я раскрыла пакет и обнаружила ещё пачку ванильных сигарилл и французский багет. Трудным было не попробовать, и я откусила краешек хлебобулочного. В квартире витал аромат печёного мяса и пряностей. На удивление уютно и тепло, как в доме дяди Саши его любимой Марии. В кухне слышался спокойный диалог между папой и Яном. Я вошла к ним с бутылью вина, которого успела хорошо выпить.

— Добрый вечер, доча, — улыбнулся отец, нарезаая кубиками картофель. Он надел фартук с желтым цыплёнком и выглядел довольно забавно. — Хорошо спалось?

— Холодно.

— Я вызову рабочих, чтобы провели отопление в твою комнату. Я его отключил, когда ты съехала.

— Не стоит, мы ненадолго у тебя.

— Можете остаться, ребят, у меня дела хорошо идут, денег достаточно для жизни.

— Спасибо, но мы сами. — Я села напротив Яна. — Хотим заработать и... купить дом, — смущенно сказала я. Эта идея казалась мне наиглупейшей. Кто серьезно может мечтать о своём собственном острове? Слишком сказочно и смешно.

— Ох-ё, — удивился папа, — какие цели грандиозные. А где?

— Не знаю, просто есть цель накопить достаточно на хороший дом, может, виллу на берегу моря.

— Я бы хотел как-то поддержать словом, но это почти нереально. Офи, Ян, вы будете копить и работать целую вечность. Проще снять в аренду небольшую студию и через десять-пятнадцать лет ее потихоньку выкупить. У вас ни копейки в кошельке, а вилла у моря стоит тысяч двести долларов, а то и полмиллиона*.

Я вздохнула вымученно, понимая бредовость идеи. Выпила ещё.

— У нас получится, — серьезно уверил Дамьян. — Я все для этого сделаю.

— Ну, — улыбнулся отец, — тогда я только желаю тебе успехов, Дамьян.

Далее они заговорили о финансовых махинациях, аферах и честном заработке на одном из заводов. Я рассеянно пила вино, пока дурман алкогольного опьянения не лишил меня слуха и четкого понимания их заурядных бесед. Я ушла обратно в гостиную и включила ящик* с DVD плеером, сунула первый попавшийся заляпанный диск и рухнула в кресло, вновь глотнув вина, кислого и неясного на вкус. Было все равно, главное — напиться. Как кредо.

Фильм про войну. Я вспомнила, что Америка прямо сейчас воевала с Россией; как прямо в ту секунду пуля дробила череп несчастного солдата, чтобы в итоге тот погиб, так и не узнав, за что боролся. Была ли его смерть чем-то важным в игре воителей двух

государств? Просто пешка, ненужная, но накормленная пропагандой и чужими намерениями, уже принявшая эти мысли за свои собственные. В том фильме смерть была красивая, без настоящей крови — лишь накрахмаленные актеры в искусственной грязи блистали в свете камер. Лишь портили честь убитых, по чьим жизням сняли фильм, вовсе не достоверный и насмехающийся над их жизнями.

Я слишком быстро напилась, меня снова начала клонить к самоповреждению та бурная ненависть к себе, спящая некрепко внутри мозгов. Рядом, улыбаясь мне, лежали ножницы, хотя я больше предпочитала новое бритвенное лезвие: оно тонкое и опасно острое, не доставляло сильной боли, но прорезало до костей. По ощущениям — острая вспышка раскрывшегося пореза, колючая, немного растекающаяся по нервам до плеч. А после ритуала — свобода, будто выпустил из себя желчь и гниющую кровь. Так я сплела теорию Галена о четырёх жидкостях в наших телах, отвечающих за темперамент и поведение, со своим желанием превратить руки в слойку с вишней.

Я психолог, но не могу помочь себе. Тренеры не играют?

Видимо, я начала отрубаться, ведь не заметила, как двое мужчин сели на диван с бутылками вина в руках и довольные от хорошей беседы. Папа пожал Яну руку, но я не слышала, почему. Я предполагала, что выглядела, как бесформенная куча кожи и костей с чуть приоткрытыми глазами, живая и мёртвая одновременно; сторбившаяся, посеревшая, убогая. Они не обратили на меня внимание. Гадкое чувство — я жила с ним от рождения.

— «Они даже не позвали меня смотреть фильм», — подумала я, пока под подъязычной костью начинало свербеть и давить. Понимание собственной ненужности взвыло, и я почти воткнула те блестящие ножницы в своё горло, такая же невидимая и забытая, как солдаты на поле боя. Я даже дернулась, с некоторым возбуждением представив, как брызгала горячая кровь меж грудей и слипалась в пальцах. Как они мчались ко мне, чтобы спасти, а я была уже мертва. Как кричали мольбы о воскрешении, как обливались слезами и трясли меня за холодную руку, а неживая голова болталась от их движений, оперев взгляд в лица.

— Оф, ты не спишь что ли? — удивился отец. — А мы подумали, что ты так устала, что уснула снова. Не хотели тревожить.

— Будешь смотреть «Пилу»? — спросил Ян. — Это моя любимая франшиза.

— Неудивительно, — тяжело поднимаясь, ответила я. — Нет, я спать.

— Я с тобой? — приподнялся Ян вслед за мной.

— Что?

— Спать с тобой буду?

— Не знаю. Можешь тут лечь, на диване. У папы есть кровать в мастерской, он там всегда спит.

— Я хочу с тобой.

Я безразлично кивнула и побрела спать.

Тошнило, но кислые слюны я глотала, приказывая телу держаться. Я боялась блевать, когда могла — держала в себе, а иногда сквозь страх и рыдания позволяла желудку вывернуться.

— Дамьян—

У Милы хороший отец, не как мой. Ричард говорил со мной, как с человеком. Он говорил со мной.

Ему не очень нравился фильм, который я предложил, но я же с упоением ждал новых сцен пыток и смертей. Я боготворил Джона Крамера* еще с детства, может, он даже как-то

повлиял на меня тогда. Когда я убил мать, то, помнится, в голове было месиво из кадров этого фильма. Я тогда впервые понял, что в реальности убийство красивее. Оно пахнет металлом, а чужая кровь греет пальцы.

Мила. Она ушла, и в гостиной стало безжизненно. Ненавижу, когда её нет; точно та пуповина, скользкая и красная, натягивалась между нами. Она выпила литр вина за полчаса и вырубилась, я жалею, что не проследил. Она предложила лечь одному. Мила не хотела меня видеть? Я хочу её понять, но она была закрыта.

Ричард начал клевать носом, и я отвёл его в мастерскую спать. Я не стал разглядывать эту комнату, как бы сделала Оф, и ушёл. Оделся, взял перочинный нож и закрыл за собой дверь.

Ночью Лондон чёрный, мёртвый. Лил дождь. Это хорошо — смысл бы следы моей полуночной жатвы. Я неплохо говорил по-английски, в школе усердно учил все предложенные дисциплины. Также учил и немецкий, но не так активно. Мне нужны были деньги, и много. Где бы я был, если бы хотел потратить кучу зелёных? В ресторане, в борделе, в казино, в мэрии.

Я запрыгнул в такси и попросил ближайший стрип-клуб, тот, что престижнее. Я поехал бы и в казино, но возможность посадить на себя бабу прельщала больше. Водитель такси потребовал деньги, и я быстро ткнул ножом меж его шейных позвонков. Будь нож длиннее, прошёл бы насквозь, блестнув красным остриём под дергающимся кадыком. Таксист захрипел, а изо рта на подбородок полилась кровь, булькая и надуваясь пузырями на уголках рта. Он затрясся и глупо завозил пальцами по шее. Агония. Когда уже переступил грань, и не выживешь. Смотришь фильм, снятый на реальных событиях, где ты — главный герой и злодей в той шутовской драме.

Я достал его наличность и ногой вытолкнул на соседнее кресло. Сел за руль и увёл машину к Темзе, недалеко от клуба, куда лежал мой путь. Скоро не было ни машины, ни водителя — сгнули среди рыбы и водорослей. Пришлось пешком пройти до заведения и заплатить громиле у входа половину того, что я забрал у трупа. Сочные бабы порхали — ночные бабочки — по клубу; на бёдрах чулки и короткие шорты, а на сосках наклейки с красными сердцами. Длинноногие, стройные, блестящие от жары и света софитов.

Я прошёл к бару и заказал пару шотов. Выпил и, проталкивая жирных мужиков у сцены с шестами, прошёл к голым танцующим телам. Только телам: я не воспринимал людей, как человека разумного, о чем твердили учебники биологии. Тела, набитые дерьмом и мясом. Я ненавижу всех и каждого. У той, что с венецианской маской на лице, больше всего денег под резинкой чулков. Я хотел именно её; это тело самое привлекательное.

Мне пришлось долго ждать, пока она закончит тот похотливый танец. Я нагнал её у каморки с табличкой "Гардероб. Только для персонала". Взял за руку и сказал:

— Я хочу тебя.

— Молодой человек, вам сюда нельзя! — строго отчеканила она, выдергивая кисть.

— Мне все можно, — улыбнулся я и схватил ее за талию, подкидывая на правое плечо. Конечно, она начала бранить меня и бить кулаками по спине. — Лучше не дергайся, иначе прямо тут зарежу, как свинью, шлюха.

— Ты, подонок! Отпусти меня, слышишь?! — Она ударила локтем в мой затылок, и пришлось случайно ударить ее безмозглую голову об стену. Проститутка обмякла, и я преспокойно прошёл куда-то вглубь коридора.

— «Ебать, где я?» — подумал я недовольно, разглядывая дверь в помещение в конце

этого темного тоннеля. — «Хоть бы табличку повесили, а, бараны».

Я тихо толкнул дверь, и понял, что попал и выиграл одновременно: система видеонаблюдения с пятью мониторами и один грузный охранник с пистолетом в кобуре под рыхлым брюхом. Я посадил путану в угол и скользнул в царствие надзирателя-похитителя-пончиков, от своей же шутки заржал и привёл охранника в действие: он схватился за пистолет и навёл прицел на меня. Какой я придурок. От его лица, такого серьезного и злого, я почти заплакал с накотившего смеха. Со стороны картина выглядела, должно быть, презабавно: захлебывающийся смехом преступник, хватющийся за живот, на мушке у обрюзгшего охранника с лицом, похожим на тот самый пончик.

Я не умею контролировать свои эмоции. Иногда накатывало что-то, что я называю «истерия»; это процесс, временно лишаящий меня всех чувств, как паралич или вроде того: будто разум вырубался, и я оставался в темноте своей головы. А когда приходил в порядок, относительный, конечно, или, по-другому, когда снова включался свет, то часто видел, что был в сознании все то время и что-то делал. Убивал, да. Или с кем-то говорил. Оставались только клочки из того, что я помнил. Меня это больше не пугало, но вот Мила пару раз видела мою сбоившую систему и явно терялась. Именно в такие моменты просачивалось в мир мое безумие, которое контролировать я не в силах. Света нет.

Вот и тогда, стоя на прицеле у хряка, я остался в темноте своей головы, перестал чувствовать, что смеялся, наверное, теперь охраннику предстал другой мой вид — оскал, как улыбка Глазго.

Перестал чувствовать, что держался за живот в смехе — охранник увидел, должно быть, как я с нездоровой эмоцией схватился за нож.

Мне оставалось гадать, кем я был во второй своей ипостаси. Той самой, из-за которой меня звали маньяком и серийным убийцей. Для меня это как время без света и ясности, а со стороны — проявление безумства и кровожадности. Но нет, это не раздвоение личности. Я один здесь, в этой голове. Просто впадающий в агрессивный аффект.

Я сам хотел убивать, сам отрезал ноги тем телам, ломал молотком их кости, вбивал под ногти деревянные щепки; сам отрезал вонючие прелые мошонки и доставал, как подарок на Рождество, горячие кишки.

Это хобби, у меня на это встаёт. Я кончаю, и, если успеваю достать член из штанов, то прямо на их тела. Сам или во время «истерии» я — есть я.

Отдаленно, будто через вуаль, я видел, как хряк с пистолетом завалился на клавиатуру, и мои руки разрезали его жирную шею; действительно, как свинье на скотобойне резали тесаками сонную артерию, пока та дёргалась и плакала. Я убил ее родича. Я зарезал охранника. Кровь полилась на черные клавиши со стеревшимися буквами. Густая и темная, полная гематокрита.

— Воды пить больше надо, — усмехнулся я. — А то так и от тромба умереть можно. Но теперь-то не так страшно, да, дружище? — Один пинок, и труп упал на пол, веером забрызгав по сторонам кровью.

Я взял кружку с колой, которую пил ныне усопший, и вылил на системный блок, подключенный к пилоту с кучей розеток. Компьютер задымился и выключился, погасли мониторы, следящие за домом терпимости. Я достал из портмоне убитого деньги — немного, хватило бы только на дюжину пончиков и литровую колу — и снова заржал. Не знаю, мне не было смешно, но эмоция самовольно рвалась показаться.

Перед тем, как отобрать у шлюхи все ее богатства и облить помещение чем-то горючим,

я хотел поиметь ее. Потому схватил и затащил в каморку. Ее длинные светлые волосы размазали кровь по полу в какой-то совершенно потрясающий узор, спина и ягодицы обмазались красным. Я достал все купюры высокого и не очень номинала и кинул в сторону, чтобы не испачкать их кровью, и сорвал с тела шорты.

Член уже давно отвердел и поднялся, в серых джоггерах ему было тесно и жарко. Я выпустил его наружу, приспустив резинку брюк, и ударил путану по лицу. Я хотел, чтобы она кричала, сегодняшнее настроение требовало чужих страданий, вопящих громко и льющихся вокруг, как кровь из бедренной артерии. Хотел иметь живое тело — от мертвых я устал.

Она пришла в себя и сразу закричала, и тогда я закрыл ей рот. Плюнул на пальцы и, не церемонясь, смочил ее бритую вагину. Она уже труп, если смотреть в масштабе, так что к чему прелюдии? Она думала, что изнасилование и есть самое страшное, что может произойти с ней этой ночью. Дура.

Я не хотел ее целовать, для меня это проявление чего-то нежного, любовного, того, что происходило между связанными крепкими узами людьми, почти божественное и таинственное для меня. Но я приблизился, чтобы поцеловать эту будущую стерву*. Удивительно, но она ответила, скользнув губами по моей нижней.

Прониклась симпатией? Хотела обмануть видом влюбившейся? Не видела ещё трупа того хряка? Так или иначе, она активно целовала мои губы. Но я ждал ее стеснительного языка, и, когда он показался, мои зубы с приятным хрустом откусили половину органа ее речи. Так, будто откусил твёрдый маринованный гриб.

Она завопила мне в рот, и только тогда заметила, что руки ее в свернувшейся крови, будто она погрузила их в густое красное повидло. Я вставил в неё член и толкнул в сухое влагалище, довольно грубо, что ей причинило боль. Видимо, что-то внутри порвалось из-за недостатка смазки.

Она пыталась выплюнуть кровь из двух синих вен под языком, но та активно текла в горло и мешала вдохнуть. Стоило подержать ее на спине, и она захлебнулась бы. Какой кошмар, — умереть от откушенного языка. Я пожевал его недолго и выплюнул: в сыроедение подаваться не хотел. Пока.

Мне нравилось ее лицо. Не внешность, а страх за свою жизнь, никому не нужную в итоге, метания глаз в поиске помощи. Но как слаб человек, когда нет возможности говорить.

Я вбивал ее тело в пол, член утыкался в матку и стремился вытолкнуть ее дальше. Частые шлепки наших тел и ее качающаяся грудь с розовыми ареолами; пахло сексом.

Стало скучно и тихо, и тогда мне показалось стоящим вырвать штанги из ее крупных, высоких сосков. Это оказалось тяжело. Филигранная работа, требующая точности и концентрации: проблематично было ухватиться за маленькие шарики и вырвать перекладину вместе с плотью. Но я справился дважды, на что она вопила и вопила. Пыталась укусить меня за пальцы, тогда я выбил ей зубы. Потрясающее зрелище: когда-то красивая, но теперь с порванной вагиной, без сосков и пустыми дёснами.

Я кончил, и именно до и для этого фееричного момента жила эта девочка. Вся ее жизнь только чтобы я брызнул спермой. Вот он, путь шлюхи. Но не каждой. Какие-то будут счастливы, что на них не позарился я.

От невозможности убить всех я злился и впадал в «истерию». В мире один миллиард и триста миллионов людей*; я знал, что не мог уничтожить всех. И оттого чувствовал отчаяние. Эту шлюху я использовал как подушку для иголок, истыкав ножом. Пока она была

жива я резал ей анус и кровоточащее влагалище, попал в кость и перерубил надвое клитор. Я хотел прорезать ей единое отверстие для одновременного мочеиспускания и дефекации, без просака.

Она отключилась от болевого шока, и тогда я пошёл искать бензин или масло в стеллажах. Ничего такого не обнаружилось, и потому я решил устроить пожар через проводку и электричество. Облил колой торчащие провода и розетки — закоротило. Начало дымить, а скоро показался и огонь, пожравший первым труп хряка. Он пах удивительно вкусно. А путану с изрезанными задницей и вагиной я ботинком подтолкнул к пламени, чтобы загорелись волосы и сплавилась глаза. На случай, если выживет, пришлось отрезать ей кисти. И стопы: где-то слышал, что некоторые умудрялись ими писать и рисовать. Ни написать, ни сказать она обо мне более не сумеет.

Я забрал за хорошую работу деньги и ушёл, смешавшись с толпой. По дороге домой насчитал около пятиста долларов*. Улов меня устроил, я обрадовался. Обрато к Миле добрался на такси, никого не убив, лишь вырубив и забрав наличность недалеко от вывески «Ремонт часов» Ричарда Кинга. Водителя кинул в канаву, наполненную водой, так что умер он сам.

От запачканных брюк пришлось избавиться: я сжёг их за жилым домом и к Миле вернулся в трусах. Повесил куртку на крючок в прихожей, снял берцы и худи, чтобы после залезть под нагретое Милой одеяло и обнять ее со спины.

Во сне она дергалась, царапалась и сжималась телом в дугу, а я старался крепче держать ее. Но когда она начала грызть себе запястье, и я почувствовал кровь на своих пальцах, пришлось посадить ее посреди постели и тряхнуть. Она открыла глаза и затравленно оглянулась по сторонам, хватаясь за меня, как за единственное спасение; как за камень, когда течение реки старалось утопить. В темноте, при стуче капель об окно, я заметил кровь на ее губах и щеках.

— Ян... Э-это ты? — тихо спросила она, вода ледяными ладонями по моим скулам. По коже скатилась капля крови: Мила прогрызла очень глубоко.

— Зачем ты это делаешь? — шепотом выругался я. Пришлось подняться и схватить первую попавшуюся тряпку, более или менее подходящую на роль бинта. — Дай руку. — Я туго обвязал рану и взглянул на неё.

— Не знаю. — Она шмыгнула носом, видимо, ещё и плакала. Невинно вытерла слезу, изучая повязку круглыми глазами.

Кровь на губах. Блестела. Я поцеловал ее. Избитую жизнью, маленькую, незащищенную.

* Двести тысяч долларов ~8 миллионов рублей, полмиллиона долларов ~21 миллион рублей на 2011 год.

* Телевизор

* Персонаж из фильмов «Пила», человек, устраивающий головоломки, часто — смертельные.

* В данном контексте имеется в виду значение слова «стерва» как «дохлятина».

* Население по данным за 2012 год.

* Около ~60.000 рублей.

Глава 12. Урод

Мам, пап, не ругайтесь!

Пошла вон отсюда!

Глава двенадцатая.

— ДАМЬЯН —

Я так и не сумел уснуть — проклятая бессонница заставляла каждый раз открывать глаза и смотреть в потолок, пока Мила сопела мне в щеку. Она спала со мной в одной лишь футболке, закинув обнажённую ногу на живот. У неё и правда руки и ноги были ледяные даже когда жарко. Я пытался их согреть, но тщетно.

Когда по ту сторону окна запели птицы, я встал и оделся. Зайдя в кухню, достал ванильные сигариллы и открыл окно, чтобы покурить. Почему все покупали это ароматизированное дерьмо? Хочу обычный табак без ванили и прочего навоза с щепками. Не докурил — выбросил в окно.

В ванной я подумал, что не лишним было бы смыть с себя грязь. Уже намазав тело гелем, я почему-то устал и осел на пол душевой кабины, на спину пролилась холодная вода, как ручьи по скалам. Не помню, о чём я тогда думал, но тело явно держалось на последних процентах заряда. Сколько дней я не спал? Четыре? Кажется, я тогда отключился на неизвестное количество времени.

Очнулся в том же жалком положении: сжавшимся в комок, как бедный ребёнок, закрывающийся от мира вокруг. Холодно, по спине бороздила неуловимая когорта мурашек, совсем, как ток. Наверное, такое состояние души и разума зовут «мне плохо»? Я жил с этим от рождения, уже мутировавший, приспособившийся, закалённый — так, что не замечал.

Меня не беспокоило, что это тело было изможденное; абсолютно плевать, если его собьёт машина, если пристрелят. Ему больно, холодно, голодно, но это лишь сосуд для больного меня. Я ненавижу это тело, ведь оно чувствовало каждый удар по спине, оно подводило, теряя равновесие в неподходящий момент. Это тело. Моё тело. Я хотел уничтожить его, как оно уничтожало меня. А кто тогда я? Где находится центр меня? Тело сгниёт под чернозёмом, но где буду я? Мысли, чувства, воспоминания? Смерть тела и есть конечный путь?

Я осмотрел руки: когда-то я пытался умереть. В шестнадцатый день рождения, когда вместо подарка и объятий мать пыталась напоить меня отбеливателем. Тогда я в последний раз рыдал в подушку, а после схватил канцелярский нож и испластал руку в мясо. Я бы умер тогда, если бы Яна Милетич через окно не увидела, как я подышаю в луже своей крови. Она вызвала медиков и меня залатали, а один из тех врачей обнял меня и так искренне попросил не делать себе больно и никому не позволять делать того же. Он тоже был молод, и я благодарен ему за доброе сердце. Ведь именно после его слов я убил мать.

Она делала мне больно, и я отомстил за свои шрамы. Шрамы в душе, на теле, в психике. Тот врач отдал мне свой крестик и попросил его хранить. Этот кулон был со мной уже восемь лет. Как напоминание о том, что тогда я сошёл с ума. Добрые намерения того парня стали последней каплей, взорвавшей дамбу. Неотвратимо.

Я истерзал и Яну, потому что понял, что получал удовольствие от чужой боли. Все должны были страдать, всем должно быть больно, как было больно мне. Я хочу отомстить миру и жизни за всю эту infernalную боль. Меня ненавидели и презирали, и теперь я

волен делать то же самое. И корни идут от Снежаны и Йована Костичей. Мои поверженные враги, каратели, мучители. Я их вырождение, полное гнева и ярости. Я понял в тот день, что резать других, а не себя — моё призвание. Моя миссия. Моя мечта. Бритва тогда перестала просить перерезать себе горло, но стала вопить о казни других.

Станок. Я очнулся, заметив его на полке. Новый, ещё в пластиковом футляре. Я провёл ладонью по челюсти и понял, что колючий. Глянул вниз — яйца тоже обросли белым кустом. Пришлось одолжить бритву и пену. Я любил и очень ценил чистоту. Почти перфекционист и педант. Любил чистую одежду, преимущественно белую, и чисто вымытое тело, волосы. Часто я был весь в крови, но это исключение, кровь для меня никогда грязь. Я готов был купаться в ней, пить её и кончать от аромата очередью из дюжины оргазмов.

Я дочиста выбрился и вымылся, собрался выходить, но увидел на батарее белые трусики Милы. И вспомнил, почему не смог уснуть этой ночью.

3:08, СУББОТА.

Я поцеловал её. Вкус сладкой крови Милы, я его не посмею забыть. Моё солнце, как она прекрасна. Я влюблён в её существо, полностью, без остатка. Она коснулась моей груди, и там прожгли кожу искры. Я не сдержался и посадил её на себя, обвивая руками талию.

Странно, что она продолжала плакать, исследуя льдом пальцев мое тело. Я был убежден, что ее нутро пылало, что она ждала этой близости, но я чувствовал соль на покусанных губах. Кровь и слезы. Мила все тянулась к моей шее, старалась коснуться кадыка и крепче схватиться, как бы боясь, что я уйду. Или она хотела убить меня.

Я был дерзок, запустив руку под ее футболку. Колючие скалы позвоночника стали клавишами для моих пальцев, а Мила сильнее прогнулась. Моя кошка. Все женщины горячие меж бедер, но ее огонь мог прожечь даже меня.

Тот поцелуй как восьмое чудо света. Лишь поцелуй, но оба мы покинули Землю в ту минуту, оба попали в Эдем. Рай для нас была та ночь.

Я тоже заплакал внутри. Так странно было быть счастливым.

Она оторвалась от меня, вскинув голову и тяжело задышав. А когда она посмотрела на меня, то я увидел смесь эмоций: тревогу, возбуждение, страсть и неверие. Мила не верила мне, боялась, что я причиню ей боль. Готов был отдать голову под гильотину, что быстрее убил бы себя. Мой свет, я не смогу его потушить.

Она отвернулась, заглядывая в окно. Словно дождь мог помочь что-то сказать. Я редко понимал людей, этих тел из мяса и дерьма, но понял её сомнения. В себе, во мне, в моменте.

Я уложил Милу себе на грудь и крепко обнял. Ведь не имел права на то вожаденное соединение тел. Не имел права брать силой. Должно быть, она расслабилась: её худенькая нога упала мне на таз. Бедром я ощутил её наготу под задравшейся футболкой, и той бесстыдной наготой она прижалась к моей ноге. Она была там адски горячая и мокрая; у меня не могло не встать. Она быстро уснула, потому не получилось уйти и спустить в туалетную бумагу — не хотел прерывать её спокойный сон.

Вот и потерянные трусики — на батарее в ванной, постиранные на руках обычным мылом. Я вспомнил её жар на себе, и член вновь встал, неудовлетворённый ночью. Холодную воду я выключил и принялся дергать орган любви и жизни. Представил, конечно, как брал Милу сзади, чуть сжимая её горло. Она такая маленькая и худая, что походила на ребёнка рядом со мной. В экзотических фантазиях чётко слышались стоны, и я наконец увидел, как ее лицо полнится эмоциями. У нее была безупречная улыбка, но она не улыбалась. Я видел всего единожды. У нее красивые серые глаза, но они стеклянные и

неживые. Я никогда не видел других.

Я кончил в стоковое отверстие, в последний раз представив ее: такую светлую и маленькую, прыгающую на мне, как сумасшедшая бестия.

Я мы бы продолжать сочинять порнофильм в голове, но в дверь забарабанил Ричард, крича глухо через стену:

— Откройте дверь! Мне срочно нужен унитаз!

— Ричард, это Дамьян, что случилось? — Я натянул на мокрый торс белую водолазку, та упорно скрипела, не желая налезать.

— Да блевану я сейчас, еб твою мать!

Я и правда услышал его рыгающие позывы прочистить желудок от той гадости, что там скопилась за вчерашний день: курица, помидоры, картофель, кабачки и крепленое вино. Старым алкогольная интоксикация давалась сложнее, когда молодым хватало лишь стакана ледяной воды.

— Выхожу, терпите, а если никак, то в горшок с той высохшей веткой прочистите.

— Это пальма, парень. Давай быстрее, иначе сам будешь паркет драить, как матрос!

Я уверен, что Ричард слышал, как я несдержанно посмеялся над ситуацией; а когда вышел, то он рванул к унитазу так, будто ему был вовсе не полтинник, а не более двадцати. Блевал он, обливаясь слезами, истощно и насыщено, так, что весь унитаз наполнился желто-красной жижой с кусками курицы и шкурами помидоров. Пахло кислым молоком и забродившим вином.

Я привык видеть грязь, блевотню и дерьмо: каждый второй труп обделывался в штаны, когда я прорезал мышцы шеи, а некоторые от страха блевали прямо на себя. Мерзкие создания, тошнотворные и омерзительные. Я презирал их. Сильных и слабых.

Я сел на кухне у окна, чтобы снова покурить. Вышел краснощекий Ричард с мокрыми глазами, сел рядом на кухонную тумбу и тоже закурил.

Спросил, вытерев рукавом слезу:

— Как спалось?

— Я не смог уснуть. Бессонница.

— Просто лежал что ли?

— Ага. Только Мила в ухо сопела без задних ног.

— Вы любовники или как?

— Не знаю. Мила говорит, что друзья. Наверное, так.

— Ясно. А ты мою дочь... ну, знаешь, спал с ней?

— Нет.

Его будто расслабило. Заулыбался.

— Я берег ее, иногда лупил, чтобы с парнями не гуляла. Проституток много, а девственниц ценят. Хорошо воспитал — она никогда за свою подростковую жизнь не дружила с парнями и не скакала на них, как шлюха.

— Били за влюбленность? — хмуро переспросил я. Это гадко: прикладывать руки, когда было можно объяснить. Не бей ты ее, идиот старый, то, может, у неё бы уже давно была счастливая жизнь. — А для чего?

— Ну как, — затянулся он, — чтобы знала, что себя хранить надо. Ее никто не возьмёт в жены, если она «бракованная».

— О свободе мысли и чувств вы, видимо, не знаете. Можно принять ваши действия за истязание.

— Тыфу, какие истязания? Воспитание, и только.

— Если я разобью вам нос, то это тоже будет считаться воспитанием?

— Нет, — нахмурился он. — К чему клонишь, парень?

— К тому, что для понимания между людьми требуется не кулак, а язык. — Я сбросил в раковину пепел. — Как думаете, Ричард, вы меня поняли бы, если бы я избил вас? Поняли бы, что этим я хочу вам показать? Что сказать? Какое напутствие дать?

— Критикуешь мое воспитание?

— Больше, чем критикую — презираю.

— Не имеешь права.

— Имею.

Ричард разозлился, грозно потушив сигарету двумя слюнявыми пальцами, и подошёл ближе; он хотел, наверное, по законам вселенского быдла, впереть морщинистый лоб в мой и начать катить бочку. И хотел ещё, я уверен, выпрямить старый позвоночный столб и забрызгать в ярости слюной, браня меня. Хотел ударить в челюсть и пару раз пнуть. Хотел, но не мог, впервые ощутивший сопротивление и грубую критику его существа. Всегда правый и не терпящий возражений, и теперь с ущемлённым эго.

— Офелия моя дочь, и я владею ей, как хочу! Какого хера полез сюда?

— Старик, — усмехнулся я, — да ты больной придурок. Твои только сопли в носу, ими и владей.

Смелым было поступком замахнуться на меня. Тупой или везучий? Я поймал его руку и нагнулся к его сальным глазам.

— Я не знаю, сколько дерьма ты сделал, но любимые детишки никогда не пытаются вскрыться и сдохнуть просто так. Уж я-то знаю, о чем говорю. Я презираю тебя за то, что ты дал ей не воспитание, а желание сгинуть. Ты хоть видел ее руки, конченный уебок?

Ричард уязвленно отвернулся и выдернул руку. Потирая запястье, сказал:

— Я за такое вышвырнуть тебя могу.

— Тогда останешься без головы.

И на том я молча ушёл в комнату Милы, услышав также, что мое солнце проснулось. Я, казалось бы, не вовремя, но увиденному обрадовался: Оф потянулась, приподняв мятую футболку до поясницы, и выглянули ее ягодицы. Круглые и никогда не загорающие под солнцем, оттого белые, как молоко. У неё красивые ноги, стройные и гладкие. Не думал, что умел любоваться человеческими телами. Или она не человек? Кто тогда?

— Дамьян! — воскликнула она, обернувшись на мой исступленный вздох. — А если бы я голая была?

— Тогда я был бы ещё более рад тебя видеть.

— О чем вы спорили с отцом? Я слышала, как он сказал про то, что может тебя вышвырнуть. Что случилось?

— Да пустяк. — Я сел на табурет. Он мне не нравился, потому что гвоздь впивался прямо в бедро, но я все равно садился на него. — Как спалось?

— К чему эти будничные вопросы? Плохо спалось, что-то ещё?

— Ты агрессивная сегодня.

— Я всегда такая, тебе кажется. — Она накрылась одеялом и прошлась по комнате, о чем-то думая. Поймала мой наблюдающий взгляд и недовольно потребовала: — Не смотри на меня.

— Хорошо, не буду. — Будь она не Милой Црнянской, а простой незнакомкой, то я вы

открыл ей голову и выбросил в окно. Но я отвернулся и засмотрелся на ворон, каркающих так громко, что было слышно даже в квартире. — Хочешь обрадую?

— Чем? Тем, что никого не убил?

— Смотри, — я вынул деньги и протянул ей. Она сидела на кровати и холодно смотрела на свёрток купюр. Затем подняла на меня злые глаза и сжала зубы. Я слышал трение эмали. — Теперь мы можем не пресмыкаться.

— Где ты их взял?

— А ты как думаешь?

— Ты... — встала она, — да что с тобой не так?! Неужели ты настолько больной, что не успел приехать, а уже лишил кого-то сраной жизни?! — Она схватила книгу Лавкрафта, которую я до сих пор бережно читал, и швырнула в меня. — Ты настоящий урод! Я надеялась, что ты можешь быть... не знаю, адекватным, но ты... Ты! Ты гребаный монстр! Хватит это делать!

Я не знаю, почему, но я слушал ее слова, и мне становилось больно где-то там, глубоко. Ее слова — истина для меня, и она говорила, что я урод. Наверное, что-то рухнуло во мне, взорвалось и разлетелось пеплом по выжженной пустоши.

— Отец прав, убирайся отсюда! — Она снова кинула в меня книгу. Я дал ей попасть в меня. Как жертва; жизнь поменяла местами роли и амплуа, теперь жалкий я. — Знаешь, Ян, я искренне презираю тебя. Надеюсь, что отец перепутал тебя с тем мальчиком из детства! Потому что ты настоящий ублюдок! Просто убейся!

Я встал, аккуратно положил покалеченные «Хребты безумия» на табурет и прошёл мимо. Когда наши тела сравнялись, я прошептал ей:

— Ты знала, кто я. Странно теперь удивляться.

И ушёл.

Конец ли это? Как я без неё?

Глава 13. Улыбаться

— Верните меня в садик!

— кричал я им.

— Заткнись, сволочь!

Глава тринадцатая. Часть вторая.

— ДАМЬЯН—

Серое утро, почти безжизненное, только вороны расчерчивали грозовые тучи. Про солнце давно забыли: оно погибло где-то далеко и давно, так, что Лондонский люд озлобился и внешне стал походить на бледных мертвецов с недостатком витамина D. Умершие, но продолжающие идти куда-то и для чего-то, точно паровые машины. Эти парогенераторы со стареющим тленным телом живут, чтобы умереть, уже почти достигшие конца, они цепляются за остатки. Это нелепо и раздражает.

Но все они ещё до рождения были гнилью, которой место там, откуда все мы — в землю. Живые и мёртвые одновременно. Все пустые, но воображающие себя хоть кем-то значимым. С роем шершней в голове — уже даже не спокойными тараканами. С лицами, но без глаз, ртов и носов. Никто и нигде.

Я и сам удивился, что такое могло произойти. Мила беспощадна ко мне, сказала, что я урод. Я и правда такой. Наверное, это называется «больно»? «Разочарование»? Как объяснить то, что неизвестно? То, что всегда сопровождает, но не ясно в сущности? Странно ощущать что-либо, я не привык копаться в разложившихся мозгах, чтобы отличить «плохо» от «херово» и «больно». Это как отличить чёрный от темно-тёмно-серого. Я урод. Да.

Я не знал куда идти. Куда себя девать? Что делают остальные, когда внутри «болит» так же, как «болело» у меня? Не физически, скорее, похожее на то, будто хочется кричать, упасть на мокрый асфальт и лежать, пока не раздавила бы машина. Я не понимаю, что это. Это чувствует каждый? Как с этим возможно жить? К такому «больно» я не привык. Какое-то другое «больно». Так отчаянно, что кажется, будто я узник своих головы и разума. Жжётся, колется, рвётся куда-то эта волна. Горькая, глубокая, горячая и холодная, меня точно окунули в прорубь, а затем бросили в жерло Везувия. Я теперь даже не окаменевший пепел, а пыль. Нет следа от меня. Я шут. Шут для никого. Смешон даже себе, окутанный презренной драмой.

Пока я брёл по улицам, похожим на кладбищенские кварталы, наткнулся на дешёвый хостел с идиотским названием «Клеопатра». От Клеопатры там, наверное, только прах умершего нарика. Внутри и правда пахло под стать древнему саркофагу: затхлостью и плесенью, может, грибок. Над вестибюлем — противная жёлтая лампа, поющая сладкую песнь для мотыльков.

Я снял номер на трое суток и прошёл в комнату на четверых. Убогое зрелище для узников этого мира, у кого нет власти и сил. Убогое зрелище для убогих людей. Я сходил в ближайший магазин и купил водку. В том клоповнике имени Клеопатры я открыл бутылку и глотнул, запив водой. Как паршиво это чувство, как жалко выгляжу я, пьющий водку с водой. Так делали Снежана и Йован, когда не было денег на дешёвую газировку. Я становлюсь ими.

От той угнетающей мысли я взорвался и перевернул старый ящик для одежды, пнув его. Эта дрянная бутылка водки полетела следом, разбившись о металлическую перекладину кровати на скрипучей панцирной сетке. Понесло спиртом. Лучше не стало, я только сильнее

разозлился. Не знаю, на кого. На себя? На неё? На них? Достал пачку денег и порвал ее — камень преткновения и яблоко раздора в одной форме земных бумажек, грязных и потёртых. Не я оплошал, нет, это они — проклятые деньги.

Но ведь они исполнили бы мои грёзы. Я быстро пожалел о своём поступке.

Лишь ошмётки былой ценности валялись на старом рыжем линолеуме. Раньше эта бумага была ни к чему: зачем забирать деньги, если уже забрал жизнь, дыхание их обладателя? Зачем копить на машину, если можно убить владельца и забрать его имущество. Все эти материальные ценности — шлак, никому не нужный. Нет, нужный, чтобы умереть с гордостью в том, что построил дом. Будто там, в тёплой темноте, есть радость гордиться. Авто, бриллиантами, яхтами, виллами. С другой стороны... а что делать, пока жив? Кем стать и чем дышать? Я ответил бы: наслаждаться этим эфемерным миром, недолгим и бодрящим течением событий. Сказал бы, если бы не было бессмысленным. Зачем жить?

Ответ. Я ищу его в каждом лице.

Я помогу тебе умереть, ведь ты всё равно окажешься в земле; от моих рук или нет. Кто «ты»? Я не знаю, с кем говорю. У меня всегда идёт диалог с кем-то. К кому я обращаюсь? У всех тел много голосов в мыслях? Дамьян. Ян. Дэмиан. Кто это?

Я оклемался от безумия и перестал бить стены кулаками. Сел на кровать с зелёным постельным бельём, — застиранным и посеревшим, вытер об простынь сочащуюся с пальцев кровь. Обои в ромашки теперь с красными каплями и вмятинами. Бей я сильнее, эти картонные стены бы проломил насквозь. Жалкий я и жалкая комната с осыпающейся от старости мебелью. Тут изолятор на четверых, мрачно, будто все забыли об этой тюрьме в ромашек.

На потолке дыра от люстры: сняли, ведь заключённые вешались на ней. Висельники. Улыбающиеся. Кому? Смерти.

Я и сам хочу на эшафот. Или ту былую люстру. И улыбнусь ей. Кому? Смерти.

В душе, кишачем мокрицами и тараканами, я нашел одноразовые бритвы. С пустой головой, неосознанно, открыл, вытряхнув высохших мошек, застрявших в давно нестерильной упаковке. Как в трансе, не видя, что творю, я переломил пластик зубами, порезав губу. Лезвие упало на пол — грязный, пожелтевший от старости линолеум, криво обрезанный у основания унитаза. За ним инсулиновый шприц покрывался паутиной. Я прав был о нарике. Тут кололись эти обдолбыши.

Впервые за долгое время бритва не хотела резать других — только меня. Это и есть послевкусие любви? Я прижал лезвие к запястью и решительно прорезал плоть. Раскрылась красным бутоном рана, сверкнули сплетения сухожилий, и пальцы дёрнулись в ответ сами. Согнулись деревенело и резко. Я разжал пальцы, но мизинец не отозвался. Убогое тело, слабое. Оно сломалось, стоило немного испытать его. Я насильно согнул палец второй рукой, и понял, что вижу, как тонкая нитка сухожилия, одна из четырёх, усиленно пыталась согнуть мизинец. Но, перерезанная почти насквозь, жалобно дёргалась, не имея силы над осиротевшим пятым пальцем.

Проще было бы отсечь брак, но я забыл об этом, увидев шею в заляпанном зеркале. Свою шею. Длинную и пульсирующую. Я хотел тогда быть своей же жертвой. Узнать, каково это, когда ножи застревают в тугих мышцах, прорезают твёрдый кадык и лишают дыхания. В последний момент я понял, что даже такое ничтожество, как я, трусит от небытия. А если там не так сказочно, как мне рисовало воображение?

Если я так и останусь пленником себя? Если разум не исчезнет, но останется страдать и

«болеть»? Вечная, нескончаемая мука. Я опустил лезвие, а когда наваждение иссякло — выбросил в унитаз и смысл: мое самовольное тело и само могло убить себя, если бы я всецело не избавился от сраного куска металла.

Мне было бы всё равно, но слабость от кровопотери добавила забот: порез на запястье обливался кровью. Я уже не замечал литры крови во время убийств, так что залитые красным раковина и пол не напомнили мне, что нужно бояться за жизнь. Она, эта горячая кровь, повсеместно рядом со мной, я её не замечаю. Это как татуировка: забываешь, что носишь, а потом вдруг поражаешься тому, что она есть, и как прекрасна. Эта сардонически улыбающаяся рана вынудила меня наложить жгут и повязать какой-то смердящей ветошью.

Стянул пониже рукава водолазки и замер на месте: ткань пахла парфюмом Милы. Я помнил вишню и миндаль на её шее. Стало паршиво, будто я потерял что-то дорогое. Не мобильник, не портмоне, не машину, не любимый нож, а такое как... смысл. Его и раньше не было, я делал что-либо просто так, без явных намерений, но сейчас... Нашёл, даже подумал, что могу иметь место не только больного маньяка, но кого-то более значимого. Хоть для кого-то.

Нашёл и так быстро потерял. Стало пусто, я замер в отчаянии. Мы ведь ещё увидимся?

В хлипкую дверь постучали. Я открыл.

— Эй, придурок, — не жалея слюны, наехал обрюзгший мужик с засаленной башкой и мутной мордой, — ты хули по стенам долбишь?!

— Иди нахуй, еблан.

Конечно, этот мир и его мерзкие жильцы понимают лишь язык кулаков и мордобоев — он втолкнул меня в комнату и ударил в висок. В иной раз я бы не пропустил удар.

Не помню, что потом. Наверное, я умер? В той жалкой «Клеопатре», под дырой от люстры. Не знаю, может, и не висели под ней тела. А, может, и висели. Качались, едва касаясь пальцами ног перевёрнутого табурета. И улыбались. Все они улыбаются смерти.

Я бы улыбался.

Ночь снаружи, свежая и холодная. Я любил ночь, но когда очнулся расстроился. Думал, что наконец понял, каково небытие. Встал и покачнулся — должно быть, этот обмудок не пожалел сил для меня.

— Ну, сука, — рухнул я на комод, поднимаясь, — я тебе хер отрежу.

Я не знал, где он поселился, и не помнил его лица, но отчего-то уверенно плёлся по коридору, держась за стены. Я не Холмс, но дедуктивный метод дал свои плоды: вероятно, он с этажа надо мной, ведь живи он через стену, то пришёл бы мгновенно, без задержки в десять минут. «Клеопатра» в три этажа, а под моими 'владениями' как раз вестибюль.

— Тук-тук, — ударил я в дверь, услышав знакомый голос.

— Идите в пизду, уебы!

Вот он, выстрел для рывка, удар плети для движения, взлёт красного знамени для быка. Слишком уныло описывать смерть этой блохастой псины. Недостойно даже точки.

Но плавающая кожа его прижатой к плите морды позабавила меня ненадолго. И шприц в глазу. А я всегда думал, что глаз вытекает, если его проткнуть. Я несколько раз воткнул иглу в его лицо: один раз попал в нёбо, и шприц застрял, оттого пришлось ударить по зубам, чтобы канюля отскочила, и мужик проглотил иглу.

Настроение, казалось, чуть приподнялось. Но я так и не нашёл ответа, не знал, что делать. Потому просто ушёл из этого смердящего карцера. Никуда.

Я бы так и прошёл весь город, если бы не одинокая девушка, бредущая гордо вперед. Кто из нас с ней виноват, что она умрет этой ночью? Я или она?

Я нагнал ее и заговорил, будто мы были давно знакомы:

— Хорошая ночь, я даже наслаждаюсь. — Я окинул взглядом небо. Удивительно, но луна впервые скромно показалась мне. Даже ревностно, что и эта незнакомка успела увидеть ее свет.

— Да, луна давно не выглядывала. Не англичанин?

— Я рад ее видеть. Серб.

— Мне тоже радостно. Эта ночь красивее многих, которые я видела.

— Часто ты ночами бродишь?

— Всегда.

— Ночью хочется жить.

— Ночью легче дышать. — Она достала сигарету и закурила, не вынимая ту из зубов. — Будешь?

Я молча согласился, подцепив сигарету из пачки красного Мальборо. Девушка услужливо, но внешне крайне равнодушно чиркнула спичкой у моих губ. Забавно, но и хмурый дождь тоже захотел покурить с нами. Я заметил тату в виде нацистской свастики на ее груди.

— Что бы ты делал, — тихо начала она спустя минуту молчания и созерцания скрывающейся луны, — если бы мир умирал?

— Он уже давно мёртв. — Я затаился. — Ну, радовался бы.

— Я бы тоже радовалась. Мне жаль, что мы существуем.

— Жаль перед кем?

— Не знаю. Перед планетой?

— Смешно.

— Да. — Она умолкла. — Так паршиво понимать, что нельзя быть счастливым. Остаётся только смерть. Тогда зачем все это? Откуда взялась жизнь? Почему мы? Почему я?

— Почему меня окружают такие, как ты?

— Как я? — удивилась она, выбросив бычок в лужу.

— Больные.

— Ну а что ты ожидал, увидев девушку, гуляющую ночью в одиночку? Не испугавшуюся парня с кровью на одежде?

Я оглядел себя, усмехнулся:

— Понятно. Самоубийца?

— Вроде того.

— Как ты понимаешь, что несчастна?

— Я просто не хочу быть здесь. Кажется, что вот-вот меня не станет. Но в то же время я жду этого со счастливым предвкушением. Счастье в несчастье.

Я впервые посмотрел на ее лицо. Бледное, как у Милы, но угловатое и очень мудрое на вид. Наверное, она красива. Наверное, даже жаль, что сегодня ее не станет. Она не смотрела на меня, и я почувствовал себя уязвленным. Думает, что я не стою ее взгляда? Думает, она лучше? Я разозлился.

— Расслабься, — вдруг требовательно сказала она.

— Извини?

— Неглупая, вижу, что бесишься.

— С чего бы?

— Скольких ты уже прирезал?

Я остановился.

— Что?

Она остановилась в нескольких метрах от меня.

— Я неясно говорю? А, ты же не сильно понимаешь английский.

— Ты... — оскалился я, — с чего такие вопросы? Откуда ты знаешь?

— Я знаю, кто ты.

Я не стал даже оглядываться на вероятный зрительный потенциал — рванулся к ней, этой девушке в чёрном с мудрым лицом, и нацелился ножом в грудь. Попал бы, не поймай она кисть и не увернись за мою спину. Не бой на смерть, — игра между незнакомцами. Нет, почти танец. Я успевал хватать ее за бёдра, почти интимно, пока она легко касалась ладонями моей груди и утыкалась подбородком в плечо. Она была по суставам, пока я повсеместно прорезал ножом ее кожу.

Мы оба выдохлись, и я в последний раз схватил ее за запястье и рванул к себе. Мой же нож, запасной, больно упёрся в солнечное сплетение — она успела выудить его из кармана брюк, но и ее сердце билось под остриём ножа в моей руке. Алая капля крови любовно огибала ее высокий лоб.

— Хочешь умереть вместе со мной? — спросил я.

— Может быть.

Я придвинулся ближе, и ее нож проткнул мне кожу. Странно, но и она подалась навстречу моему.

— Почему? — удивился я.

— Боль нужно делить пополам.

— Как глупо и несуразно.

— Согласна.

— Ты самоубийца.

— Ты тоже. И я не про это, — она указала на нож в своей руке.

Та красивая капля крови на ее лице скатилась по губам. Не знаю, зачем, но я нагнулся ближе и поцеловал эту неразумную незнакомку. Она сильнее надавила на нож, я сделал то же. Не знаю, как такое называется. Не знаю, кто она и почему так поступает. Но мне нравились ее соленые красные губы.

Мы отстранились, и она сказала, чуть улыбаясь:

— Ты нам нужен, Айзек. Ты такой же, как и мы: бракованный.

— «Мы»?

Но она лишь молча растянула улыбку и отошла на шаг, пряча нож в карман. А затем и ушла.

Глава 14. Полёт в камни

Чтоб ты сдох!

— так я крикнула отцу.

Когда-нибудь я убью тебя!

— Радмила—

Не знаю, сколько дней я не выходила из комнаты. Отец стучал в запертую дверь, кричал что-то, молил выйти, но я ни разу не открыла рот, чтобы хоть как-то его успокоить и уверить, что жива. Неделя как сон, даже кошмар, я провела ее в агонии и горячке, не отличая явь от бреда. Знобило и жгло, я чувствовала, как мозги плавятся под костями черепа. Из носа рвалась кровь — вся наволочка пропиталась ею и почернела. Влажные щёки прилипали к ткани, пока тело обливалось гадким потом.

Наверное, это грипп. Холодно в комнате, жарко под мокрым одеялом. Волосы прилипли ко лбу.

— Офи, ты жива? — надоедливо застучал отец. Уже в седьмой раз за вечер.

Пришлось наконец подняться и открыть дверь.

— Доченька, боже мой! — он ахнул. — Что с тобой?

— Все нормально.

— Я вызываю скорую! Ты похожа на труп! Посмотри на себя!

— Не надо.

— Офи, да ты же мерзко выглядишь, фу! И несёт от тебя противно, я аж блевать хочу.

— Зачем ты такое говоришь?

— А что, молчать что ли? Иди умой своё лицо, оно все в блевотине какой-то.

— Отстань от меня, я просто заболела. Научись рот не открывать.

Давно я не чувствовала удары по лицу.

Снова кровь на зубах.

— Как ты со мной разговариваешь? — он больно ткнул меня в лоб пальцами, толкая обратно в комнату. Я завалилась на пол. — Соблюдай субординацию, дура.

— Пошёл ты, старый ублюдок, — сплюнула я на его ноги кровь. Снова разбил мне губы. Любимый отец.

Снова пинки по хребту и голове, я привычно согнулась в защитную позу, совсем как в детстве. Уже совсем не больно. Знакомо и повседневно. Осталось дожидаться, пока меня вырубят, и он уйдёт чинить треклятые часы. Ему неинтересно истязать меня, если я не кашляю и не кривлюсь от боли. Вот он — настоящий убийца, соответствующий всем критериям. Такой же страшный, как каннибалы или насильники; он на одной ступени с этими бесами.

Вот он — маньяк с пустыми глазами, похожий на доброго учителя младшей школы.

Вот он, его лик — лик добреца с чёрным существом и родными руками в масле.

— Поеботина, как же ты меня заебала! — Он крепче прочего ударил меня в лицо. — Ну, тварь, больше ты так легко не отделаешься! Всю жизнь мне испортила, блядина!

— Ты сам кончил в мамашу! Я — это твоя ошибка, больной идиот!

— Заткнись! — Он достал из кармана моток рыжей проволоки и туго связал мне запястья. Настолько, что кисти посинели, а медь впиалась в мышцы, продавив слой кожи. — Я тебя сейчас убивать буду.

— Что, задело?

— Нет, больно смотреть на свои ошибки. Проще их скорее устранить.

— Какой же ты больной... — усмехнулась я. — А ведь создаёшь вид замечательного отца. Вот странно будет, когда соседи узнают, что их добрый часовщик в деле убийца и тиран. Все вы, психи, внешне ангелы. Срала я на вас.

— Ты никогда не могла заткнуть свой вонючий рот. Вечно провоцировала, хотя должна быть покорной и смиренной. Это роль женщины! А ты со своей матерью мерзкие и грязные шлюхи!

— А что же ты трахал тогда ту шлюху? Чего радовался новорождённой?

— Да заткнись ты! — Он наотмашь влепил мне пощечину и вышел из комнаты, хлопнув дверью.

Именно сейчас решается моя судьба — она либо в моих руках, либо в его. Жизнь или смерть? Знаю, что его терпение иссякает, знаю, что он давно хотел убить меня. Все вокруг против моего существования. Даже я сама. Наверное, уже достаточно испытывать мир и себя. Я успела попрощаться с этим миром, даже всхлипнула, уронив голову. Тяжко выбирать смерть.

— «Прости, прости», — извинялась я перед собой же. — «Прости, я так и не смогла спасти себя».

Неужели так бывает? Так бывает, что меня не станет? Эта книга ведь не может закончиться на смерти главной героини? Или книга эта вовсе не обо мне?

Размеренная поступь отца совсем рядом и сквозящее окно позади. Смерть или жизнь? Я все ещё могу выбирать.

Да, я разбила табуретом с гвоздём стекло и представила, что птица.

Я не хотела открывать глаза и понимать, что все ещё мученица той часовой. На лбу лежало что-то холодное и мокрое, вероятно, тряпка.

—..и она просто выпрыгнула? — раздался женский шёпот где-то рядом.

— Да, удачно, что ты меня все-таки заставила следить за ее домом. Она прям как ворона полетела в клумбу. Я даже подумал, что у неё есть крылья. Красиво выпрыгнула, элегантно. Эх, я бы ее..

— Цефей, — шикнул третий. — Оставь это.

— Ну а что?

— Хватит, — сурово отрезал женский голос. — Морган тебя звала, Цефей, иди глянь, что там с ее мотоциклом случилось. Трой, ты смотри за Офелией, она очень плоха, хоть Морган с Ромеро ее и залатали.

Женщина ушла, — я слышала отдаляющийся стук ее каблуков, а названный Троем рухнул на что-то скрипучее у изголовья койки, где лежала я.

— Ну, сильно ноги болят? — спросил он.

— Адски, — ответила я хрипло. — Выключи свет, глазам больно будет.

Трой действительно щелкнул рубильником. Я открыла глаза и чуть привстала. Я была клопом в том гигантском помещении, похожим на огромный вольер для исполинов-самолетов или танков. Необъятная коробка с бетонными стенами и несущими колоннами в десять, а то и двадцать метров. Настолько огромное, что я не увидела вдали очертаний следующих помещений или выхода. В скромном углу, где была я и Трой, уютно расположились старые зелёные диваны и матрасы на мешках с мукой; на

импровизированном кофейном столике из деревянных поддонов раскинулась колода древних карт, светильник и засохший бутерброд с сыром. А пол накрывал огромный ковёр, на вид из натурального чёрного меха.

— Это заброшенный авиазавод, — предупредила мои вопросы тень с именем Трой. —
Имя мое ты слышала.

— Как понял, что я пришла в себя?

— Заметил, что ты дернулась и задвигала глазами.

— Мало ли, может, сон?

— Я навскидку.

— И... что тут творится? — Я села на край дивана и отбросила плед. — Кто вы такие?

— Не моя прерогатива рассказывать.

— А чья тогда?

— У нас будет собрание на рассвете. Узнаешь через час.

— Отлично, — я всплеснула руками. — Как в дешевом кино!

— Айзек Берковиц. Знаешь такого?

— Допустим.

— Знаешь. Ты перевезла его из Сербии. Именитого Дамьяна Костича.

Я напрягалась.

— И что дальше?

— Он вступил в организацию «Ковчег», наших... врагов.

— И что это значит? Сектанты что ли? Куда я вообще попала?

— Малыш, — донеслось позади, — мы банда чертей. — Рядом улыбочиво рухнул парень, разящий амбре из машинного масла, виски и выхлопных газов. — Меня зовут Леви, но остальные чета моды взяли по фамилии звать — Цефей. — Он приобнял меня за плечи и улыбнулся.

— Отставить, — сухо скомандовал Трой, включив лампу. — Держи руки при себе.

Я разглядела их; Цефей походил на коренного ирландца с густыми медными волосами, заплетенными в хвост, он не прекращал улыбаться и травить пошлые шутки, облаченный в синюю робу с гаечными ключами на поясе. Он показался мне чудаковатым, но истинно харизматичным и внешне привлекательным: он имел великолепный профиль, похожий на греческий, и блестящую улыбку.

Трой же, я поняла сразу, был англичанином; он сидел осанисто, с гордой прямой спиной военного и в чёрном длинном пальто с белой рубашкой. Что-то блестело в тусклом свете настольной лампы — кожа португали на его груди. Не осталось без внимания, что Трой был кошмарно чистоплотным: гладко выбритое лицо почти сияло в предрассветных потёмках, а чёрные волосы, туго зачёсанные к затылку, выглядели более привлекательно, чем у меня — девушки. Красивые длинные пальцы с серебряным перстнем ритмично набивали такт какой-то знакомой мелодии.

— Ну, Стрелок наш вечно командир роты, — рассмеялся Цефей, радостно подцепив сухой бутерброд.

— Стрелок это прозвище? — уточнила я.

— Ага, — кивнул рыжий парень, хрустя сухарем. — Этот отморозок в колледже три сотни человек перестрелял. Его типа бесят люди, и он решил выпилить всех. Псих, — буднично пожал плечами Цефей.

Я перевела взгляд на Троя. Тот отвернулся, избегая зрительного контакта.

— Должна быть причина, — сказала я. — Просто так не подаются в психов.

— Понятное дело, — воодушевленно закивал Цефей, — наш Стрелок типа сирота, а те уебки из колледжа его стебали ой-ё как. Ну, знаешь, типа на больное давили. Его предков машина сбила, когда ему десять было.

Трой молча встал и ушёл в темноту. Я спросила Цефея:

— Он злится?

— Нет, когда Стрелок злится, то бьет по морде. А щас просто устал от нас с тобой. Он типа рил мизантроп.

— А кто такой Морган?

— Такая. Медичка наша. Страшная женщина!

— Внешне?

— Не-ет, она органы у людей воровала и продавала на ч.р.

— «Ч. р»?

— Чёрный рынок. Тоже безбашенная фурия, похуже Стрелка. Но в кругу зачётная девка, мы ее любим.

— А кто вы такие?

— «Антихристы».

Глава 15. Немезида

— Маргарет Кифа, шесть лет,
пропала третьего марта.

Так было в новостях.

— ЭСФИРЬ КИФА—

— Эй, — крикнул лысый сторожила с дубинкой наготове, будто я бешеная псина, — к тебе с верхушки.

— Какая честь, — монотонно съязвила я. Поднялась с койки и подошла ближе к решетке. — И кто ко мне пожаловал?

— Сейчас узнаешь.

Тюремщик ушел, а вслед за ним в крыло вошла женщина в чёрном, лицо которой накрывала вуаль. Она простучала каблуками до моей клетки и остановилась, деловито скрестив руки.

— Доброй ночи, Эсфирь. Слышала, тебя называли Немезидой? Кошмар, — цокнула она, — ты убила целую семью.

— Ты знаешь, что они убили мою дочь. — Я оскалилась, вспомнив лицо моей Маргарет. — Я только отомстила.

— Переборщила. К чему убивать всех, если виновен только один?

— Не один. В том замешаны все. Каждый член Смитов знал, что старший сын и его кузен изнасиловали и сожгли Маргарет. Я не могла иначе. — Я в заключение ударила по решетке и легла обратно на койку. Я провела на ней уже год.

— Я не пришла бы к тебе, если бы не знала об этом. Меня зовут Рицемара фон Героль. — Она достала из клатча ключ и отперла дверь. — Теперь я твой агент.

— Что это значит?

— То, что ты свободна. Но за это ты будешь должна мне.

— Я не согласна.

— Конечно, такая, как ты, не согласится. Тебе нужен фундамент для доверия. Что ж, — она протянула мне руку, — вставай, мы уходим.

— С чего бы?

— С того, что ты будешь свободна, и нет: я не работороговец. У меня на тебя другие виды. Идём, — она переступила порог и взяла меня за предплечье, — я расскажу все за ужином. Ты можешь отказаться или согласиться, я не лишаю тебя выбора.

Гнить пожизненно в том карцере или уйти с сомнительной женщиной. Я выбрала второе, и через час оказалась в престижном бутике с роскошной одеждой. Рицемара оказалась очень щедрой: она выбрала для меня великолепное платье цвета бордо и туфли. Стоит ли говорить, что этот жест обошёлся ей в баснословные суммы. Я никогда не выглядела столь дорого и деловито; впервые мое тело в зеркалах так блистало, а не вызывало жалость. В двадцать лет я родила Маргарет, а через шесть лет стала походить на сорокалетнюю: чуть обвисла грудь, бедра заплыли и прошлись целлюлитом — я была изуродована.

Ни к чему был тот феерический спектакль демонстрации богатства: лимузин, шампанское по цене виллы, перекрытые дороги для нас вдвоём, ресторан с пятью звёздами Мишлен. Рицемара кичилась деньгами.

Я отпила вина, пока «агент» делала заказ вышколенному официанту.

— Лобстер и тюремная овсяная каша, как же это далеко, — вздохнула она. — Как настроение?

— Почувствовала себя президентом.

— Я живу так каждый день. Можешь жить и ты.

— Как ты достала меня из тюрьмы?

— Деньги и власть — коктейль всемогущества.

— Ну, я слушаю.

— Да-а, — вздохнула она, — было бы слишком просто, если бы ты повелась на деньги. — Она убрала с лица вуаль, и я наконец увидела ее лицо. Она оказалась моложе меня лет на пять. — Да, я довольно молода, но это не отменяет власти и мудрости. Эсфирь, я изучила твоё досье и хочу предложить работу в одной... организации.

— Организации?

— Да, «Антихристы».

— Звучит не очень.

— И контингент соответствующий. Все пожизненно заключённые, как и ты. Алгоритм таков: я даю задания, вы выполняете, я получаю деньги и процент отдаю вам. Небольшой, конечно, но по два процента каждому из вас даёт... м-м, около десяти тысяч долларов. Неплохо, да?

— Страшно подумать, какие суммы получаешь ты.

— Лучше не представлять.

— А задания, я так полагаю, нелегальные?

— Само собой. Эсфирь, я скажу по секрету: я королева терроризма, враг каждому государству. У меня много организаций по миру: «Тереза», «Церберы», «Артемида».

— И что я должна делать?

— Ну, я отобрала замечательных кандидатов для «Антихристов». Трой Кирк, он же «Стрелок», устроивший массовое убийство в Гринвиче. Двадцать два года, англичанин. Холоден, красив, умен. Леви Цефей, лучший из пироманов Англии: он сжёг более тысячи людей и около сорока государственных зданий. Он из Израиля, но его мать англичанка с кровью ирландцев. Работал с шестнадцати в автомастерской, а после выучился на айтишника. В группе занимает сразу две роли: прекрасный хакер и механик. Тоже молоденький, двадцать четыре.

— Прекрасно, — нахмурилась я. — Банда реальных преступников и я. Рицемара, они не наравне со мной. Это монстры.

— Эсфирь, ты такая же. Ты тоже убийца.

— Нет, я мститель. Не маньяк.

— Хорошо, будь по твоему. Так вот, Разна Морган. Фельдшер, убивающий больных ради органов. У неё есть психические расстройства, как минимум, психопатия, но она прекрасный медик и боец. Отец сдал ее на карате в раннем детстве, потому она занимает роль ассасина в группе. — Она отпила вина. — И ты, Эсфирь Кифа, ангел возмездия. Ангел справедливости и строгих правил. Мудра, логична, холодна. Я хочу, чтобы ты была лидером «Антихристов».

— Лидером? Смешно. Ты же понимаешь, что эти люди мне чужды? Я не убиваю ради денег. Я вообще не убиваю. То было заслуженно. А эти... Стрелки, Цефеи, Разны... они же чудовища.

— Ты удивишься, когда узнаешь их получше.

— А задания? Дай хотя бы пример.

— Убить депутата, подорвать федеральный банк, освободить преступников, выкрасть важные данные.

— Нет, конечно нет, — истерически хохотнула я. — Повторяю для особо одаренных: я не убийца! Я не желаю зла обществу!

— Да? Зато общество желает зла тебе, — усмехнулась Рицемара. — Так зачем жалеть этих... людей? Всем плевать, что ты сгниешь в тюрьме, всем плевать на твою изнасилованную шестилетнюю дочь, которую сожгли вместе с мусором от презервативов и пачек Мальборо. Знаешь, — покачала головой она, — нет ничего, что могло бы оправдать общество. Нет причин жалеть их, этот биомусор, он копошится и ползает в дерьме. Давай, назови хоть одну причину, почему зло это зло? Где грань между добром и злом? Все в шаблонах, понимаешь? Нет добра или зла, все относительно.

— Какой вздор. — Я покачала головой, собираясь с мыслями. — Если я лично пристрелю какого-нибудь мэра, то жизнь станет лучше? Для кого? Где в этом та относительность, о которой ты говоришь?

— А кому будет хуже, если ты его пристрелишь?

— Его семье, обществу!

— И плевать, Эсфирь! Плевать, кто там будет страдать от той пули. Это не твоя забота. Кто-то помучается, да, но помучилась и ты! Неужели гнили этих людей ты ещё не увидела? Неужели ужасная смерть Маргарет не доказала, что этот мир мерзок? Что его незачем пытаться облагородить и оправдать? К чему эта глупая принципиальность, когда все вокруг погрязло в говне?

— Я отказываюсь.

— Хочется сгноить себя просто так? Ты ведь свершила правильный поступок, но должна умереть в стенах тюрьмы. Вот оно, добро, которое ты так хочешь сберечь? Ты правда хочешь этого?

Я задумалась. Конечно, эта бестия прекрасный манипулятор, превосходный балагур и диктатор. Но я не хотела умирать. Никто не хочет. Может, ее хищные, крайне искусительные речи имели положительный отклик во мне. Я надолго задумалась, ковыряя мраморную говядину в блюде. Наконец, спросила:

— Обязательно убивать?

— Нет. Этот груз на плечах Морган, Цефея и Кирка. Ты лишь их надзиратель, держащий в узде буйность нравов.

— Хорошо, я согласна. Сколько времени я буду должна тебе?

— Я отпущу вас всех, когда вы выполните последнее задание. Года через два. Но вот ещё: в Англии есть другая группировка, и ее глава мой враг. Организация «Ковчег». По сути, они занимаются тем же, но работают на другого человека и часто нас подставляют.

— Куда я вообще попала?

— В закулисы нашего мира. На то, что не видно обычному человеку. Заговоры с целью розжига войны, подготовка к массовым убийствам. Мы те, действия которых показывают в новостях. Которых невозможно найти и невозможно связать цели с действиями. Думаешь, почему и из-за кого случаются войны и теракты? Это наша работа, наши игры и деньги.

— Черт, — усмехнулась я. — Надеюсь, эти два года пройдут незаметно.

—..бля, я пиво пролил, — услышала я из недр заброшенной скотобойни. Рицемара дала мне координаты убежища «Антихристов», вручила сумку с наличностью в размере полумиллиона евро и дала водителя.

Разваливающаяся скотобойня на отшибе Лондона до сих пор смердела тушами коров и свиней, призрачно висящих на металлических крюках. После того запаха я стала вегетарианкой, после тех помещений с площадками для перерезания шей, после тех холодильников с крюками на потолке. И тех литров старой крови, уже давно почерневшей от времени.

Компания из трёх человек ютилась в служебном помещении, где они обустроили спальню, кухню, кабинет и гараж одновременно. Девушка, вероятно, Раэна Морган, лежала на коленях молодого мужчины в классическом коричневом жилете и белой рубашке. Он молча крутил в пальцах карманные часы, а второй держал Морган. Трой Кирк, или Стрелок, собственной персоной. Рицемара была права, когда говорила, что он статен и красив. Ужасный педант и перфекционист, осиротевший в десять лет.

У черного мотоцикла копошился рыжий Леви Цефей с пятном от пролитого на грудь пива. Он рассказывал о последнем соитии с куртизанкой из Уайтчепела, о ее огромном вымени и колючем лобке. Да, как и говорила агент: говорливый, озабоченный и неряшливый. Но также она уточняла, что в действительности он страшен и опасен. Цефей как клоун в мирное время, но в работе оказался хуже монстра. Он мог бы попасть в модельное агентство со своими данными, но попал в подпольную сеть террористов и маньяков. Рицемара предупредила меня, что Леви в существе очень жестокий и озлобленный, и что ненавидит говорить о себе и своих травмах. Единственное, что она рассказала о нем: что его родители были кошмарными людьми, и что его насиловал отец до тринадцати лет.

И миниатюрная Морган — светлая девушка с детским личиком куклы из фарфора. И врачеватель, который не лечил, а убивал ради гедонизма. Милая, иногда по-детски наивная, но убившая сотню людей, чтобы купить побольше бриллиантов и брендовых платьев. Она мирно сопела на коленях Стрелка, зажав в маленькой ладони его указательный палец. Забавно, ведь на ее пальце блестело дешевое колечко из набора «Киндер-сюрприз».

Три визуально обычных человека, но в деле — убийцы с травмами в душе. Страшно и жалко.

— Леви, Трой, — деловито вошла я, бросив сумку посреди помещения. — Эсфирь Кифа, ваш.

— Не говори, что командир, а, — взвыл Цефей, выглядывая из-за мотоцикла. — Прошлый, Мэтт Гир, был ублюдок, который нас обворовывал и посылал в самое пекло, а сам ссал. Козел! Трусливый козел!

— Доброй ночи, — кивнул Трой. — Рад знакомству, Эсфирь. Наши имена ты уже знаешь. Агент сообщила о новом лидере.

— Ну типа поэтому мы здесь, — улыбнулся Цефей. — Добро пожаловать в наше убежище! Тут мы работаем, не подумай, что бомжи! У меня хата в центре Лондона!

— Агент сказала, что вы при деньгах.

— Скоро и ты будешь, — подмигнул Цефей, приобняв меня. Я усмехнулась, не став отталкивать его. — Морган, красавица, проснись и пой!

— Отвали, Леви, — промычала та, уткнувшись лицом в бедро Троя и крепче сжав его палец. — Я не спала всю ночь, дай хотя бы час.

— Все нормально, — кивнула я Цефею, — пусть отдохнёт. Агент говорила, что Разна... выходила на задание.

— Ага, она типа у «Ковчега» лидера вырезала. Он уебок тот ещё, в мэрии кусок волос ее оставил. Пришлось убить следаков и выкрасть улики. Подставляют, уроды.

— А почему?

— Ну как, мы их конкуренты. Нет нас — больше зеленых.

— Почему вы?

— Мы лучшие в своей... профессии, — ответил Стрелок. — Деньги? — он кивнул на сумку.

— Да. Ваши проценты за работу.

— Мою долю можешь забрать, — сухо сказал он, — у меня все в порядке с финансами. А вот тебе нужно будет купить некоторые вещи для работы.

— Например?

— Рацию, форму, фальшивые документы, снять квартиру. Да и в целом на жизнь, ты же только из заключения, совсем голая. И на таких каблуках каждый день не походишь.

— Хорошо, я поняла. Надеюсь, вы мне поможете..

— Разумеется, — вяло улыбнулся Трой. — Мы теперь одно целое, Эсфирь.

— Немезида же, да? — вспомнил Цефей. — Как круто звучит! А почему?

— Леви, — шикнул Стрелок.

Я с секунду взвешивала, стоит ли говорить о моей боли.

— Я мститель, — честно ответила я. — И Немезида была богом возмездия у древних греков. Мою шестилетнюю дочь убили.

— За что? — сонно спросила Морган, выглядывая из-за Троя и потирая заспанные голубые глаза. — Убить ребёнка... это ужасно!

— Напротив моего дома жила семья Смитов, — начала я беспокойно, — у них был старший сын, уже сидевший за попытку насилия. Он был чем-то болен, что-то с мозгом: часто убивал местных собак и душил кошек проволокой. В ту субботу он закинул мою Маргарет в машину, когда она гуляла с друзьями около дома, и вывез за город, изнасиловал, потом вернулся за кузеном и снова изнасиловал. Они... — я чувствовала, как давит в гортани, как надламывается голос и я начинаю плакать, — тушили об ее тело сигареты, тыкали ножом ей между ног и одновременно насиловали. А после заживо сожгли в бочке с мусором. Вся их семья знала об этом и молчала, сидела спокойно перед телевизором и смотрела новости о пропаже Маргарет. Мой муж повесился после похорон, я осталась совсем одна.

Да, я рыдала перед этими нелюдьми, но отчего-то нелюди оказались человечнее любого, кого я встречала. Все они, все трое, обняли меня так тепло и мягко, что я перестала их бояться и ненавидеть.

Я шла к их убежищу, презирая каждого. Осуждая и ненавидя. Но они плакали над моей болью. Она уже не была всецело моей, — теперь уже нашей. Я чувствовала их слёзы, смешивающиеся с моими. Чувствовала в них людей.

Самых настоящих.

Глава 16. Отцы и дети

— Леви, ты любишь папу?

— Я не хочу..

— ЭСФИРЬ КИФА—

ЗА НЕДЕЛЮ ДО РАДМИЛЫ

—..да, да, — закатил глаза Цефей. — Морган, ты пьяная? Уже по третьему кругу объясняешь, и все непонятно.

— Цефей, ты... дурачина! Я ж-же ска-зала, — икнула Раэна, — из С-сербии едет какой-то ч-чел. — Ее явно вырвало. — Забери меня, Леви-и-и!

Цефей вздохнул, сурово достав ключ зажигания из кармана джоггеров. Давно я не видела его серьезным и даже злым. Он вытер руки об брюки и рухнул в новую ауди, купленную на днях. Пообещав забрать, он бросил трубку и завёл авто.

— Я поехал, — коротко отрезал он, хмурия брови. — Буду через час, она в жопе Лондона. Набери пока агенту.

— Уже набирала, — ответила я. — Как вернётесь, будет собрание. Перехвати Стрелка, он как раз на задании недалеко от Морган. И привези поесть, у нас пусто.

— О'кей, давай, я погнал.

Морган, глупая девочка, связалась с молодым парнем ее возраста, в которого по уши влюбилась. Месяц они нежились и гуляли по вечерам, неловко целуясь под луной, пока тот парень — Генри — не решил бросить Морган. Причиной стали ее комплексы и отказ в сексе, сама она плакала мне в плечо и рассказывала, что стеснялась своего тела. Стеснялась большой груди, упавшей от веса, растяжек на бёдрах и роста, из-за чего казалась пухлее при своём весе в пятьдесят кило.

На самом же деле она была красивейшей девушкой, которую я видела, конечно, после Маргарет. Морган на зависть другим была обладательницей потрясающей фигуры: песочные часы; эта ужасно узкая талия временами казалась ненастоящей — филигранной работой пластического хирурга. Длинная шея и прямые плечи, совсем как у азиаток. Я искренне пыталась образумить Раэну, убедить и уверить в ее великолепии, но она упорно отказывалась мне верить. Считала, что все мои слова гадкая лесть. Но она действительно была красива. Пьяная, сонная, в крови — любая, абсолютно прекрасная. Жаль, что она не могла разглядеть.

Так много вещей не дают быть счастливым, так много чужих слов не дают свободно дышать. Узники концлагерей, только концлагерь — самоненависть, мы сами. Как уроборос, из которого нет выхода, нет спасения. Ведь враг — ты сам.

Крик общества как плевков в душу; эти колкие слова и длинные языки разрушили многих.

Наш милый Трой, он тоже жертва. Я люблю его всей душой, каждой жилкой тела. Все ещё пленник мира, оставшийся в клетке ребёнок с незаживающими ранами. Он строг, но я видела как он плакал в одиночестве. Слышала, как ночью на том зелёном диване он вопил в подушку, чтобы не разбудить нас, тоже уставших от боли и жизни. Трой молчит, но молчание его больно и громко. Столь громко, что хочется плакать от его растерзанных чувств. Не знала, что бывает так горько за других. Не знала, что они так самоотверженно терпят и молчат.

Цефей, наш добрый скоморох с извечной улыбкой, его я тоже искренне люблю, но и его терзают боль и ненависть. Из всех нас он самый закрытый, хоть и способен выболтать триста слов в минуту, рассмешить циника и смутить копрофилов гадкими шутками о каловых массах. Мы до сих пор не знаем, что горит внутри него, какие угли, никак не желающие потухнуть. У него улыбка, но карие глаза всегда серьёзны и пусты. У него рвётся хохот, но внутри он холоден. Наверное, его я все ещё не узнала, ведь все, что он сказал о себе — это «я Леви Цефей, крутой рыжий чувак». Я знаю, что он внутренне зол на себя и этот мир, и каждый раз, когда накатывает волна, он вдребезги разбивает очередную дорогую машину.

Приходит к нам в крови и со сломанными руками и беспечно шутит о божьей каре. Мне больно видеть его таким. Больно не иметь возможности помочь.

Мне больно за каждого из них.

Не думала, что может быть так больно просто находиться рядом с ними и знать, что у них внутри. То дерьмо, не отпускающее многие годы, снедающее нутро кислотой. Я хочу помочь, но не знаю, как.

Да, я расплакалась в старом авиазаводе, в следующем пункте после скотобойни. Там мы работать не смогли.

Взрослая двадцатисемилетняя я, свернувшись в клубок, рыдала неясно почему. Нет, ясно. За нелюдей. Но я тоже стала такой, тоже убивала. Теперь совесть не царапается, не кричит, мне безразличны чужие души, мертвые или живые, я боюсь и борюсь за убийц, а не за убиенных.

Я не слышала, как вошёл Трой, но почувствовала, что он меня обнял. Да, это был его парфюм; незаметный, свежий, как прачечная. Не знаю, почему, но именно он приходил в моменты, когда я плакала. Трой всегда видел это жалкое зрелище и молча обнимал меня. Для остальных я была кремнем. Я хотела быть кремнем и для него, но он приходил вовремя, чтобы меня застать.

— Я хочу, чтобы вам было хорошо, — просипела я.

— Нам хорошо.

— Нет, неправда. Если ты про деньги, то они без толку валяются по всему убежищу. Леви ими иногда подтирается в туалете, когда бумага заканчивается.

— И руки вытирает от масла, — сухо усмехнулся он.

— Среди несчастных сам начинаешь страдать. — Я села. Он дружески вытер слёзы с моих щёк. — Трой, мы ведь просто варим себя в геенне.

— Жизнь всегда ад и никогда рай.

— Трой, — покачала я отчаянно головой, — я хочу быть счастливой, чтобы все мы просто жили!

— Мы живем. Разве не так?

— Нет! Посмотри на себя, ты же пустой! Ты не знаешь, зачем просыпаешься, не знаешь, что делать, не знаешь, что будет с тобой завтра! Разна ножиком вырезает на ногах цветочки и спиральки, когда скучно, а Цефей устраивает аварии! Он когда-нибудь погибнет, если чуть превысит скорость, понимаешь? Но самое главное это то, что вы все пустые!

— Что значит «пустые»?

— Безразличные, какие-то неживые и вовсе призраки! Не-ет, даже не безразличные, вы — лёд, но внутри гнев. И вы все просто пожирате себя, мысли ваши вас же мучают!

— Молодец, шеф, а дальше?

— Я хочу, чтобы не было этого, понимаешь? Хочу, как у нормальных людей. Не знаю, ездить отдыхать и дурачиться вместе, заняться дайвингом, альпинизмом. Подняться на Эверест?

— «Нормальные» не рискуют жизнью.

— Ты понял, о чем я.

— Да. Эсфирь, я тоже хочу. Но не достаточно, чтобы претворять в жизнь. Я вообще ничего не хочу, если подумать.

Я хотела возразить, но услышала рёв машины. Затем Цефей принёс Морган, плачущую о своей тяжёлой груди.

— Леви-и-и, я страшила-а-а! — выла она, держась за его шею. — Потрогай, они сильно огромные?

— Морган, перестань, ты всю дорогу тыкала в меня свои титьки, — строго попросил он. — Трезвая будешь потом стесняться, что я щупал тебя. Иди к Эсфирь, она потрогает и скажет. — Леви уложил Морган на моем диване и рухнул на пол рядом, запрокинув голову на мое бедро.

От Морган разило, как от пропитого алкоголика, — чем-то крепким и дорогим. Коньяк. Она тяжело приподнялась и завалилась на пол, чтобы проползти метр и лечь на колени Леви. Тот вздохнул и устало погладил ее волосы, запутанные на концах.

— Платье все испачкаешь, — хмыкнул он.

— Ну и ладно, — промычала она и сразу вырубилась.

— Выглядит паршиво, — прокомментировал Трой. — Красивая девушка в вечернем платье валяется на грязном полу.

— Надо ковёр постелить, — сказал Леви, поднимаясь. Он взял Морган на руки и вернул на диван рядом со мной. — Так и что там с Сербией?

— Агент сообщила, что оттуда летит серийник и его пассия. Офелия Црнянская, также Радмила, и он — Дамьян Костич. Доки фальш на имя Айзека Берковица.

— И что она хочет? — спросил Трой.

— В группу их.

— Обоих? — удивился Цефей.

— Да, Офелия тоже.

— Два серийника что ли?

— Пока неясно. По данным она чистая. Но с чего ей быть с Дамьяном? Тоже мутная она, надо пробить их.

— Круто, — закатил глаза Цефей. — Нам ведь так не хватало этих двоих.

— Леви, — шикнула я. — Он хорош в своём деле. От тюрьмы откосил, дурку разгромил. Спец.

— Я не буду его пасти.

— Именно ты и будешь.

— Нет, только за этой... Как ее? Радмила? Какое идиотское имя!

— Леви! — вновь шикнула я. — Это сербское имя, перестань. Она наполовину англичанка, потому в Англии ее документы оформлены на имя Офелии Црнянской. Как я поняла, мать назвала ее Радмилой, а отец дал второе имя — Офелия. В целом она выходит Радмила Офелия Кинг-Црнянская.

Цефей рассмеялся:

— Ебать, прикольно! — Он почесал темя. — Я беру ее.

— Тогда я за Айзеком слежу, — кивнул Трой.

— О'кей, — согласилась я, — мы с Морган по докам и на связи с агентом.

— Ну вот и порешили типа! Когда прилетят?

— Через пять дней.

— ЛЕВИ ЦЕФЕЙ—

СПУСТЯ ДВЕ НЕДЕЛИ

— Да, малыха, привет, — я звонил Кассандре.

— Приветик, пупс, как дела?

— Да ниче, сижу в тачке. Новую купил, теперь на гелике гоняю.

— Прокатишь меня?

— Понятное дело! Иди пирог брей пока, я через часик заеду.

— Он уже бритый, тебя ждёт, пупс, — мурлыкала она. — Я купила классную смазку с перцем, она супер!

— Уже с кем-то попробовала? — нахмурился я.

— Ага, с Келли.

— С той, у которой под сиськами паук набит?

— Это сколопендра, да, с ней. Мы ножничками поиграли перед сном.

— Почему не позвонила?

— Некогда было, она мне куни делала. А потом я.

— Какая прелесть, — цокнул я. — Хоть бы видео сняли для меня.

— А мы сняли! — улыбнулась она. — Ща скину, смотри не кончи в штаны.

— Приберегу для тебя.

Уведомление о сообщении звякнуло перед ухом, и я зашел в чат с Кэсси. Она отправила пятиминутное видео, где Келли со сколопендрой под грудью умело закручивала клитор Кэсс языком. Моя любовница все еще висела на связи и хихикала там с Келли.

Они студентки, делили комнату общежития. Я встретил Кэсс на заправке, когда она покупала мороженое, и сразу понял, что хочу ее.

— Крошки, вы супер, — улыбнулся я. — Сегодня бери красотку Келли и едем ко мне.

— Я уже ревную.

— Тебя я буду драть грубее.

— Договорились. Эй, Леви, купи вина.

— Какого?

— Самого вкусного. С меня поцелуй.

— Тогда куплю самое дорогое ради твоего поцелуя. Кэ... — я замер, увидев силуэт в окне квартиры-мастерской. — Я перезвоню. Буду позже. Не теряюсь.

— Хорошо, пупс.

Тело, тощее и бледное, в одном нижнем белье и со связанными руками. Оно оттолкнулось и взлетело. Красиво и легко, так мне показалось из машины. Если в самоубийстве вообще есть эстетика. Она рухнула на клумбу с пышным кустом, а из окна высунулась голова мужчины с пилой в руке. Он быстро скрылся в потемках комнаты, и скоро выбежал из дома. С той же пилой под мышкой он схватил ее за волосы и потащил обратно в дом.

Я взял пистолет с глушителем и быстро подогнал машину к той милой парочке. Вышел, не закрывая дверь, и язвительно цокнул ее отцу:

— Ай-ай-ай, какие теплые семейные отношения! Ричард, вы замечательный отец, знали

об этом?

Он ступешался и задергался, оглядываясь по сторонам.

— Ты кто?

— Да неважно, — улыбнулся я. — Пиздуй-ка ты обратно в свою халупу, пока я тебе мозги не вышиб, хуило.

Он бросил дочь и ускакал галопом в дом, я уверен, что почувствовал запах жидкого говна, стекающего по ногам. Обосрался, гнида. Агент была права, что семья нечистая. Этот Ричард тиран с видом добродушного. Неужто решил прирезать дочь?

Я присел к ней и перевернул лицом к себе, мягко отодвинул запутанные волосы с глаз. Кровь. Много крови. Разбитые губы, из которых шел пар слабого дыхания. Я разрезал проволоку и осмотрел запястья, истерзанные в кровь.

Она, эта таинственная и долгожданная Офелия, оказалась очень легкой. Я уложил ее на кресло сзади и, сняв с себя худи, накрыл грудь. Впервые видел ее вживую.

— «Чертовка», — усмехнулся я.

Скоро «Антихристы» наметили собрание ровно в полночь, и еще одно на рассвете. Я сверкал голым торсом, пока Морган зашивала бровь нашей гостьи. Заметил гантели Троя и решил убить время.

— Слабак, всего по пять кило, — цокнул я, зная, что Трой слышал.

— Леви, — шикнула Морган.

— Да что вы все шикаете-то! — нахмурился я.

— Потому что следи за языком, — пропела Эсфирь, листая журнал и пьющая зеленый чай с какой то дополнительной травой.

— Ты там полынь пьешь что ли?

— Жасмин. Хорошая замена бурбону, Леви. Ты так сопьешься.

— Я знаю меру, не надо!

— Хорошо, не буду, милый мой, — она отправила воздушный поцелуй. Я его поймал. Подбежал и, обняв ее за шею, поцеловал в нос. — Да, и я тебя люблю, Леви.

Трой усмехнулся и, что удивительно, прыгнул к нам и повалил на диван. Чай впитывался в ковер, пока Немезида хохотала от моей щекотки, а Трой ржал по-лошадиному над ее красным лицом.

— Ребята, да вы издеваетесь! — шикнула недовольно Морган. — Захлопнитесь! У нее все херово, а вы фигней маетесь. Трой, ну ты-то..

— Прости, — сжал губы Стрелок. — Нужна помощь?

— Да, вызывай Ромеро, у нее голеностопный пипец. Таранная кость сломана, точнее, ее шейка. Ребра — труха.

— Пиздец, этот мудила ее чуть не убил, — скривился я.

— Ромеро точно справится в наших условиях? — беспокойно спросила Эсфирь. — Нельзя ее в больницу?

— Нельзя. Ты забыла, кто мы? — покачала головой Морган. — Точно, Ромеро мой наставник. Он мертвого живым сделает. Доктор медицинских наук, что уж тут. Он нас давно чинит, когда я бессильна.

— Хорошо, звоните.

Когда старик Ромеро прибыл, я успел съездить до магазина и купить его любимый алкоголь. Этот врач зашил мое пузо и сложил кишки обратно, когда «ковчеговец» решил меня убить.

— Йоу, Ромеро, мой любимый кореш-корешок, — я обнял его и похлопал по спине. — Держи, это моя благодарность, дружище. — Я протянул подарочный пакет. — Давно хотел заехать, да времени все не хватает.

Мне было известно, что старик, несмотря на профессию, зарабатывал копейки. Ему не хватало временами на оплату отопления или на бензин для старенькой Шевроле. Мне было жаль этого замечательного человека, может, потому что он был похож на моего деда.

— О-хо-хо, — удивился он, смущенно принимая пакет. — Леви, ей-богу, не надо было!

— Бери давай, я от всего сердца.

Да, там лежали сказочные суммы и виски. Я видел, как светлые глаза Ромеро покраснели и как-то неверяще взглянули на меня. Он обнял меня, а я снова глупо похлопал его по спине. Так неловко, когда обнимают искренне.

Оказалось, и Трой подготовил презент: он вручил нашему врачу какие-то элитные наручные часы.

Как и было уготовано, он починил Офелию, выпил с нами чаю и, обняв каждого, уехал чинить движок.

Странно заботиться о ком-то, обо мне никто не заботился. Только его облик гладил меня по спине, и столь знакомый взгляд поедал тело. Он брал меня сзади и говорил, что так делают все дети и их родители.

Я задумался, наверное, надолго. Эсфирь отправила меня чинить байк Морган, и я рассеянно схватился за инструменты.

— Порядок? — спросила Раэна позади меня. — Сам не свой.

— Да, — я привычно натянул идиотскую улыбку. Как она меня раздражала, эта фальшивая ухмылка. Так учила мать: улыбайся, даже если бьют. Кто улыбается, тот сильный. Папа же просто шутит, не говори никому, просто улыбайся, сынок.

— Починишь, а потом? — спросила Морган. Чуть зарделась.

— К Кэсс поеду.

— Вы до сих пор вместе?

— Типа того. А что?

— Да забей, — она махнула рукой, — хорошей ночи.

— Ага, спасибо.

— Эй, она пришла в себя! — прошептала Морган. — Пойдешь?

— Конечно! — я подорвался познакомиться с нашей новенькой. — Малыш, — крикнул я. Я ненавижу свою озорливость и ту напускную беспечность скомороха. Идиот. — Мы банда чертей..

Глава 17. Колумбайн

— Я тебя презираю, Салли.

— Трой... Не убивай меня!

— ТРОЙ ЛУКАС КИРК—

ПЕРЕД РАССТРЕЛОМ

— Эй, бестолочь! — Миссис Генриета шлепнула меня линейкой по затылку. — Высшая математика не для вас, сударь?

— Да он даун, что вы время тратите, — выплюнул Барри Уотсон с гадкой усмешкой. Три лекции назад его кулак разбил мне губу. Он шпынял меня три года, что мы провели здесь, в Гринвиче. Главный задира. Так легко и беззаботно звучали эти слова, но в сущности — причина суицида или массового расстрела.

— Заткнись, Барри, — Салли ткнула его карандашом. — Хватит!

Салли Брок была единственная, кто меня понимал. Кто разговаривал со мной и делил обед в кафетерии. Но и ей доставалось за якшание со мной: среди знакомых пускали комеражи о ее половой связи со мной. Кто-то особо талантливый создавал фальшивые фото с ее лицом у моего члена. Мне было жаль ее. За человечность, разумность и доброту мы все сгнием в скопищах этих нечистот людских душ.

Я любил ее. Понял это, когда она поцеловала меня в разбитую бровь. Наверное, любила и она меня. Я надеялся, судорожно ища в ее черных глазах намек на чувства. Как жаль, что она погибла.

Я виновен в этом.

Мы шли с Билли после учебы, обсуждая ужин. Билли — мой сосед по комнате, шаблонный ботан с круглыми очками и коллекцией бабочек в кожаном альбоме. Он любил вычурные спагетти с кучей соусов и приправ, а мне хватало двух сэндвичей и энергетика. Мы оба как два жалких отшельника, сутулые и неряшливые, в застиранных клетчатых рубашках и вытянутых в коленях джинсах.

Билли нес на плечах порванный портфель — очередная смешная шутка от студентов на курс старше нас. Его, этого доброго толстяка с веснушками, унижали за телосложение. И все плевали, что он болен сердцем. Что тоже остался совсем один, как и я. Он был сирота.

Я хотел его защитить, но не мог помочь даже себе. Жаль, что он не выжил.

— Давай посмотрим фильм? — предложил Билли. — Или документалку.

— Например?

— Не знаю. «Сияние»?

— Да ну, скука.

— Слышал про «Колумбайн»?

— Нет.

— Да ну-у! — Билли подскочил от удивления, быстро поправил разбитые очки и затараторил: — Были два чувака — Эрик Харрис и Дилан Клиболд, ученики из школы «Колумбайн». Эти две легенды устроили тако-о-й расстрел в школе! Их травили дико, довели до пика, Харрис, например,пил антидепрессанты. И в один день апреля девяносто девятого они взяли самодельные бомбы и огнестрел. Убили тринадцать человек и застрелились сами.

— Отомстили.

— Да-а, хороши парни. Не струсили.

— Ты восхищаешься ими?

— Конечно! Они крутой пример дали.

— Что нужно убивать?

— К чему приводит травля. Могло быть по-другому. Они бы просто тихо наглотались таблеток, и никто бы не узнал, чем чреватые обычные слова, а они не захотели умирать тихо, как мыши в норах, не-е-ет, они показали всему миру, что значит 'просто' буллинг.

— Они убили людей.

— Они отомстили за свою боль.

— Ну хорошо, давай посмотрим твой «Колумбайн».

По пути мы зашли в винную лавку и купили самое дешевое из имеющегося. И по чизбургеру. На большее остатков стипендии не хватило. Пока Билли подбирал документалку на древнем нетбуке, я жарил картошку с паприкой. За окном разлился алый закат, тягучий, как патока; он напоминал двор моего дома, где я гулял со своим лабрадором Майки. Его мокрая белая шерсть окрашивалась в цвет фуксии, стоило выйти из тени. Блестела, как фианит, под догорающим светилком.

Теплый порыв ветра колыхнул занавески, и аромат весны до переизбытка наполнил легкие. Красивый аромат, свежий и родной. Жаль, что я хочу убить себя от воспоминаний, ассоциирующихся с ним. Ведь такой запах царил, когда мне сообщили о смерти родителей. Мир вокруг посерел, шелест листьев и гомон соседей вмиг растворились, я тогда будто потерял все органы чувств. Должно быть, стало одиноко и вопяще пусто. И тихо. Мир молчал. И то ослепительное солнце обратилось немым холодным светом.

Они бросили Майки на улице, а меня выслали гнить в детский дом. Я все еще помнил его глаза. Мой пес рыдал, когда пытался догнать машину, в которой меня увозили прочь.

Я бросил все силы на его поиски, когда вышел из ада. Жаль, что и он погиб, мой мальчик с верными глазами.

Снова вина машин и пьяных людей.

Всех моих близких давили, как червей.

— Эй, Трой, — как удар по щеке был голос Билли. Я вздрогнул. — У тебя горит!

Я наконец обратил внимание на угли в сковороде. Я не хотел открывать окно, но дым требовалось выпустить. Вместе с ним вошел в комнату и тот злорадный аромат приближающегося лета, аромат смерти и страха. Алый закат залил стены розовым полотном, все вокруг было теплым и нагоняющим истому. Но я задрожал перед тем пейзажем.

— Да-а, картошки не видать, — вздохнул Билли. — Ты слепой что ли?

— Задумался.

— Класс, давай хавать уголь с паприкой.

— Перестань. Это не конец света.

Сосед поджал губы и кивнул. Он достал чизбургеры из пакета и прыгнул на постель. Пригласил:

— Давай, прыгай рядом. Я нашел. На час мы для мира заняты.

— Будто мы кому-то нужны... — усмехнулся я.

Мне редко снилось что-либо. Но в ту ночь я как наяву пил пиво с Диланом и Эриком. Перед кульминацией их славы и счастья отмщения. Конечно, лишь проекция активности мозга, но я воочию видел их лица. Они оказались хорошими парнями, и в натуре узниками

мира. Но эти двое сумели его переиграть. Честно, без шулерства.

Защекотало на лице. Я проснулся и почувствовал кровь на губах.

— Эй, долбоеб, мы тебе песика принесли, — рассмеялся Барри со свитой ублюдков без собственного мнения и разума. Вот она, концепция единого разума, одного мозга на нескольких.

Я поднялся на локтях. А через мгновение понял, что на моей постели агонически дергалась собака с канцелярским ножом в шее. Я вскочил с постели, кубарем перелетел подальше от скулящего животного. Я боялся умирающих собак. Это травма.

— Милая Салли после минета с радостью поделилась твоим секретом, — плевался Барри. — Рассказала, как ты плакался о своем Майки. Знаешь, она славно сосёт. И дырка у нее узкая. Она дала нам всем.

— Пошел ты, ублюдок! — оскалился я. Впервые мне удалось показать зубы. Впервые я смело послал его. Моего карателя и врага номер один. — Я убью тебя! Клянусь, твои мозги будут украшать пол!

От криков проснулся Билли. Он сонно потер глаза и спросил:

— Что тут творится? Троян, ты чего разорался?

— О-о, жиртрест Билли! — улюлюкали шавки Барри. — Ты в прошлый раз заебато обосрал штаны!

— Идите отсюда, придурки! — мой сосед резво поднялся с кровати и схватил первое, что попало в руки: крестовую отвертку. — Как же вы всех заебали, уроды! Как вас только земля терпит!

Не заметил я, как началась опасная суматоха, и над нами нависла угроза, точно дамклов меч. Скулила умирающая собака, ругались парни с кулаками наготове, шипел дождь за окном. Я трус, потому что испугался того бедлама и тихо сбежал вон из комнаты. Но я хотел остановить эту кару над нашими душами. Хотел спокойствия. Хотел найти помощь. Клянусь, я готов был поверить в бога.

Прямо по коридору я налетел на Салли. Не знаю, откуда взялись те inferнальные ярость и ненависть. Не понимал, почему секундно стал чудовищно неправильным, как по щелчку рубильника. Я будто заставил ржавые шестерни двигаться, но в негативном направлении. В том, котором я озлобился на мир. Все это как взрыв, как пламя, как стихия, как что-то хтонически страшное. Я и сам испугался разверзшуюся бездну внутри, столь непроглядную и горящую в недрах адским огнем.

Я ударил ее. За предательство. За убитую веру. За боль.

Ее деликатные речи — фальшь. Пыль в глаза с иллюзией доброты и жертвенности. А на самом деле она смеялась надо мной, жалким пресмыкающимся, когда раздвигала ноги для Барри.

Я созвал все общежитие, поднял шум. Не зря: Билли закололи в неравной борьбе. Той же крестовой отверткой, которой он чинил мебель для первокурсниц. Его завернули в черный мешок и увезли, совсем как мусор. Я ощущал, как мир внутри переворачивался, гремел и протяжно скрипел, хотя вокруг все были сонны и спокойны. Снова то молчание. Всё вмиг перестало издавать звуки, я слышал лишь биение сердца где-то в горле. Молчали студенты, молчали небеса.

Я расплакался вместе с дождем.

— Билли-убилли, — шепнул мне ехидно Барри. — Он визжал, как свинья. Ты трус, бросил дружка... Какая жалость.

Я лишь молча ушел.

Не хочу пересказывать план мести.

Я повторил «Колумбайн».

Билли бы оценил. Я делал это и ради него.

Сначала я прострелил колени Салли, чтобы она не бежала от меня. Разбил ее лицо прикладом винтовки и заколол штыком, пробив паркет. Ее вопли были заслужены. Мне жаль ее.

Шутка.

После я нашел и Барри. Его дружки, что удивительно, обрели мозги и попытались сбежать. Забегая вперед, должен сказать, что их туши подорвались на бомбе с дюжиной других уродов общества. Я лишь помогал Земле очищаться от червей и мух.

Барри и сам наделал в штаны, когда я прострелил его мальчишеские яйца и мелкий член. Ублюдок, он страдал долго. С дырами в легком и животе.

Все эти мерзкие создания бросались прочь от меня, как от огня. А я шел твердой поступью, с ровной спиной и спокойным лицом. Шел размеренно, зная, что никому из них не выжить. Моя боль отразится на каждом. Это кара за безразличие. Бога нет, есть я.

И я устроил армагеддон.

—..он злится? — донесся голос Офелии позади.

— Нет, когда Стрелок злится, то бьет по морде..

Нет, я видел в ее мертвых глазах себя.

Свои глаза.

И почему-то увидел глаза тех, кого потерял.

Глава 18. Найти его

Дамьян, это ты? Я не помню, как выглядит твоё лицо.

— РАДМИЛА—

СЕЙЧАС

— «Антихристы»? — нахмурилась я. — Банда чертей, я поняла. И в чем ваша цель?

— Ну, мы типа убийцы и маньяки. За зелень любого достанем, — с неясной мне гордостью улыбался Цефей. — И, — он нагнулся к моему уху, — по секрету, ты теперь одна из нас.

— Я не давала согласия.

— О, это неважно. Айзек ведь твой мужик? Любовь-морковь, вся херня. Тебе будет выгодно с нами. — Он хлопнул по моему бедру. Кольнуло под гипсом на голени.

— Э... — я смутилась. — Мы просто друзья, и я его давно не видела, и вообще я не желаю его..

— И люблю всем сердцем, да, да.

Цефей был прав. Наверное. Я давно не видела Яна, уже начала забывать, как выглядит его лицо. Как лучезарна в темноте его улыбка. Мне стало паршиво, так, что я вновь почувствовала давление под языком — знамение скорых слез. И вновь жгучее желание воткнуть в горло нож, чтобы развеять тот слезливый ком.

Неделя в бреду, но я видела Яна рядом. Он будто и не уходил. Ежесекундно в моих мыслях и почти наяву.

Я только тогда осознала, что его нет рядом. И стало горько. Горько, как было ему, когда я наговорила ему столь болезненные слова. Я поздно опомнилась и заметила свои ошибки.

— Эй, эй, малыш, — Цефей неловко сел на колени перед моим лицом. — Ты чего?

— Леви, я-я должна найти Дамьяна. Я оставила его одного! Я не имела права делать это!

— Что случилось?

— Я обидела его, прогнала, накричала, унизила! Не знаю, я просто... хотела внимания тем вечером, а они с отцом забыли про меня и... и на утро я выгнала его. Хотела, наверное, чтобы он меня обнял, заставил молчать, а он ушел. Я целый день пролежала в постели, думала, что похмелье, ждала его, а потом вовсе потерялась. Была в бреду, не знаю... И только сейчас я поняла, что происходит! Леви, мне нужно к Яну! Айзеку! К нему, слышишь?

— Ох, — покачал он головой, — все вы девушки такие... девушки. — Леви обнял меня. — Мы вернем его. Верь мне.

— Есть какое-то «но»? Я права?

— Да, он попал в плохую компанию. Ковчеговцы ребята очень... скрытные и строгие до правил. Агент поит их какой-то дрянью, отчего они как белены объедаются. Дикие, злые, жестокие. Он также типа держит их в узде этим препаратом. Набедокурил, растрепал, предал — и укол чего-то второго, что в купе с другим смешивается в жуткий яд. И страшная смерть. Занавес.

— Нет, — я машинально дернулась, чтобы встать, но по ногам словно ударили молотом. — Черт!

— Ну-ну, Офелия, ты ногу сломала после полета из окна. Что случилось, кстати? Я лично привез тебя сюда. Уж позволю узнать.

— Эх, — вздохнула я, — это отец. Он наконец решил убить меня. Главную ошибку в его жизни. Раковую опухоль, мозоль, прыщ.

— Повезло, что я был на слежке. Мне было велено следить за твоим домом. Целую неделю я провел под окном. Скука смертная. И тут — бам! — ты вылетаешь со второго этажа.

— Я поначалу смирилась, что он убьет меня. Я всегда знала, что он когда-нибудь это сделает. А потом решила, что пусть идет..

— Нахуй! Правильно, малыш, — он лукаво потрепал меня по волосам. — Голодная?

— Жутко. И адски хочу пить.

— О'кей, щас будет. — Леви подмигнул мне и скрылся за дверью, скрытой во тьме.

Не успела я выдохнуть, как ко мне скромно присеменила девушка с блондинистым высоким хвостом. Она протянула мне сверток с чем-то теплым и зажато села напротив.

— Я Морган. Я слышала, что ты голодная. Там круассан с ветчиной, поешь. Цефея лучше не жди, он принесет тебедохлого голубя и скажет, что это свежая куропатка. — Она чуть улыбнулась. — Офелия, я очень рада с тобой познакомиться.

— Мне так... неудобно, что ли... — зарделась я. — Вы ко мне так тепло отнеслись. За какие заслуги?

— Не нужны заслуги, чтобы заботиться о ближнем. Тем более, что ты наша семья. Скоро станешь.

— Морган, я не... подхожу в вашу банду.

— Чертей? — чуть рассмеялась она. — Да, я понимаю. Я тоже поначалу наотрез отказывалась принимать себя как убийцу. Тоже внутри боролись мораль и человечность, но... — Она с печалью покачала головой, устремив взгляд в пол. — Сейчас я ворую у людей органы и убиваю для лучшей жизни.

— Но ради чего?

— Ради себя. Нет смысла быть хорошим для тех, кому это безразлично. Не к чему ограничивать себя, чтобы умереть хорошим. Жизнь-то одна. И теряться в самокопаниях о правильности поступков нет смысла. В масштабе все неважно. Неужели тебе есть дело до мнений общества? Кто подумает, что ты монстр, а кто боготворит. Зачем жить по их шаблону, по их правилам, по их вкусам? К чему соответствовать их идеалу добродетели. Мы в мире животных. Убивать нормально.

Я замешкалась. Не знала, чем возразить.

— Здравствуй, Радмила, — сдержанно кивнула высокая женщина на каблуках. Судя по ее стати, она занимала роль лидера. Мудрая и спокойная. Ей внешне было около тридцати. — Меня зовут Эсфирь Кифа, я глава «Антихристов». — Она заправила черные волосы под каре за уши и пожала мне руку. — Добро пожаловать.

— Так, давайте с самого начала, — попросила я, открывая сверток с круассаном. — Кто вы, что хотите от меня, зачем вам Дамьян.

— Грубо говоря, мы террористы и предатели страны. У нас есть агент, которая высылает нам задания и процент от суммы, что ей приходит за работу. Из нас всех ее видела только я, поскольку стою в иерархии сразу после. Для большего понимания нашей работы: последним заданием было убийство министра и зачистка некоторых данных, чтобы возбудить смуту в народе. Наша миссия — творить зло. Но часто зло во спасение. Я недавно это поняла. Трой, — она улыбнулась мне за спину, — присаживайся. Цефей, ты тоже. Я знаю, что ты снова хочешь сбежать от собрания.

— Бля-я, — провыл он из темноты. — Меня Кэсс ждет!

Эсфирь повела бровью. Он сел.

— Это все замечательно, но! Причем тут я и Дамьян? — несдержанно спросила я. От обращенных на меня холодных глаз я утеряла былой пыл. И поразились, как обычны эти лица. Как невероятно было бы разглядеть в них убийц.

Но их глаза.

Я читала достаточно, чтобы донельзя наглотаться теми едкими клишированными описаниями глаз: их черноты, как бездонных омутов, их — золотых и серебряных, — таких везде особенных и красноречивых.

Но тогда я воочию увидела самый живой пример из всех «неживых». И уразумела тех презабавных слов в глупых любовных романах. Их взгляды не блестели и не мигали, словно на зависшей пленке.

Мутные.

Наверное, я испугалась.

— Глупый вопрос, Офелия, — ответила Эсфирь, будто разочарованный наставник при неудаче ученика. Я почувствовала себя ребенком. — Дамьян серийный убийца, причем очень хороший в своей работе. Нам нужен такой человек в группе. А ты его напарница, логично, что мы хотим и тебя завербовать.

— А его перевербовать, — поправила Морган.

— Да... — кивнула Эсфирь. — Яна перехватил «Ковчег».

— Да что за чертов «Ковчег»? — возмущенно рыкнула я.

— Леви рассказал тебе достаточно. Единственное, что тебе нужно знать, это то, что Яна нужно вытаскивать оттуда. «Антихристы» не терпят, когда их людей переманивают к себе.

— И каков план?

— Для начала — вычислить, куда он ушел после хостела. Этим займемся мы, Офелия, твоя задача лишь вернуть его.

— Вернуть? — захотелось рассмеяться. — Вы даже не знакомы.

— Да, но вернуть его хочешь ты. Мы лишь заберем вас в группу. Обоих.

— Я не убийца.

— Он сделает все за двоих.

— Как меркантильно с вашей стороны. Жадно.

— Можно и пожадничать. С такой-то знаменитой персоной. Что ж, — Эсфирь вальяжно поднялась, — добро пожаловать, Офелия.

— Я не давала согласия.

— Эх, — вымученно выдохнула она мне в лицо, нагибаясь так, что наши лица оказались на одном уровне. — Как дети, ей-богу, вас всех нужно за уши тянуть или манить конфетой? Как безответственно за себя и свои поступки, и так трусливо.

— О чем ты? — возмутилась я. — Я как раз таки взяла за себя ответственность, отказывая группе террористов в помощи. У тебя ломаная философия, Эсфирь.

— Может быть. Давай договоримся?

— Каким образом?

— Ты приведешь нам Дамьяна, а сама идешь на все четыре стороны. С миллионом евро в сумке.

— Я не бегу за деньгами. Извините, ребята, но я пас.

— Следующее, что я скажу, тебе не понравится, но иначе мы не можем. — Она

виновато улыбнулась. — У тебя нет выбора, милая. Посмотри, есть всего два варианта: первый, где мы просто выпустим твою требуху, и второй, более выгодный обеим сторонам, — ты приводишь Дамьяна, остаешься жива, так еще и с мешком денег. Чем не рай?

Да, она потрясающий манипулятор. Было бы интересно взять у ее учителя пару советов убедительных угроз и построения иллюзий о безысходности с мнимыми рамками.

— Хорошо, я согласна.

— Было бы странно, если бы ты отказалась, — промурлыкала Эсфирь.

Не знаю, как описать чувства, вызванные ею. Этой женщиной с королевскими глазами, но лукавыми, как у самого Иуды. Она казалась мне подозрительной и исключительно неискренней, но парадоксально надёжной и человечной. Взрывная смесь.

— Ну вот и порешили! — воссиял Леви. — Я погнал! Меня ждет секс с двумя потрясающими бабами!

— Может, останешься с нами?.. — тоненько спросила Морган. — Мы могли бы хорошо поболтать.

— Не, я поехал. Покеда!

Морган неловко отвернулась, и я поняла, что отказ Цефея был пощечиной для нее. Слишком юная и мягкосердечная, чтобы быть среди них. Совсем малыш относительно этих волков с широкими улыбками и добрыми речами. Я негромко окликнула Раэну. Она заинтересованно глянула на меня.

— Иди сюда, я хочу попросить кое-что у тебя.

— Да? — она села рядом.

— Слушай, Морган... Я могу тебя так называть?

— Да, конечно, — Раэна улыбнулась мне.

— Из всех... «Антихристов» ты самая нормальная. Тебе хочется доверять.

— О, я понимаю. — Морган яро закивала. — Я действительно более менее адекватная, потому что пью таблетки. Ну, лечусь у психиатра. «Кветиапин» и «Серлифт» почти вернули меня на стадию нормальности до "выстрела". Хотя полностью шизофрению не вылечишь, и эмпатию не разработаешь.

— Я хотела бы попроситься к тебе на недельку. Мне негде жить. Сама знаешь. Леви ведь рассказывал, что мой отец... ну..

— Да, он докладывал. — Морган взяла меня за руку, и мы вместе направились в темноту. Оказалось, выход был прямо перед носом, но любовно спрятанный предрассветными потемками. — Вообще, — начала она, выгоняя огромный черный байк из подсобия гаража, — тебя должны были отправить к Трою, но ты решила сама за себя. И правильно: наш уважаемый Стрелок всегда в себе. Ни ест, ни спит, ни говорит. Всё начищает вилки да ложки, как старый дед, и не вылезает из ванны: тело до скрипа намывает. Ты с его "хобби" с ума сойдешь.

— Почему так?

Морган села и завела байк. Протянула мне ладонь в черной кожаной перчатке. Еле-еле я залезла, борясь с болью под гипсом и повязками на ребрах.

— Когда он устроил расстрел в Гринвиче и приехали фараоны*, его избили и хорошенько промакнули лицом в кишки убитых. Он однажды сказал, пьяный в стельку, что когда его поднимали с пола, он увидел, что захлебывался в каше из приятеля. Что копы топтали его голову в мясе Говарда Кречмера, — соседа по крылу. Что помнит вкус

холодного мяса на языке, такое безвкусное, с крошечкой костей, хрустящих на зубах. Стремно, когда понимаешь, что все лицо в ошметках товарища, и что его убил ты. Что весь «богатый внутренний мир» теперь не внутренний.

Я хотела не думать об этом, хотела лишь созерцать ту алую рассветную нить на горизонте. Чтобы ветер скорости заставлял волосы плясать демонические танцы, а глаза сушило, несмотря на слезы.

Запах утра и скорого сна до обеда. Запах свободы и безмятежности. Перед рассветом все невзгоды теряют смысл.

Но подсознание само рисовало маслом картины. Те кусочки костей на зубах и сырое мясо.

Скоро мы добрались до ее жилища — огромной квартиры на несколько миллионов долларов. Внутри как напоминание ушедшей эпохе, — античные скульптуры, изобилие колонн и мрамора. Нагота и пропорциональность в произведениях искусства.

— Я будто попала в Древнюю Грецию, — поразила я.

— Да-а, — она неловко почесала затылок. — Много здесь — подлинные экспонаты. Выглядят потрепанно, но настоящая улика древних греков. Я, можно сказать, коллекционер.

— Это похвально. Где мне можно расположиться?

— В любой спальне. Тут их шесть.

— Да-а, преступники хорошо живут.

— Ты дом Немезиды не видела.

— А что там?

— Настоящий замок. Она купила его на севере Англии. Только редко там бывает, сама понимаешь, — работа зовет. Тут у нее тоже квартира есть. В стиле Лондона. Ничего необычного.

— Далековато по Англии кататься. Вы были в гостях у Эсфирь? В том замке-то. Или просто наслышаны?

— Да, у нас был месячный отпуск. Мы закатали там вампирскую тусовку.

— Вампирскую? Что, кровь пили? — усмехнулась я, усаживаясь на софу. Морган хлопотала на кухне.

— Да, — легко ответила она.

Я поперхнулась. Не ожидала, что это будет правдой.

— Зачем?

— У нас три месяца назад был еще один член группы. Натаниэль Фауст. Он постоянно пил ее.

— А сейчас он где?

— Погиб.

Я заметила, как ее голос надломился, хоть Морган и поспешила завуалировать смехом.

— Вы были близки?

— Да, я любила его. А он меня. — Разна принесла поднос с чаем и сэндвичами из лосося и творожного сыра с зеленью. — Он не успел уйти из объекта, где нас окружили ковчеговцы. А потом взрыв.

— Мне жаль.

— Да, мне тоже. — Морган подняла глаза и улыбнулась. — А тусовка была классная. Мы пили, ели, танцевали. Как обычные люди.

— Здорово, что вы так дружны. Только Эсфирь не особо вписывается..

— Ой, да она просто строила из себя сегодня, — отмахнулась Морган. — Она же лидер, должна быть грозной и мудрой. В деле она другая. Ты бы видела, как она с Троем танго танцевала в замке. Боже мой! Они же перевернули всю мебель, уделали рвотой всю спальню и вырубались на полу под кроватью.

— Ла-адно, — кивнула я улыбочиво. — Верю.

*Фараоны — полиция.

Глава 19. Сны как явь

— Обработай нас, или у тебя будет третья дыра между ног, Офи.

— Отпустите меня!

Глава девятнадцатая.

— Эй, козлина, проваливай отсюда!

Я проснулась от яростного вопля Морган. Снаружи темнел вечер. Стоило выбрать комнату подальше. Я нацепила любезно дарованные Разной вещи: слащаво изысканное платье из шелка цвета шампанского и неясный кардиган на пять размеров больше моего.

— Что случилось? — хрипло спросила я. — Морган! Ты где?

— В прихожей!

Я плотнее укуталась в шерсть кардигана и прошла к причине моей бессонницы. В дверях широко улыбался Цефей с бутылкой виски в руках, позади него — недовольный Трой.

— Та-ак, и что делаете? — спросила я.

— Пытаюсь послать в жопу этих засранцев, — свирепо рыкнула Морган. — Они нажрались и решили нас напоить. Бесчестные козлы! Еще и в постель уложить, наверное, удумали!

— Только если малышку Оф, — подмигнул Леви. — Тебя не буду.

Трой неясно поморщился и ткнул Леви под ребра.

— То есть я страшная?! — шокированно воскликнула Морган. — Да пошел ты! — так же быстро она разрыдалась и умчалась в недра квартиры.

— Цефей, ты придурок, — покачал головой Трой. Он вошел внутрь и снял пальто. Строго отнял бутылку со спиртным и молча ушел.

— Я же имел в виду другое! — цокнул Леви. — Оф, помоги мне лечь, а. Я упаду нахуй.

— Пошли, что с тобой делать..

Я уложила Цефея в ближайшую комнату и поспешила лечь спать. Закрыв дверь на ключ, я сняла платье вместе с нижним бельем и налила воды из графина. Ледяная, что по плечам ударило током.

Я уже настроилась вернуться в тот кошмар, что истязал меня полчаса назад, но подпрыгнула на месте. В моей постели кто-то лежал. Как одна черная тень.

Не знаю, на сколько меня парализовало. Но когда тени наскучило смотреть на мое искаженное ужасом лицо, она встала и прошла к открытому окну. Это не был один из группы — кто-то другой. Черная маска не позволила идентифицировать гостя. Когда пришло осознание, я вскрикнула и кинулась к двери. Удивительно, но я открыла ее без задержек, и бросилась по коридору. Ковыляла, как умирающий дикий зверь с пулевым ранением в ногу. Гипс глухо постукивал по мрамору.

Обернулась, ища обезличенного преследователя, что медленной поступью брел за мной. Я ускорила.

И бежала до тех пор, пока ладони не уперлись в центральную дверь. Я ударила по ней кулаком и в суматохе кинула взгляд назад. Он шел. В руке блестнул нож.

Слишком опасной стала моя жизнь. Я уже дважды попадала под косу смерти в плаще. Дважды она резала мою убегающую спину вместо положенной головы. Декапитация мой удел.

Хлопок двери, в которую я так зверски стучала, и тяжелая ладонь Троя дернула меня в

спасительные объятия. Он направил пистолет на тень.

— Ты что, не знаешь, куда попал? — спросил Трой хрипло.

— И куда же? — явно с ухмылкой спросила тень с мужским голосом.

— Идиот, — покачал головой Стрелок.

И выстрелил.

Глушитель убавил звук.

А после Трой молча вволок меня внутрь и подтолкнул к кровати.

— Со мной спать будешь.

— Нет, — возмутилась я, вскочив на пол. — Какого черта произошло? — я нагло толкнула парня в грудь.

— Как вы мне надоели, противные и визгливые девушки! — выдохнул он. А после закинул меня на плечо и насильно завалил в кровать. Прижал запястья над головой и продолжил: — Не бери пример с Морган. Тебе не идет повышать тон.

Я открыла рот, чтобы наругать, но осеклась. Лишь стукнула зубами.

От его тяжелого взгляда я засуетилась, принявшись дергать руками и ногами.

Колено. Его колено подперло меня между ног, я чисто ощутила ткань дорогих брюк на его ногах.

Слишком ясным было чувство.

Я лежала обнаженная под ним. Нечестная игра, ведь сам он был в белой рубашке и черных брюках. О, как бы я хотела, чтобы на его месте был Дамьян. Чтобы его платиновые волосы щекотали мне ключицы, а колено в белых брюках упиралось в лонное сочленение. Он бы не сделал так же, как Трой, столь бесстыдно и нагло. Он бы не взял меня, даже если бы я была пьяна.

— Извини, — Трой отстанился. Встал и вышел из комнаты.

Наверное, если я выбежала нагая за ним, это значило, что я готова? Отдаться, как отдалась бы Яну, чтобы не быть столь одинокой без него? Но я не хотела Троя, — лишь Дамьяна.

— Трой! Вернись!..

Они как две противоположности. Черный и белый. Холодный и эмоциональный. Любимый и нелюбимый.

Трой поцеловал меня в шею. Холодные пальцы скользнули меж бедер и задели залитый смазкой клитор. Я схватилась за его рубашку.

Трой пах порошком. И бычьей силой в сексе.

Я не знала его, не чувствовала и сотой доли влюбленности, мне не были приятны его касания или сладки поцелуи. Он был тенью в начале, ей и остался. Кем-то чужим и ледяным.

Я осознала это, когда его рубашка, мокрая от пота, полетела на пол. Когда он стянул кожаный ремень, и из-под трусов свет луны выхватил силуэт налитого кровью члена. Он дернулся вверх, когда Трой полностью избавился от одежды.

Смазанный поцелуй в распухшие губы и головка несильно уперлась в живот. Я чувствовала, как клитор пульсирует и свербит. Я горела и замерзала, дышала и задыхалась.

Он бы лишил меня целомудрия, — той тонкой пленки как дверь в болезненное наслаждение — если бы я не закрыла глаза и не увидела в темноте лицо Яна.

— Стой, не надо... — прошептала я.

— Все нормально?

— Да. — Я покачала головой. — Нет. Не знаю, но не ты должен быть сейчас здесь.

— Я понял. — Трой снова поднялся и принялся одеваться.

Я видела, как красиво его рельефное тело, будто литое из платины. Мышцы перекатывались от спокойных движений, играли со светом и тенью. Последняя пуговица застегнулась, и Трой ушел.

А после я расплакалась. Не знаю, почему. Наверное, мне было одиноко и тоскливо. Хотелось сбежать. Куда?

К Яну.

Я ведь была не права. Монстров нет, есть неправильное общество. Мой милый Дамьян ты для меня солнце.

От скребущего чувства вины я зарыдала интенсивнее, так, что натянулись мышцы шеи. Мне было плохо среди этих чужаков, и пугало будущее, в котором я сгорю. Пугали их глаза, мучили минуты ожидания выстрела в спину. Мне не угрожали, но я была птицей в клетке. Такой тесной, что я циклично задыхалась и умирала, чтобы воскреснуть и умирать вновь.

Я не хотела этих перемен.

— Офелия, — донесся тихий голос Троя. — На полу под дверью неудобно.

— Ложись рядом, — просипела я.

Снова он разделся и снова рухнул рядом. Под тканью трусов тот же крепкий стояк. Трой лег на спину, закинув руки за голову.

— О ком плачешь? — спросил он не поворачиваясь.

— Мне плохо одной.

— Ты не одна.

— Одна. Среди незнакомых людей. — Я судорожно сглотнула, вспомнив одну деталь: — Убийц.

Трой молчал.

— Мой отец всю жизнь лупил меня, а недавно психанул и чуть не убил. Ян... Он бы не допустил этого. Он бы защитил меня. Я не была бы одна среди вас. Мне горько без него.

— Любишь его?

— Не знаю.

Трой повернул ко мне лицо. Спросил:

— Ему хранишь себя?

— Нет. — Я отвернулась. — Просто я тебя не знаю. Ты слишком... быстро полез в трусы. Я так не хочу.

— Прости меня. — Он вздохнул виновато. — Я идиот. Как себя держать в узде, если под твоим телом красивая голая девушка?

— Красивая? — смутилась я, натягивая робко одеяло по самый нос. Глазами улыбочиво уставилась на его профиль.

Как ребенок я заулыбалась под тканью.

Трой глянул на меня.

— Ну да. Ты чего прячешься? — он аккуратно стянул с лица одеяло. — Я что-то не то сказал?

— Нет, наоборот, мне очень приятно. — Я нелепо рассмеялась перед ним. Дамьян бы заревновал мой смех. — Спасибо, Трой. — Не знаю, зачем, но я обняла его. Щекой уперлась в его волосы. — Наверное, я уже бы валялась мертвая, если бы ты не открыл дверь.

Он промолчал. Лишь обнял грубыми ладонями, стараясь не задевать повязку на ребрах. Он дышал мне в ключицы, пока моя грудь покоилась на его груди. Мы дышали в унисон в тех

складках шелка. Я уже привыкла быть голой рядом с ним. Хотя бы в темноте.

Жаль, что Яну не удалось поменяться с ним местами. Что от трусости я не позволила большего.

Не знаю, что щелкнуло во мне. Наверное, отец. Или тот прыжок. Как последняя попытка выжить. Нестрашно показать тело, когда видел зверя в лице родителя. Уже вообще ничего не страшно. Я будто избавилась от оков.

— «Ну да, после полета из окна все равно на многое. Нет комплексов, нет ничего, что напугало бы больше смерти. Суицид чтобы выжить. Смешно», — подумала я. — «Стала шлюхой. Как грязно».

— О чем задумалась? — спросил Трой.

— Что я девственная проститутка.

— Девственная?

— У меня не было мужчины.

— Похвально. Это очень достойно, Офелия. Прости меня еще раз, — он обнял меня чуть крепче. — Я должен был уважать тебя, а не лезть руками между ног.

— Сама хороша, — вздохнула я. — Давай забудем? Я не хочу вспоминать об этом.

— Не обещаю.

Я кивнула. Немного поерзала, спускаясь ниже, и легла на его грудь. Он снова обнял меня.

— Трой?

— Да?

— Где Дамьян?

— Не знаю. Он может быть где угодно.

— Но у «Ковчега» же есть штаб? Или что оно там.

— Да, есть.

— Где?

Он нахмурился, хоть я и не видела.

— Зачем тебе?

— Я хочу его увидеть.

— Тебя убьют.

— Плевать.

— Тогда я точно не скажу.

— Я же не пойду одна! — я врала. — Морган и Леви согласны идти вместе со мной.

— И почему они сами тебе не сказали?

— Морган собиралась, но потом ей позвонили... и... после я забыла уточнить.

— Я же не дурак.

— Тогда пошли вместе! Только я хочу знать, что там и куда идти!

— Хорошо. Но пообещай, что мы идем вместе.

— Обещаю.

— Заброшенный ЦКЗ у Темзы. Они там сутками сидят.

— Окей, значит, ЦКЗ... — кивнула я. — Когда пойдём?

— Когда Немезида даст согласие.

— А она даст?

— Не уверен.

— Отлично. Но почему?

— Тебе опасно там появляться. Ты не воин.

— Почему же?

— Убивать не умеешь. Так бы сама уложила ночного гостя.

Я молча согласилась. А после задумалась и не заметила, как уснула.

Проснулась ночью. Рука Троя спала на моей груди, как и он сам позади. Я тяжело высвободилась и мышью выскочила из комнаты. На полу холодом веял коченеющий труп, и крупный нож мрачно сверкал в его крови.

— «Так просто валяется», — удивилась я. — «Как фантик на полу».

Я подхватила нож и вернулась в свою спальню, где нашла теплые вещи. Да, я сбегала из клетки, в которую пришла добровольно.

На улице воздух был свежий, я впервые так обрадовалась ему. Поймала такси и рванула к ЦКЗ у Темзы. Денег у меня не было, я это поняла, когда водитель доставил меня до мрачного здания огромных размеров. Оно пугало меня уже в машине. Именно про такие места говорят "кровь застыла в жилах"; именно в таких местах прячут трупы; именно в таких местах молятся Сатане сектанты.

Водитель раздраженно потребовал деньги. Я посмотрела на нож в руке.

Да, денег у меня не было.

Но был нож.

Я крепче взялась за деревянную рукоять и несмело поднесла оружие к шее мужчины. А после резко схватила его за куртку и воткнула нож под челюсть. Не знаю, куда я попала, но нож застрял в чем-то твердом, и я засуетилась.

Водитель попытался оттолкнуть меня, но я сильнее надавила на нож, и та твердость с треском поддалась. С таким звуком, будто прорезал хрящ. А после нож напоролся уже на кость — я не смогла его протолкнуть глубже. Рука вибрировала, когда протыкала слои мышц. Совсем как говядину.

Нож нужно было вытащить, чтобы рана открылась и рванула кровь. Так я и сделала.

Если бы я не обошлась так с Яном, если бы не осудила его, то не было бы трупа. Я бы заплатила теми деньгами, за которые прогнала его. Цена жизни этого мужчины — поездка в семь долларов.

— Простите..

Я вышла. Надо мной нависал завод, как вымышленный монстр из фильмов и книг. Хтонически ужасный, огромный и покрытый чернотой. Мне было боязно туда идти.

Но я пошла. Не знаю, когда стала такой безрассудной и равнодушной к себе.

Нет, я всегда была такой.

Я с дрожью в горле сделала мучительно тяжелый шаг во тьму заброшенного завода. Входом была брешь в бетонной стене, в которую я и проникла, вслушиваясь в тишину. Брела бездумно до тех пор, пока не услышала музыку с обратной стороны здания. Я выглянула в разбитое окно.

Там, в подобию дворика для перекуров, сидела компания. Девушка жарила на костре зефир, кто-то подтягивался на перекладинах и балках, а некоторые пили пиво и болтали. Я принялась искать Яна. Как же верещало нутро, как оно извивалось змеями, как ныло в предвкушении. Я почти заплакала от волнения.

Хруст битого стекла позади. Я замерла.

А после толчок, и я оказалась впечатана грудью в стену. Сзади на меня навалилось чужое тело и в ухо горячо выдохнули. В пояснице защекотало.

— И кого ты тут выглядываешь?

— Я... я ищу Дам... Айзека Берковица.

Некто меня развернул.

Я вспомнила, как выглядел мой белый ангел. Он напомнил мне, появившись перед глазами. Это был Ян. Его белая одежда, серые волосы в высоком хвосте, желтые глаза.

— Мила? — болезненно спросил он с грустной улыбкой.

— Ян! — Я схватила его за ворот пальто. — Ангел мой, я нашла тебя! — И поцеловала.

Его горячие руки укутали меня в пучину долгожданных объятий. Таких невиданных, сказочных, даже ветхозаветных. Такие одичалые пляски тел описывались в Библии, именовались похотью, зародились в Содоме и Гоморре.

Только его пальцы могли греть, только его руки были теплыми. Он усадил меня на подоконник и сорвал с плеч куртку. Ладони скользнули под свитер и сжали меня за талию. Не грели меня те куртки и кардиганы, как согрели его касания.

— Ян, — выдохнула я ему в губы. Колочее облако пара вырвалось изо рта. — Я люблю тебя.

— И я люблю тебя, — прошептал он.

И сжал зубы на моей шее. Он стягивал с себя белые джоггеры, пока на коже выступала вереница укусов. С ран показывался кровавый бисер, а я молча вскидывала голову.

Дамьян снова прижал меня к стене, рванув брюки вниз; мокрые пальцы скользнули меж ягодиц и половых губ. Головка туго уперлась в плевую. Болезненное давление сменилось прорывом, как взрывом. Рассыпались искры.

И вбивающий в стену толчок, такой, что член погрузился под корень.

Второй. Больно. Я закричала, пока он водил тазом и впускал себя глубже.

Ян прогнул меня в пояснице и навалился поверх, пустив руку по животу и ниже. Клитор ударил током, когда пальцы закрутили его в спираль.

Я задрожала, когда Дамьян удвоил темп. Он брал меня, как шлюху, и помогал мастурбировать. Такая истома, такое исступление и пустота в мыслях. Наверное, такое чувствуют после косяка?

Дамьян вдруг негромко простонал и прижался ко мне сильнее. Горячая сперма стрельнула внутрь, а я почти кончила от его протяжного стога.

— Не останавливайся, — умоляла я, направляя его пальцы по кругу у клитора.

Ян улыбнулся мне и выпрямил вдоль стены, где его вторая рука сжала меня за горло. Пальцы ускорились. Мои ноги невольно дернулись, а мышцы влагалища принялись сокращаться и зудеть.

Перед пиком он вновь вставил в меня член и остервенело впечатал лицом в бетонную стену.

Я уронила голову и обмякла. Ян подхватил меня на руки, и я оглядела его лицо.

Но лицо это было отцовское.

Я дернулась и упала на битое стекло.

Отец довольно улыбался, держась за член. Он хмыкнул и направил на меня струю мочи.

— Ублюдох! Где Ян?! — закричала я, закрывая лицо руками.

А когда открыла глаза, то увидела спящего Троя. Он придерживал на мне одеяло и тихо сопел.

За окном квартиры Морган шел дождь.

— «Проклятый сон!» — поняла я.

На глаза навернулись слезы. Дамьян. Он был рядом, совсем как по-настоящему. Я чувствовала его запах и родной взгляд из темноты.

Ян. Где ты?

Глава 20. Как Том Круз

— Билли, прости меня.

Мне жаль, что я бросил тебя.

Глава двадцатая.

Будильник на сотовом Троя: визгливая трель скрипки и оголтелых скворцов. Я слышала, как он поднялся. Чувствовала, как тепло его груди исчезает, и спина начинает мерзнуть.

За окном в полуденном танго неистовствовали дождь и молния. И тихо бежали стрелки настенных часов.

Трой оделся и поспешил покинуть меня. Я попросила:

— Не уходи.

— Пора.

— Куда?

— У нас собрание в штабе.

— Ненадолго.

Он вздохнул и молча лег на остывшую кровать. Я навалилась сверху на его грудь и прижалась всеми конечностями, как паук за муху. Трой погладил мою лодыжку и чуть приобнял.

— Что теперь будет? — спросила я, царапая ногтем пуговицу на его рубашке.

— Немезида передаст нам указание, мы его спланируем и пойдем выполнять. Сегодня решим, как достать Дамьяна из рук «Ковчега».

— Я чувствую себя паршиво. Не знаю, как описать... Будто плохое предчувствие, или... Мне беспокойно. Одиноко среди вас. Я будто совсем одна. Не знаю, куда себя девать.

— Привыкнешь.

— К чувству одиночества?

— Нет, к нам.

— Я не хочу никуда идти. Хочу просто спрятаться тут, в одеялах. И чтобы не одна. С тобой. Закинуть на тебя ногу и спрятаться.

— Ногу ты уже закинула, — констатировал он. — Очень дерзко для девственницы.

— Еще неделю назад ты бы меня не узнал.

— Что, боялась даже думать о сексе?

— Типа того. Трой, а я правда красивая?

— Для меня да, — сказал он твердо. Без сомнений или робости. Это было красиво.

— Мне никто не говорил, что я красивая, — поделилась я. — А зна..

— Кто-то идет, — предупредил Трой, накрыв мои нагие тела одеялом.

Дверь открылась, и в проем выглянуло лицо Цефея.

— О, а вы уже подружились? Как мило, — подмигнул он. А затем ввалился в комнату и прыгнул к нам так, что я оказалась зажата между ними. Леви бесстыдно приобнял меня, кончиками пальцев задевая грудь.

Трой не оценил его объятий, но умолчал об этом.

— А меня чего не позвали? Я бы третьим был, в задний проход, так сказать.

— Цефей, заткнись, — шикнул Трой. — Ты извинился перед Морган?

— За что? Пизда, я только встал, а уже идти извиняться!

— Ты облупок, Леви. Она ведь неделю дома просидит из-за твоего языка.

— Я плохо куни сделал?

— Иди отсюда, а.

— Леви, мне нужно одеться, — намекнула я.

— Ой, да что я там не видел... — Цефей обиженно вскинул голову и гордой походкой вышел из спальни. Я измученно выдохнула.

— Тяжело с ним, — я скинула с себя горячее одеяло и снова обвила руками и ногами тело Троя. Не знаю, зачем я это делала из раза в раз. Наверное, я просто хотела любви. Мне была лестна взаимность. И нравилось нравиться.

Мне никогда не было так тепло. Чувство человеческой нежности.

— Он хороший парень, не обессудь.

— Все нормально. Трой?

— Да?

— Я не хочу участвовать в ваших игрищах.

— Я знаю, Оф. Прости, но тебе придется.

— Я не стану убивать.

— Когда-то это произойдёт. Я тоже не стал бы, не убей те ублюдки моего друга.

— Ты про стрельбу?

— Да, это было в Гринвиче. Трое даунов убили моего единственного друга. Отверткой. А потом я убил их. Не знаю, не смог сдержаться. Этот гнев... он не знает границ.

Я утешительно обняла его за шею.

— Что чувствует человек, когда убивает?

— Силу. Свершенное возмездие. А потом неважно.

— Мне снилось, что я убила человека.

— Значит, это тебя тревожит. Боишься этого или вожделеешь?

— Боюсь. Мне всегда снятся кошмары.

— Да, я слышал, как ты стонала ночью.

— А... — я смутилась. — Нет, этой ночью мне снился Дамьян.

— Не понимаю, почему ты лежишь на мне, если в голове другой.

— Я просто представляю, что ты — он.

— Неутешительно. Даже унизительно. Не хочу быть подушкой для твоих иллюзий. — Трой отстранил меня и встал с кровати. Открыл окно, отчего в комнату ворвался вихрь ветра и отголоски холодного ливня, и сел на подоконник. Там достал сигарету. — Но я уважаю тебя за честность.

Пару мелких капель занесло на мои плечи, стало морозно и свежо. Я глубоко вдохнула, скрипнув разбитым ребром под повязкой. Соски щекотливо огрубели.

Я сбросила с себя сплетения шелковых одеял с простынями и прошла к раскрытому настежь окну. Красноречиво взглянула на дымящую сигарету в пальцах Троя. Он любезно протянул к моим губам влажный фильтр и держал до тех пор, пока я не насытилась никотином.

— Знаешь, — начала я, — все теперь по-другому ощущается. Я прыгнула из окна с уверенностью, что умру, что это конец. Но я очнулась. И теперь я будто... не знаю, ценю то, что вижу? Мне неважно, как я выгляжу, что у меня неидеальная фигура и лицо, что на руках куча шрамов. Это пустое, понимаешь? Кто-то избавляется от комплексов с психологом, а я просто прыгнула. Насильный суицид есть панацея.

— Попробую на досуге, — усмехнулся Трой. Я впервые увидела его улыбку. Она была

красивая — ровная и белоснежная.

Он и внешне был потрясающим. Как Аполлон, как Давид, как Македонский, которых так ярко доводили до апофеоза художники.

Но он не тот. Он был как я. А я искала искру. Дамьяна.

— Снова на авиазавод? — спросила я.

— Называй это штабом. Да, Немезида уже там.

— Мне она не понравилась.

— Вначале я тоже был скептик относительно нее. Потом узнал лучше. Мы любим ее. И ты полюбишь.

— Натаниэль Фауст. Кто он?

Трой строго взглянул на меня. Нахмуренно ответил:

— Наш коллега. Он погиб.

— Я знаю.

— Морган?

— Да. Она любила его.

— А он терпел.

— То есть невзаимно?

— Да. Фауст любил другую. Какую-то обычную студентку из медицинского.

— Морган просто хочет быть любимой.

— Я знаю. Мы все знаем. И бережем ее, — эту пузатую мелочь с красивой пышной грудью.

— И каким образом?

— Бьем лица ее ухажерам, которые лезут в трусы на первом свидании. Одного слишком наглого Леви вообще прокатил по городу.

— Прокатил и все?

— Он привязал его веревкой к машине и дал газу. От парня остались только связанные руки. Цефей дурак и шут, но карает смертельно и негуманно. Он любит малышку Морган. Хотя бы потому что приезжает к ней в три ночи посмотреть Чипа и Дейла по телевизору. Мне тоже часто приходится то через весь город ей мороженое везти, то забирать ее пьяную из бара. Иногда у нее хандра, и я бросаю дела, чтобы полежать с ней весь день. Просто молча полежать.

Мне стало завидно. Ведь никто ради меня не делал и шага. Никто не относился ко мне с такой самоотверженностью. Я всегда была пустым местом.

— Вы все, девушки, такие. Всегда нужно заботиться.

— Нет, не все. Обо мне никто не заботился. Я была одна со своими проблемами и чувствами.

Трой промолчал. Все они молчали, когда я просила помощи. Когда рыдала им в лицо. Они только молчали.

— Прости, — я резко развернулась и сбежала из комнаты. Хлопнула дверь своей спальни и расплакалась, скатившись по стене на пол. Как в идиотских фильмах про любовь.

Слишком ненужная. Слишком ребенок внутри. Слишком нелюбимая. Слишком одинокая в этом мире с миллиардами живых душ.

Есть ли хоть кто-то, кому я могла быть нужной, как биение сердца? Как дыхание. Как воздух.

Я хотела подвигов, хотела героев, хотела красивых слов и тепла. Не знала, что это, но

желала того пламенно. Морган имела это каждый день, час, минуту и секунду, а я рыдала от безысходности и отчаяния.

Снова истерия, перебивающая возможность дышать, снова пламя под грудиной жгло органы на стейки. Я горела. И никому не было дела до моей больной души, истязаемой холодом. Я привыкла страдать одна, привыкла, что всем безразличны мои слезы и хрипы удушья.

Столь долгожданный стук в дверь. Я грезилась о нем многие годы. Кому-то за дверью не плевать.

Я открыла.

— Офелия. — Трой грубо обнял меня, оторвав от пола.

— З-закрой дверь, я не х-хочу, чтобы меня видели, — заикалась я от слезливых спазмов.

Трой, не отпуская меня, толкнул дверь ногой и сел на край постели. Я продолжила рыдать в его белую рубашку.

Я плакала вместе с дождем. В единое созвучие. В унисон.

— Почему? — он будто только сейчас заметил шрамы на моих бедрах и предплечьях.

— Потому что некуда бежать от себя и мыслей. Слишком много страданий. Разве ты не хотел причинить себе боль?

— Не помню.

— А я хочу по сей день. Я стремлюсь к боли. Потому что по-другому не умею. Я бы резала и резала, пока не умру. Но я боюсь смерти. Нескончаемый цикл страха и боли. Можешь считать это нелепым, мне все равно, что ты скажешь.

— Я верю. Здоровые и счастливые не хватаются за ножи и бритвы. Они не хотят чувствовать боль. Я не знал, что такое бывает. Не знал, что и сам могу быть болен. Что отличаюсь от нормальных. Я хотел бы стать обычным человеком. У таких нет мыслей, что пора умирать, нет желания прыгнуть под поезд. Они просто счастливы жить. Это так удивительно..

— Трой, помоги мне найти Дамьяна... — я взглянула на него. — Помоги мне не страдать. Я была счастлива с ним. Да, я так думаю.

Он грустно вздохнул, кивая.

— Спасибо... — я снова обняла его за шею. Сонная артерия билась о щеку.

— Курочка ты моя! — воскликнул Леви, лежащий на постели Морган, пока та перебирала кладь одежды в шкафу. Она безразлично к наблюдателям нагнулась к упавшей блузке, дав Цефею и Трою лицезреть сексуальный ракурс для рукоблудства. Она была в одном белом белье. — Пардон, отвлекся, — улыбнулся мне Леви. — Крутое платье! Выглядишь охуенно!

Я молча села рядом с ним в ожидании Морган. Она обернулась к нам.

— Привет, — Раэна поцеловала меня в губы. Легко, так целуют некоторые родители. Но я смутилась.

— Привет, — кивнула я. — Собираешься? Нужно ехать в штаб.

— О, уже освоилась?

— Да... Трой рассказал. — Я заметила пронизательный взгляд Цефея. Он видел нас в неглиже. Видел то, чего не стоило бы. Не уверена, что он не воспользуется этим козырем, когда среди нас будет Ян.

— Ну круто, — улыбнулась Морган. — Вы идите ешьте, там в холодосе вчерашняя

пицца, а я оденусь и приму душ.

— О-о, — провыл вдруг Леви, уронив голову в подушку. — Эшо бушет долшо!

— Чего? — переспросили все мы.

— Это будет долго! — чуть недовольно повторил Цефей, подняв голову.

— Да ты на толчке дольше сидишь! — возразила Морган.

— Нифига-а! Ты только башку свою намываешь час! — нахмурился Леви.

— Не надо! Ты срешь по два часа!

Трой покачал головой, выдавший уже такие ссоры. Как бывалый странник. Он вышел, а я последовала за ним. Даже с кухни слышались их голоса и попытки перекричать вопли друг друга.

Трой достал коробку с пиццей и сунул остатки в микроволновку.

— Как они меня достали, — сказал он.

— Забавные.

— Каждую неделю закатывают ссоры, а потом оказывается, когда начинается собрание, что они дружно спят пьяные. Мы с Немезидой ждем их целыми днями. Как непрофессионально! Работа есть работа.

— Все так серьезно?

— Да. Собрание не терпит опозданий и пропусков. Два дурака импульсивных. Хорошо, что ты больше в нашу с Эс сторону. Ну, с Эсфирь.

— У вас будто два лагеря: лед и огонь. Три льда на два огня.

— Скоро будет еще один «огонек». Сбалансирует.

— Кто?

— Дамьян твой ненаглядный. Он же тоже не пай-мальчик?

— Ну... Больше похож на Морган, наверное. Цефей много матерится, много гогочет и много говорит. И сли-и-ишком озабоченный. Ян посередине между тобой и Леви.

— А какой он, этот твой Дамьян?

— Внешне он... Очень светлый, как призрак, наверное. У него пепельные волосы под каре, янтарные глаза, родинка над губой слева. Смотрел «Интервью с вампиром»?

— Нет. А что там?

— Я не умею описывать лица. Но он похож на актера из этого фильма. На молодого Тома Круза в роли вампира Лестата. Особенно в самом конце фильма перед титрами. Давай как-нибудь посмотрим?

— Я не против. А Тома Круза знаю. Только как-то плохо представляю его в роли вампира.

— Он хорошо сыграл. Лучше, чем Брэд Питт. Так вот, Дамьян. Он высокий. Около двух метров. Повыше тебя немного. У него, знаешь, очень большие теплые руки. Он постоянно старался согреть мои.

— Так. Про руки уже фанатизм, — заметил Трой. Он толкнул по барной стойке тарелку с двумя кусками пиццы. — Ешь. Молоко любишь? Там у Морган осталась одна коробка. Она в кофе льет.

— Да, давай. Очень люблю. У меня мама была дояркой и часто приносила бидоны коровьего молока. Приходилось драться с кошкой за последнюю кружку.

Он налил мне полный стакан и поставил рядом с завтраком. Сам же сел напротив и хмуро уставился в ожидании продолжения.

— Ну а что еще говорить, если без фанатизма? У него татуировка на шее. Висельник с

улыбкой чеширского. И у Яна очень глухой взгляд. Такой, как у слепого... или равнодушного. Не знаю, я так и не поняла.

— У нас у всех такие глаза, Оф. У Цефея самый злобный взгляд, например. Даже когда он смеется. Не знаю, почему так. Наверное, нет сил держать их задорными. Нет сил держать тяжелые веки, и потому свет не попадает на радужку. Вот он, этот взгляд, — уставший и немигающий. Без блеска.

— Глаза — зеркало души.

— Если умеешь видеть, а не смотреть. — Он глотнул молоко. — А человек он какой?

— И плохой, и хороший.

— Как ты определила?

— Он хороший в отношении меня, но чудовище для общества. Я его осуждала, хотела исправить, сделать обычным. Но мне повезло, что он не отрезал мне голову за эти попытки. Я жалею. Жалею, что не заткнулась тогда. Но я как любая девочка ждала, что он вернется. Как глупо. Я еще не выросла внутри. Все тот же подросток, живущий в розовых очках среди грез и мечт.

— Хороший в отношении тебя? Это как?

— Он берег меня. Да и ко всему прочему, он мой друг детства. Я ничего не помню, но отец рассказал, что мы были очень близкими друзьями в яслях. Это несильно важно, конечно, но понятно, почему он сделал меня «избранной». Единственная, кого он не убил. Потому что помнило подсознание.

— Я в такое не верю.

— Я тоже. Но я все еще жива.

— Тоже верно. А ты уверена, что он берег тебя?

— Абсолютно. Леви бы сказал: «Он рвал за меня жопу». Если той ночью был рядом Ян, то он бы убил за меня отца. Я не сломала бы ногу, и отец не выбил мне ребра.

— Хотел бы я на него посмотреть. И на отца твоего, и на Дамьяна.

— Яна я хочу видеть сильнее всего. Я готова на многое.

— Например?

— Отдать жизнь. Или даже... убить.

— Жизнь мало кто способен отдать ради кого-то.

— Я способна. И это не блеф.

— Я хоть и агностик, но помолюсь, чтобы ты была жива и здорова.

— Йоу, корнишоны, мы готовы! — донесся довольный крик Цефея из прихожей. — Морган смыла всех мандавошек и побрила анус, теперь выдвигаемся!

Глухой шлепок по одежде.

— Леви, заткнись! — Морган явно ударила Леви по руке или плечу. — Ты полудурок или кто? Сам куда попало свой огрызок суешь, а мандавошки у меня?

— Та-ак, — поднялся Трой. — Идем, пока они не разодрались. Немезида давно ждет.

Я сложила блюда в раковину и поковыляла за Троем. В прихожей ребята помогли мне надеть пальто и единственный ботинок на здоровую ногу. А на улице нас ждал графитовый «Астон Мартин» — новый объект страсти Цефея.

— Оф, зацени! Купил пару дней назад этого монстра! Кончал от рева движка больше, чем от реального траха. Астон Мартин Уан семьдесят семь. Два места, — намекнул Леви. — Оф со мной. На мотике с гипсом так себе приколы.

— Солидарен, — кивнул Трой. — Морган, заводи.

Она кивнула и чмокнула меня в губы. Снова. Она и парней так целовала? Смело. Завидую ее беспечности. Трой галантно открыл для меня дверь авто и усадил на кресло. Внешне строгий, он долго крепил на мне ремень безопасности. Ответил на мой немой вопрос:

— Цефей лихач. Для спокойствия. Моего, наверное.

А после Леви надавил с силой на газ. Умопомрачительная скорость.

Глава 21. Я не убийца

— Трой, мне грустно. Приедешь?

— Через час, Морган.

Глава двадцать первая.

Часть третья.

— Агент посылает нас в штаб ковчеговцев, — оповестила Немезида.

Она недовольно поднялась и застучала высокими шпильками по полу, огибая дорогой дубовый стол, где мы смиренно сидели и слушали ее требовательные речи. Станным было зрелище: круглый стол по цене хорошей машины царил с величием среди разрухи авиазавода.

— «Кто его тут поставил»? — задумалась я, царапая ногтем поверхность. — «Роскошная вещь среди мусора и разрухи».

—..к тому же бушует война между американцами и русскими. Агент, я уверена, отправит нас в самое пекло. Нам срочно нужно ловить Дамьяна! Больше умелых рук — выше процент выживаемости.

— Эсфирь, — начал Леви. — А чего яйца лизать? Подорвем штаб и подцепим Дамьяна этого.

— Пироманить в России будешь, Леви. Нам надо тихо его вытащить оттуда. Агент не хочет, чтобы эти варвары потом мстить пришли. Еще нужно узнать, какой эффект даст отсутствие препарата. Вдруг члены «Ковчега» мрут не от второго таинственного "настоя бабки-знахарки", а от прекращения приема тех таблеток?

— Это не таблетки, Эс, — поправил Трой. — Инъекции.

— Подтверждаю, — кивнула Морган. — В их штабе тонны шприцев и бутыльков от какой-то воды.

— Уже сколько воюем, а до сих пор ничего не знаем о враге. Работаем! Леви, подорви их квартиры, чтобы они максимально сосредоточились в штабе. Трой, следи за новым лидером. В идеале получить одну склянку с той жидкостью. Морган, ты на убой мелких пешек. Слабые, но в куче под ногами мешаются.

— А я? — спросила я.

— Отдыхай.

— Серьезно? Это и мое дело тоже, Эсфирь.

— Да-да, я помню, — закатила глаза она. Я готова была плюнуть ей в лицо. Пренеприятный человек. — Но ты будешь обузой. Смотри фильмы, гуляй, читай. Но не лезь в наше дело.

— Оно не ваше. — Я с грохотом поднялась над столом и гордо ушла прочь. — Дамьяна ты не получишь.

— Это лишь вопрос времени, — бросила она вдогонку.

Мне нужно было лишь оказаться рядом с Яном. С ним проблемы были бы ненастоящими, искусственными. А одна я была беззащитна. Совсем слабая и без гроша в кармане.

Я села на упавшую с крыши завода ржавую балку. Задумалась.

— «Стерва. Уже прикарманила Яна, как вещь. Если кого и убивать, то ее». — Я злобно пнула жестяную банку.

— Ты чего? — спросил рухнувший рядом Леви.

— Она пытается лишить меня возможности встретиться с Дамьяном.

— И верно.

Я недовольно зыркнула на него.

— Опасно там, злыдня! На тебя и так уже наслали ассасина ночью.

— Но зачем?

— Не знаю. Либо переманить на их сторону, либо устранить помеху.

— Леви, я запуталась.

— Не трави мозги. Просто езжай к Морган и валяйся перед телеком. Рай! На, — он выудил из кармана сверток денег, — на карманные расходы.

— Что будет, если я сбегу?

— Придется поймать и отчитать. А при утечке информации и обезглавить.

— Потрясающе.

— Э-эй, Оф, ну ты чего? — на меня навалилась Морган. — Немезида не может пустить неподготовленного члена банды чертей на побоище. Ты же с пулей во лбу останешься. Уж от таких травм вылечить не смогу, прости.

— Неразумная импульсивность, — холодно произнес Трой.

— Твоя задача в том, чтобы в нужный момент его вернуть. Образумить. Поговорить. Вы же родные люди. Нас он слушать не станет. Мы для него враги, а ты, Офелия, любимый человек. — Эсфирь не побрезговала сесть на балку рядом со мной. Ее белое платье стало негодным. — Ничего личного, просто желание не убить тебя ненароком и не упустить выгоду.

— Как благородно, — вздохнула я. — Ладно. Что мне вообще делать? Я как отбившаяся от стаи птица.

— Как метафорично, — усмехнулась Немезида. — Сейчас работаем мы, это задание для профессионалов — убивать и подтасовывать факты. Тебе нужно только ждать своего часа. Ты будешь у нас психологом, который добудет прекрасного бойца в команду. Всему свое время. Езжай пока к Морган.

— Я отвезу, — кивнула та. — Все равно за экипировкой ехать.

— Тогда поехали! — приказала Эсфирь. — Офелия, будь осторожна. Ковчеговцы знают о твоей репутации в глазах Дамьяна. Знают, что ты наш козырь. Нам необходимо забрать Дамьяна, чтобы пройти войну без потерь.

— Я поняла.

Снова убогие попытки сесть на байк Морган и стук осточертевшего гипса. Бесплезная калека.

— Морган, куда вы направляетесь? — крикнула я, перебивая гул ветра.

— Ты слышала.

— А Трой?

— В заброшенный ЦКЗ. Через час, думаю, будет там.

Я кивнула.

— Когда можно будет снять гипс?

— Через недели две минимум.

— А если я сниму его сегодня?

— Не вздумай! Кость срастется неправильно, и ты будешь ходить кривая вся. Да и больно это будет, так что забудь!

Скоро мы снова оказались в пышашей благолепием квартире Морган. Она переделалась в форму ассасина и вышла в гостиную, где я размышляла о том, как быстрее снять гипс.

— Тебе идет, — сказала я.

— Эта дурацкая форма обтянула все мои жиры, — Раэна демонстративно покрутилась. — И этот чертов латекс хрен натянешь, господи! — Черный комбинезон сверкнул на округлостях тела Морган.

— Но парни явно в восторге.

— Леви особенно, — усмехнулась она, поправляя складку меж бедрами. Я заметила, как сильно латекс обтянул ее внешние половые губы и выступающую лобковую кость. Комбинезон стал ее второй кожей.

— Неудивительно, — я оторвалась глазеть. — А куда труп девался?

— Ночного гостя-то?

— Да.

— Так Леви вывез, когда мы все спали. Он к Трою заходил, тот спал еще. — Я выдохнула. Цефей не стал говорить о той странной близости между мной и Троем.

— Ну, я полетела, — Морган поцеловала меня в губы и умчалась вон: приковывать взгляды водителей авто своей второй кожей и твердыми сосками. Подозреваю, что Раэна была одной из тех, кто нарочито прогибался в поясице, сидя на байке. Той, кто специально приподнимался над сиделищем и чуть крутил тазом, обгоняя машину с молодым водителем.

Я сразу же схватила ножницы и обрезала эластичный бинт, опоясывающий гипс. Эта слоновья нога меня злила, и я скорее разломала ее гипсовые стенки. Запревшая кожа вдохнула чистый воздух.

Я встала, и, казалось, ощутила, как кость сдвинулась. Боль прошла по нервам в самый мозг. Ходить стало бы невозможным, но я решила дилемму таблеткой обезболивающего.

Деньги в карманах шелестели огромной суммой. Я пересчитала.

— «Че-ерт, да тут на старую машину хватит», — удивилась я. — «Надо забирать Яна и бежать отсюда».

Я поступала некрасиво, но ситуация вынуждала меня сильнее: я влезла в хранилище ассасина. В том длинном помещении громоздились стеллажи с сотнями кинжалов и катан, с гранатами и пистолетами. Заметила даже миниган и рядом стоящий ящик с прочей амуницией.

— «Морган, какая же ты лиса», — поняла я, увидев на перекладине шкафа дюжину одежд на любой вкус. — «Так уж нужно было мучить себя латексным комби?».

Я надела камуфлированную форму военного и подошла к полке с холодным оружием. Я хотела бы взять катану, научиться ею пользоваться и помочь группе в этой миссии. Но опустила руку и ушла из квартиры.

— «Я не убийца».

Снова такси и затылок водителя. Я поймала дежавю. Если бы в руках был нож, и он вонзился в шею мужчины, то меня бы вывернуло прямо себе на ноги. Но в этот раз я протянула деньги.

Снова тот завод, но ныне не сравнимый с загробным величием во сне. Я огляделась и с нелепой грацией инвалида, со смехотворной попыткой быть тенью, стелящейся по кустам, проникла внутрь.

Мой путь точно как во сне. Неудивительно, ведь среди этих руин я пила пиво с товарищами и пыталась заняться сексом. Странно, что ныне я так стеснялась акта любви. В

шестнадцать же я сама лезла руками в трусы кого-то из парней и просила научить мастурбировать их растущие члены. Наверное, мой страх и комплекс в одном лице зародился, когда мое «нет» не захотели услышать.

Я не хотела вспоминать это сейчас, но эпизоды насильно застелили взор, и я забыла, куда шла.

Видела лишь, как десять лет назад сидела на бетонном блоке с литром крепкого пива в руках. Как единственная девушка среди пяти парней пыталась казаться крутой и радовалась, что была единственная из всех девок, кто удостоился чести быть в компании. В компании лишь парней. Я тогда была доверенным лицом и знала все мальчишечьи секреты. И ужасно гордилась своим положением.

Странно, что сейчас я не умела быть в обществе мужчин.

Я выпила литр пива залпом, чтобы показать, что я лучше всех девочек из нашей компании. Выкурила через силу сигарету и ощутила, как сознание унесло куда-то далеко.

Роб, парень, казавшийся симпатичным, увлек меня в соседнее помещение и поцеловал. Я была тогда мелкой шлюшкой, смотрящей перед сном отцовское порно и тычащей в себя круглые ручки расчесок. Но так, чтобы не лишиться себя девственности. Я грезилась о сексе, хотела его. Потому раздвинула для Роба ноги.

Помню его грязные пальцы, которыми он, насмотревшись того же порно, что и я, начал тереть мой клитор. Наверное, мне было хорошо, но вошедшие к нам остальные ребята заставили меня сомневаться. В тот день я попробовала вкус сразу пяти членов — таков был уговор. Групповой секс в обмен на минет. Я испугалась насилия. Хотела сбежать, но мне дали ясно понять, что такой исход событий невозможен.

Оральный секс со жгучими пощечинами и грязные руки, что-то натирающие и нащупывающие у меня в вагине. А в конце соития те «товарищи» кончили на мое лицо и нарочно уронили в лужу мочи.

Нет, ясно, почему я не могла быть в обществе мужчин.

Я была унижена. Синяки прошли, но осталась боль их появления.

Стена преградила путь. Я опомнилась. Это проклятое место было отлично знакомо, я вспомнила граффити на стенах вокруг. Не знаю, куда нужно было идти. Я прислушалась. Витала лишь тишина. Найти Яна было легко только во сне.

Я села на бетонный блок и закурила ту сигарету, что выудила у Троя. Оставалось ждать хоть чего-то.

Трой. Не знаю, почему подумала о нем. Наверное, хотела вспомнить, как он выглядит. Странно, что все люди, с которыми я знакома, в голове видятся лишь смазанными пятнами вместо лиц. Не помню даже своего. И каждый раз я пытаюсь восстановить черты лица человека, ухватиться хоть за какую-то деталь, но та обращается песком и бежит сквозь пальцы. Так я и просидела какое-то время, со стлевшим окурком в пальцах.

Шаги. Я ждала их.

А затем взволнованный голос вдалеке. Кто-то нес тревожные вести в штаб, не подозревая о враге внутри их убежища. Не знаю, когда я успела принять себя за явного врага.

Я устремилась к голосу и скоро вышла на штаб: помещение с котлами и прочими заводскими машинами. В центре они обустроили неплохую гостиную с очередью диванов и кресел, стояли даже акустическая система, плитка и холодильник. Эти люди добыли электричество среди развалин.

Я обошла этаж и села у дыры в стене.

— Ричи, — мчался гонец с тревожными вестями. — Три хаты спалили!

Удар в лоб. Гонец рухнул ниц и взглянул на мужчину, что ударил.

— Кончай называть меня так. Я не пешка, а ваш чертов лидер!

— Извините, Ричард.

— «Всех уродов зовут Ричард»? — нахмурилась я, выглядывая из собирающегося народа Яна.

— Три хаты подорвали. Антихристы, суки! — повторил гонец. — Семеро наших полегли. Те, что новенькие. Эта гнида наверное, как ее..

— Морган, шлюха грязная, — напомнил лидер, потирая бороду. — Что они задумали? Есть информация от убитых?

— Нет, только то, что Антихристы бунтуют. Что делать-то?

— Заткнись. Я думаю.

— «Да, Эсфирь не такая уж и гадкая», — согласилась я.

— Айзеку передай, чтобы ехал обратно. Быстро! Они за ним пришли. Он где-то во дворе с бойцами тренируется.

Сорвался на бег гонец, сорвалась и я. Несмотря на обезболивающий эффект тех таблеток я плакала от боли. Но не сбавляла темп.

Во дворе с импровизированными турниками и грушами для битья действительно был Ян. Он топлес показывал мастерство рукопашного боя. Ковчеговцев было немного, все они были заняты укреплением тела.

Я рванула еще быстрее, хотела влететь в его спину и крепко обнять.

О как же прекрасно его тело. В тьме комнаты, когда он поцеловал меня, я и не заметила его мышц. Не заметила и тогда, когда он пришел ко мне среди ночи. Я видела его обнаженного, но не смела вглядываться. В контуры, в грубый рельеф, в перекаты мышц под бледной кожей.

Он тренировался. А я за мгновения поедала глазами его спину, ковыляя со сломанной ногой вперед. Пот лучился в движениях, будто масло. А я мечтала лишь добежать до него. Я знала, что вместе с Яном мы способны на все.

Пальцы уже чувствовали его кожу и холодные волосы, рассыпающиеся под ладонями.

Я была неуклюжа — рухнула, задев ногой упавшую балку. На шум обернулись ковчеговцы. И вовремя выбежал гонец, крича:

— В штабе замечен враг!

Те немногие схватились за пистолеты, Ян же связал волосы в хвост и взглянул, казалось, прямо на меня. Я дернулась бежать к нему, уже почти вынырнула из тени, но в дверном проеме меня оттокнуло обратно.

Я снова рухнула, но уже на спину. Дыхание потерялось, я подумала, что умираю. Долгие секунды я хватала воздух, но никак не могла вдохнуть. Наверное, так живут астматики?

А когда колокола в ушах перестали звенеть, я услышала выстрелы. Тяжело поднялась и увидела Троя среди скопища врагов.

И Ян тоже был там.

Не поняла, к кому я побежала. Спасать Троя, что не дал мне налететь на пули и потому сам показался врагу, или к Яну, которого давно хотела найти.

Я все же выбралась из тени. Хотела встретиться взглядами с Дамьяном, но тот спешно уходил с лидером. Ричард знал, что я за их спинами. Он несильно обернулся и ухмыльнулся мне. А после — выстрел.

Эта пуля должна была поразить меня, но попала в Троя. Он закрыл меня.

Странно, но я тоже почувствовала боль.

Я могла бы окликнуть Яна. Верю, что он бы бросился ко мне. И его бы убили, безоружного и неготового к бою.

Я осталась молчать. Только поймала падающего Троя и потянула изо всех возможных сил обратно во тьму. Я считала, что эта тьма заброшенного завода уберезет нас от смерти.

Я слышала, как над нами потешались. Вздрагивала, когда те люди стреляли мне под ноги. Скоро еще одна пуля попала в Троя. В плечо. Тогда он потерял сознание и обмяк, хотя до того слабо, но ковылял вместе со мной. Кто-то крикнул:

— Сейчас я его и добыю!

И я нашла в себе силы рывком дотащить Троя за стену. Там мы завалились на пол, и я обхватила его лицо, поднимая к себе.

— Трой, скажи, что ты живой! — я прижалась пальцами к его сонной артерии. Она все еще билась силой сердца. — Боже, прости меня. — Я хотела зарыдать, но вместо того отчаянно обняла его, спрятав зудящие глаза в его плечо.

Снова голоса за стеной. Они не решались войти в помещение, где мы сидели, но все же стремились. Угрозой для них была вероятность ответной стрельбы из укрытия. И я поняла, что нужно делать.

Да, он был прав. В моей нынешней жизни это неминуемо.

Я взяла его пистолет и выглянула в окно. Мне уже приходилось стрелять. Тогда, в Призрене. Я защищала Дамьяна.

И сделала бы это еще раз, чтобы вернуть его.

Но сейчас это было вынужденной мерой. Либо мы, либо они. Третьего не дано.

Я выстрелила. И еще.

До тех пор, пока оставшиеся не скрылись в штабе.

Я убила пятерых.

А затем подхватила Троя и поковыляла прочь. Мне было тяжело, я останавливалась, чтобы отдохнуть, падала вместе с ним. Но в итоге мы оказались в такси, и водитель отвез нас в хостел близь нашего штаба.

Я не вернулась на авиазавод — за нами могли наблюдать.

Глава 22. Быть не с тем

— Я не убийца.

Глава двадцать вторая.

Ночь. Квартира Морган. Я спала и просыпалась в ледяном поту, как в предсмертной горячке. Сны рисовали картину, где в мою спальню входила Раэна и говорила, что Трой не выжил. Так подсознание шептало, что я виновна в этом происшествии.

В хостеле, где я оставила Троя — в развалине, именуемой «Клеопатрой» — уже работала Морган. Две пули: одна чуть ниже сердца, вторая попала в акромиальный угол лопатки и ключицы. Никто из Антихристов не сказал мне и слова. Лучше бы отчитали. Их суровые глаза даже не взглянули на меня. Молчание хуже крика.

В бреду горячки я услышала хлопок входной двери. Сорвалась с кровати и побежала в прихожую.

Эсфирь снимала алые туфли-лодочки, пока Леви и Морган тянули бледного Троя в одну из спален. Немезида наконец открыто взглянула на меня:

— Знаешь, почему меня стоит слушать? — она хищно подошла ко мне. — Потому что своеволие чревато последствиями. — Шлепок по щеке. Немезида справедливо ударила меня. — Сантиметром выше, — ее длинный красный ноготь ткнул меня в ребро над сердцем, — и он бы умер. Из-за твоей импульсивности мы могли его потерять. Ты обычный человек, так на кой черт лезешь туда, где тебе быть не дозволено?

Я промолчала.

— Ну, разумеется, что молчишь. Не сбежала. Спасибо хоть на этом.

Эсфирь ушла. А я села в кресло, ожидая хоть чего-то. Я просидела там долго, даже успела задремать.

—..эй, Оф, — Леви погладил меня по голове.

— Как Трой? — оклемалась я.

— Порядок. Уже шутит.

— Трой-то? Не верю.

— Тебя как угораздило?

— Не спрашивай, Цефей, я не знаю. Просто не могла иначе. У меня почти получилось.

— Да все нормально, — он обнял меня. Понял, что мне это было необходимо. — Я бы тоже не послушал. Также бы пошел в самое пекло ради близких.

— Не утешай меня. Иначе я подумаю, что мне простят еще одну выходку, — я поднялась. Не уверена, что это было допустимым, но открыла окно гостиной и закурила. Снова внутрь занесло осколки ледяного дождя. — Кто для тебя близкий?

— Антихристы. Ты еще новенькая, конечно, но скоро и сама станешь родным человеком для каждого из нас.

— А когда человек становится близким? Как ты это понимаешь?

— Это когда ты рвешь жопу за него. Не знаю, ломаешь свои принципы? Когда его благополучие важнее собственного.

— Когда способен убить ради того?

— Только если для тебя это табу. — Леви тоже подошел к окну. Поймал на ладонь несколько капель дождя и выудил из моей пачки сигарету. — То есть... типа, если ты постоянно убиваешь, то это уже не подвиг во спасение. Вот если ты не убиваешь ради

близкого, хотя сам тот еще потрошитель, то да, это то самое.

— Я убила сегодня нескольких.

— Пятерых, да. Я слышал. Похвалил бы, но не стану.

— Почему?

— Не подумай, Оф, ты замочила их круто! Пять пуль и пять кадавров. Работа профи. —

Он подкурился от моей сигареты. — Но я, типа, в курсах, что ты этого не хотела. Можно ли уважать человека за поступок, который он совершил вынужденно? Скорее осуждать ситуацию, которая и привела к этому.

— Зачем он подставил себя?

— Чтобы не подставить тебя. Типа, если бы ты показалась им, то тебе бы прострелили череп. А Трой мужик, к тому же джентльмен, потому и прикрыл милую даму. Я бы сделал то же самое, хоть я и придурок.

Я обняла его.

— Не придурок. Спасибо, Леви.

Он докурил и щелчком выбросил окурок, чтобы по-братски обвить меня обеими руками. С ним было тепло, как у домашнего очага. Будто я была среди любящей семьи.

— Котятки, — вдруг прижались груди Морган к нашим телам. Она вклинилась в объятия, тепло обвив руками наши шеи, и сообщила: — Оф, не кори себя. С ним все в порядке.

— Я как раз говорил ей об этом, — цокнул Цефей.

— Иди отсюда, — Морган легонько толкнула Леви в грудь. — Нам по-девчачьи надо поболтать.

— Отлично, я, как всегда, чмо и лох! Пойду нажрись!

Леви показал нам средние пальцы и вышел из квартиры. Морган продолжила:

— Балда, ты зачем гипс сняла? Я же говорила, что нельзя!

— Все нормально, Ган.

— Ган? Как пистолет? Забавно, мою фамилию еще никто не сокращал. Ты не увиливай! Завтра я верну тебе гипс.

— Молю, не надо!

— Без молю. Все, иди ложись спать. Завтра утром собрание. Без опозданий.

Морган ушла в спальню, я последовала ее примеру. Открыла окно, залезла под одеяло и закрыла глаза. Наверное, я даже уснула, но в небе зарычал гром, потрянув землю силой греческих титанов. Сигнализация авто заверещала по всему кварталу. Я дернулась.

— «Чертова жизнь. Когда же это закончится?» — Я поднялась и подошла к окну.

Не знаю, что я пыталась найти среди тех каменных туч и шпилей крыш, прорезающих, как острием стилета, дегтярный небосвод. Никогда солнечный и никогда голубой — грязный, насыщенный смогом и пылью. Ядерная зима.

Не помню, что я пыталась услышать в завывании ветра и плачущего мира. Тот дождь был панихидой для мертвых душ, бродивших по Лондону — обычных людей, но уже заранее погибших. Ян тоже видел их, этих мертвецов с серыми лицами. Тех работяг с пустыми глазами, их детей, заблаговременно почивших среди тумана этого города и черного дыма комбинатов и заводов. Не знаю, почему, но Лондон был мертв. Такая аура гуляла по улицам и коридорам домов.

Не представляю, какой ответ я пыталась выхватить среди тех безжизненных деревьев цвета битума. Их ветви походили на шипы или иглы.

Нет, я не искала ответ. Я искала причину. Жить, дышать, смотреть, чувствовать.

— «Как в этом адском мире жить, если окружает эта хандра? Как быть сраным оптимистом, если все вокруг сгнило и почернело?».

Я спрятала замерзшие пальцы в рукавах свитера и побрела в комнату Троя.

Внутри было так же холодно и темно. Стучал в окно тот же дождь. Я устала от его настойчивости. Он плакал так же много, как и я всю свою жизнь. Только завывающий плач, — все, что я помнила о себе, как о личности. Я и он — один человек.

Я села на край кровати у ног Троя.

— Знаешь, в пятнадцать лет я пыталась удавить себя, — прошептала я. И снова я не знала, зачем говорила об этом. — Отец «выбил из меня всю дурь», когда я заговорила, что не хочу жить. Я тогда обвинила его и мать в своей паршивой жизни. Конечно, попыталась объяснить свои детские травмы, хотела, наверное, чтобы меня просто обняли и попросили прощения. Но отец не хотел слышать о своих ошибках, нет, он вообще не считал себя виновным. Он ударил меня сначала кулаком, а после добивал уже ногами. Кричал, что я сама придумала все эти проблемы, что я выросла гнидой по собственной воле.

Я встала. Прошлась кругом по комнате, наверное, чтобы не заплакать.

— Это был ремень. Его ремень. Странно, что он ненавидел меня, но все же достал из петли. Конечно, он долго смотрел мне в глаза, пока я висела над полом, долго думал, стоит ли спасать меня. Но в итоге я здесь, больная и ненужная.

— Иди сюда, — тихо попросил Трой. Я вздрогнула.

И только тогда я заметила, что из-под мокрых черных волос, прилипших к горячему лбу, сверкали его серые глаза. Я впервые увидела, что он обладатель таких чарующих глаз. Серых, как платина.

У меня были такие же красивые?

Я легла рядом, чуть приобняв Троя. Совсем как прошлой ночью.

— Мне показалось, что недавно ты была более счастливой. Когда осталась жива после прыжка.

— Я тоже так думала. Но моя депрессия вернулась. Уже не знаю, за что хвататься. Как остановить это? Сначала я считала это драматичным, знаешь, как в дешевом кино, а сейчас не вижу никакого просвета, кроме смерти.

— Смерть для тебя выход?

— А как иначе перестать мучиться?

— А ты мучаешься?

— Ежесекундно, Трой. Каждый день я просыпаюсь с чувством безысходности и отчаяния. А засыпаю со страхом, что снова проснусь. Но я поняла, что мое существо все равно боится смерти. Это чертов цикл страданий.

— Мне жаль, что ты больна этим. Я не хочу тебе помогать.

— Прости?

— Я не убью тебя. Если ты намекала на это, конечно.

— Нет. Просто хотела поговорить об этом.

— Извини.

— Зачем ты сделал это? — я огладила его повязку на груди. Рана даже под бинтом ощущалась температурой жерла вулкана.

— Ты знаешь.

— Я хочу, чтобы ты сам сказал это.

— Я хотел спасти тебя.

— Чтобы потом поймать не свою пулю?

— Да, именно для этого. Я не жалею, и ты не жалеяй.

— Не могу. Чувство вины грызет меня всегда, даже если я простила себя.

— Офелия, неужели ты была готова умереть, чтобы воссоединиться с Дамьяном? Если бы я не успел, то..

— Да, готова. Я была бы счастлива умереть на его руках. И плевать, что испортила бы ваш план-перехват. В первую очередь я стремлюсь вернуть Яна себе. Не для вашей Немезиды с завышенным эго, чтобы та помыкала его жизнью. Как только я доберусь до него, то мы сбежим. И никакой агент, никакой Ковчег нас не догонят.

— Они не дадут вам жить.

— Значит, я лично помогу Яну убить всех. Плевать. Я научусь пользоваться оружием так, чтобы каждый из ваших людей и врагов боялся даже подумать обо мне.

— Именно так и зарождается личина того, кем являюсь я. Или Леви с Морган. Месть от отчаяния или в защиту творит чудеса.

— Хочешь сказать, что я стану убийцей из желания спокойно жить?

— Мы все хотим спокойно жить.

— Но Яну, например, это приносит удовольствие. Как желание жить отождествляется с гомицидоманией?

— Со временем грань стирается. Дамьян, скорее всего, сначала тоже хотел счастья и идиллии, потому убил тех, кто мешал ему быть счастливым. Кого он убил первым?

— Ян... Он сначала убил с матерью отца, потом, в шестнадцать, в свой день рождения... В общем, убил мать и соседских детей. Он мне рассказывал, что мать пыталась его отравить, потому он хотел вскрыть себе вены, но его спасли. И он решил, что больше не станет калечить себя, а отомстит всему миру.

— Вот и хронология становления маньяком, Оф. Этот побитый шаблон можно нащупать у всех нас. Все мы просто несчастные калеки, понимаешь? И ты тоже станешь, как Дамьян. Ты сначала захочешь тишины и мира, а чтобы добиться этого, тебе придется убить преследователей, снова и снова. А потом и вовсе забудешь, что когда-то боялась и нож-то держать. Мы все переродились в этом гнилом обществе. Стали теми, кого оно взращивало в злобе и гневе.

— Я..

— Можешь не отвечать. Просто держи в голове. Это прекратится только тогда, когда нашей цивилизации не станет. Может, через тысячу лет будут другие люди? Не такие неправильные, как мы?

— Тогда нужно уничтожить эту.

— Люди уже добились конца света. Лет десять пройдет, и мир задохнется в радиации.

— Аминь, — я сложила ладони в молитвенном жесте. Трой усмехнулся.

На том мы замолчали, глядя друг на друга. Я знала этот взгляд — с таким же предвкушением на меня всегда смотрел Ян. Взгляд, ведущий к близости. Но мой милый Ян никогда не настаивал.

Трой же был другой: он потянулся к моим губам. А я не отказала.

Очевидно, что оба мы что-то чувствовали друг к другу. Совсем незнакомцы, но отчего-то ставшие столь близкими. Он принял мои пули, а я убила во его спасение. И сейчас мы снова стягивали с себя одежду.

Я вождедела секса и страсти, но не с ним. В голове всегда алым неоном горело имя Дамьяна. Трой понимал, что вместо его лица я видела лик моего белого ангела с желтыми глазами.

Ладони Троя стянули с меня свитер и сжали грудь, пока я, сидя на нем, пыталась вспомнить каждую мельчайшую деталь от лица Яна. Я была помешана, я любила его.

Любила, но раздевал меня другой.

Блудливая порочность, сгорающее терпение, невозможность коснуться. Все те причины, которые мешали мне быть женщиной Дамьяна. Возбуждение от рук чужого, но фантазии о любимом. Это он, Ян, касался сосков, это его дыхание опаляло кожу — не незнакомца с черными волосами.

Я знала, что неправильным было отдаться Трою, но я уверовала в то, что передо мной был не он. Я заставила себя увидеть Дамьяна в той мокрой постели.

Трой поцеловал меня в губы. А я вспомнила ночь в моей комнате у отца.

Трой спустился к шее. А я ощущала призрачные руки Яна на талии, когда он впился губами в мои. Наш первый поцелуй. С каплей размазанной крови на подбородках. Ночью на узкой кровати с силуэтом гитары у табурета с торчащим гвоздем.

Трой коснулся ладонью моих мокрых половых губ. А я вспомнила, как прижималась ими к горячему телу Дамьяна. Как сердце его билось под моей щекой. Как голенью я чувствовала твердеющий член. Как я хотела продолжить, но не могла взять себя в руки.

Трой чуть толкнул меня на спину, а после раздвинул бедра и оставил дорожку из поцелуев вдоль живота. Его губы прижались к клитору, а язык умело закрутился в вихрь. А я ощущала, как пальцы Яна скользят под моей футболкой, повторяя изгибы талии и таза. Как он дышал мне в затылок и грел ледяные руки. Как поправлял одеяло на моих плечах.

— Мила, я, кажется, люблю тебя, — услышала я, но не поняла, откуда.

— Что? — спросила я.

— Готова, говорю? — лицо Троя ожидающе нависло прямо над моим. Я взглянула вниз, где его член замер у входа во влагалище. Небольшое давление ясно ощущалось всей кожей.

Я кивнула и отвернулась к окну, пытаясь снова ухватиться за хвост той птицы воспоминаний. Тех, где я была счастлива. Где ни разу не думала о суициде.

Я чувствовала, как порвалась внутри, как мы слились. Но простонала не от секса.

И все последующее время я стонала не от этого.

А от тех фантазий.

Я представляла Дамьяна вместо Троя и кричала.

Кричала имя Яна.

Глава 23. Скотомогильник

— Яна, ты голодна? Я приготовил твоего брата на ужин.

Глава двадцать третья.

Нас подняли в шесть утра. Голых и обнимающихся. Снова Цефей, снова умолчавший об увиденном.

Мы добрались до штаба и расселись вокруг дубового стола. Эсфирь рвала и метала, стуча высокими шпильками.

— Агент устроила мне выговор! Какого черта вы не уследили за Офелией?! Ковчег теперь знает, что мы нагло ворвались в их штаб! Вы хоть понимаете, что нас ждет?! Открыто напасть на убежище ковчеговцев значит, что мы бросили перчатку!

— Немезида, да ты успокойся, — бросил Леви, закинув ботинки на стол. — Что значит эта перчатка-то?

Эсфирь поддала Цефею журналом по затылку, вынудив опустить ноги. Теперь ясно, кто поставил этот стол здесь.

— Значит, что это призыв к войне, дубина! Они теперь нам жизни не дадут, пойдут мстить! Двенадцать человек полегло, три квартиры сожжены. Нам крышка, учитывая, что в команде одна идиотка, решившая, что она крутая.

Трой нахмурился:

— Следи за языком, Эс.

— Ты бы не пошла спасать свою дочь у врага? — добавил Леви.

— И не наплевала бы на правила ради любимого человека? — кивнула Морган.

Я готова была расплакаться за их безоговорочную поддержку. Эсфирь гневно выдохнула, зыркнув мне в глаза.

— Не из такого пекла выбирались, — гордо усмехнулся Цефей, подмигнув мне. — Просто соберем их в кучу и подорвем. У меня дома взрывчатых больше, чем у вояк на складах.

— Каков мозг! — прошипела Эсфирь. — Не равняй себя с Фаустом, Леви. Тебе до него не дорости.

Все мы с осуждением взглянули на Немезиду. Та неловко открыла рот.

— Леви, прости, — она обняла его. — Я сама не своя, прости!

— Не понимаю, зачем ты вообще его вплела, — вдруг сурово отрезал Цефей, не принимая объятий. — Держи себя в руках, лидер. Эмоции не должны мешать работать. — Все мы почувствовали угрозу в его словах. Я впервые не узнала в нем Леви. Это был человек чужой, с другим басистым голосом и холодным величием.

Я переглянулась с Морган. Та кивнула, поджав губы, будто согласившись с тем, что Леви действительно Леви.

— Ладно, извиняюсь, — уязвленно продолжила Немезида. — Грядет война с Ковчегом. Наша цель: выжить и подавить восстание этих уродов. Переманить Дамьяна остается важным, но плюсом ко всему на нас будут охотиться, пока не убьют. Потому будьте начеку. Это первое. Второе: задача выловить преследователей и убить, чтобы не убили нас. Действуйте так, как привыкли. Главное, убейте как можно больше!

Все кивнули. Кроме меня. Я спросила:

— Я тоже вхожа в задание?

— Да. Ребята научат тебя убивать. На этом все.

И Эсфирь покинула штаб.

— Она сегодня стерва, — констатировала Морган, уронив лицо на стол. — Не люблю ее такую. Только Цефей и затыкает. А иногда он не приходит, и мы с Троем терпим эту словесную дристку.

— Леви, почему ты так отреагировал на ее слова про Фауста?

— Он был моим лучшим другом. Мы были первыми Антихристами. Нас вытащила агент из тюрьмы. Меня за подрывы и взлом банковских счетов посадили, Нейта — за серийные убийства и каннибализм.

— Вы видели агента? — удивилась я.

— Нет. Только по телефону. Мы имя-то ее узнали только через месяц. Рицемара фон Героль.

— И что делать будем? — спросила Морган. — Приказ «убейте как можно больше» херовый. Немезида не дала никакой конкретики. Мы-то вырежем всех, без проблем, а потом она прилетит злая, как псина, и будет орать, что мы идиоты. Такое уже было! — Раэна ударила по столу кулаком. Поправила ляжку бюстгальтера и ушла к байку, чтобы сесть и уехать. Напоследок она показала кулак и ткнула себя в живот.

— Она просто уедет? — нахмурилась я.

— Она за едой поехала, — ответил Трой. — Морган жестом сказала, ты не видела?

— Зачем вам жесты? Это глупо, — поморщилась я.

— Это была идея Фауста. Очень удобно в деле, — улыбнулся Леви. — Мы не ладили с Мэттом Гиром, ну, прошлым лидером, и жестами говорили друг с другом, чтобы этот козел ничего не понимал. Так и прижилось.

— А какие у вас жесты есть? — заинтересовалась я. — Если уж мы команда, то я хотела бы говорить с вами на вашем языке.

— Малышка, я тебя люблю, — Цефей воссиял, целуя меня в лоб. И он почувствовал, что Трой недоволен тем поцелуем. Обернулся с улыбкой, не прерывая объятий. — Не стоит, Стрелок-Залупок.

— Извини? — нахмурился Трой.

— Извиняю. Ревновать кончай. Я знаю, как вы проводили ночь. Слышал в том числе. Понятно, что чувство собственности теперь глаза стелит. — Леви посмотрел на меня. — Оф, детка, я не имею права, но скажу: если любишь Дамьяна, то не крути пиздой по хую Троя.

— Леви, заткнись, — шикнул недовольно Трой.

— Я знаю, что ты жаждешь только его одного, — шепнул мне в самое ухо Цефей. — Не надо быть шлюхой и трахаться с другими, Оф. Если ты не знала, то Дамьяну это не понравится. Тебе бы понравилось, если бы он драл другую?

Я кивнула в знак понимания.

— Ну, что ж, первый жест: «я хочу трахаться», — буднично начал Леви, будто того неприятного разговора не было вовсе. — Очень в тему, да? Нужно провести крест от сосков до лобка. Вот так, Оф, смотри, — Леви коснулся пальцем моего выступающего соска и провел горизонтальную линию ко второму, чтобы после провести линию от яремной вырезки до низа живота.

— Леви, давай что-то более серьезное?

— Ну, жест «там ебанный ковчеговец» или просто «какой-то хуй в том ебучем направлении». Нужно просто сжать кулак и указать пальцем на того уёбу. Или место, где он

находится.

— Кто придумывал названия? — поморщилась я.

Цефей гордо улыбнулся.

Около получаса меня обучали их жестовому языку, весьма головоломному и хитросплетенному. Из пятидесяти жестов я запомнила лишь двадцать два. Я могла попросить помощи, сообщить о местоположении врага, попросить оружие или патроны, указать, кто будет наживой в бою.

Скоро вернулась Морган с коробками китайской лапши, тако и картошкой фри. Все мы накупились на завтрак, как оголодавшие звери. Та лапша была богоподобной.

— Ну, как Оф тренировать будем? — спросила Раэна.

— Ну, не в хате точно, а то соседи подумают, что ты БДСМ леди стала, — рассмеялся Трой.

— Ты, засранец, вообще про трахательные дела молчи! Какого хера ты привел в мой дом проститутку?! Она всю ночь орала, как резаная, — разозлилась Морган.

— Я же говорил утром, что насмотрелся порева, а спустить в тебя ты бы отказалась.

— Леви, ты козел!

Мы с Троем переглянулись.

— «Леви прикрыл нас?» — подумала я.

Будто прочитав мои мысли, Трой кивнул.

Я выдохнула.

— Думаю, нужно научить пользоваться..

Я перебила Троя:

— Катаной. Морган, ты знаешь, что я залезла в твоё хранилище и стащила форму. Там же я увидела катану. Такую... в красном чехле и с белой рукояткой.

— Не чехол, балда, — рассмеялся Леви. — Это ножны. Ну, Морган, тебе учить.

— Всем, вообще-то! — подмигнула Раэна. — Трой будет за огнестрел отвечать, ты, Цефей, за тачки, а я за холодняк. Эсфирь мы так учили.

— Вы учили Немезиду? — удивилась я.

— Она пришла нулевая. Умела только ножом тыкать. Сейчас та еще чертовка, — закивал головой Леви. — Ну, и с чего начнем?

— С пистолета. Водить и резать пока нельзя из-за травмы, — поспешила сообщить Морган.

На том и сошлись.

Мы с Троем остались в штабе. В его арсенале всегда имелись два внушительных револьвера, один он вручил мне и вывел на открытую площадку. Он выставил в ряд жестяные банки и приказал стрелять. Объяснил лишь, как пользоваться оружием.

Я палила несколько часов, пока тяжелый револьвер не вывалился из уставших рук. Уже вечерело. Мы провели весь день, стреляя по банкам и воронам. Отдача, казалось, выломала мне все пястные кости. Ныли пальцы, будто я самовольно согласилась на удары кувалдой для проверки на прочность. Костей, сухожилий, кожи. Как долго продержится человеческая плоть?

Вернувшись в центр убежища, я упала на диван и прикрыла глаза.

— Мое солнце, я влюблен в твоё существо, — сказал Ян в крошечной тьме. Тьма — это

моя душа? Где я? Среди пустоты внутри себя.

— Где же ты?.. Я устала бежать за твоей тенью, — я зарыдала.

Мои ноги, я взглянула на них. Я больше не могла бежать — голени были перемолотыми костями, как говяжий фарш вываливались пласты мышц. Я бежала во тьме по мясорубке.

Я рвалась вперед, чтобы вернуть счастье, но не замечала, как мое тело осыпалось кусками мяса. Как стачивались кости и ломались суставы.

И в конце этой книги я умру.

— Оф! — я вздрогнула. Обернулась к зовущему, пряча глаза от света. — Ты плачешь во сне, — тихо оповестил Трой. Он сел на край дивана рядом со мной и несильно обнял. От него пахло жареным.

— Мне всегда снятся кошмары. Не замечал?

— Нет.

— «А Ян следил за моим сном», — подумала я. — Как ты?

— Как я? — огорошено переспросил он. — Как ты?

— Просто устала, забудь. Неважно выглядишь. Где все твои классические рубашки, брюки, портупей и идеальная прическа?

— Пока хватает этого худи и гнезда на голове. Нет времени.

— Но ты все равно идеально выбрит и вымыт. Поразительно. А чем пахнет?

— Я варю пасту. Скоро Цефей и Морган приедут.

— Для чего? Снова это идиотское собрание? Я скоро загрызу эту стерву!

— Тише, — Трой приобнял меня за плечи, — нет, они едут просто так. Хотим посиделки устроить. Морган назвала это двойным свиданием. Цефей — оргией.

— Мило.

Трой вернулся помешивать спагетти. И Антихристы провели электричество в штаб. Как у ковчеговцев — холодильник, печь, даже старый ящик с DVD-системой. На полу валялись диски с порно, мультики и все части «Пилы». Порно. Оргия под оргию. Я невольно представила вкус сосков Морган, пока ее сзади брал Трой.

Стало ревностно.

— Сливки или томаты? — спросил Стрелок.

— Сливки. И больше сыра. А еще я бы выпила вина.

— Морган везет виски с ванилью.

— Что еще она везет?

— «Монополию», сигары и аудиосистему. Видимо, будем плясать.

— Я не умею.

— Я тоже. Как руки?

— Порядок.

Я включила ящик и настроила DVD. Вышел эпизод Чипа и Дейла. Пожалуй, это был столь уютно и тепло, что я позабыла обо всех тяготах реального мира.

Ноги в шерстяных носках зарылись в меховой ковер, даже согрелись никогда теплые руки, чему я удивилась. Мягкий купол желтого света освещал ворсинки клетчатого пледа, в котором я пряталась от мороза, выхватывая из тьмы золотые частички парящей пыли. И пряный аромат соуса кружил с пылинками в страстном танго.

Так по-домашнему приятно. Я была очарована этим моментом.

— Оф? — окликнул Трой. — Хочешь попробовать? — он кивнул на сковороду с кипящими сливками.

— Я не хочу вставать.

Трой учтиво доставил ко мне лопатку, покрытую соусом. Я облизнула ее. Горячая капля покатила по губам, и Трой поймал ее своими. Поцелуй вкуса моцареллы и сливок. Не хватало лосося и белого вина.

— Трой, не надо. — Я неловко оттолкнула его от себя. — Я не хочу развития этих... отношений. Просто секс.

— Дамьян? — сурово выпалил он.

— Да, Дамьян. Прости, что строила иллюзии. Что обманула. Что пудрила мозг.

— Я сам на это пошел. — Он коротко кивнул. — Больше не повторится. Извини меня.

И вернулся к готовке.

А я хотела вернуть время вспять и отказаться от любых знаков внимания в его сторону. Мне было горестно за Троя, стыдно и паршиво от появления плодов, которых я не учла, крутя хвостом перед мужчиной. Я захотела раствориться в том клетчатом плёде, или ускорить процесс разложения в сотни раз, чтобы мгновенно сгнить и не быть среди всех моих мыслей, как мясных мух.

— Э-э-й, бичи-говножуи! — поприветствовал Леви, поднимая пакеты с гремящими бутылками. — Папка принес чутка бояры!

— Леви, — Морган нагнала Цефея, схватив по-детски край его косухи. — А ты меня точно любишь?

Я вскинула брови, ожидая ответа о ее состоянии.

— Морган уже нажралась, — вздохнул Леви.

— Выпила бокал! — возразила та. — О! Офелия, привет! — Морган обняла меня и обыденно потянулась к губам. Снова поцелуй, но вовсе не дружеский.

Разна сделала это по-настоящему. Странно, что я не отказала.

— Я же говорил, что оргия! — рассмеялся Леви, переглядываясь с Троем. — Ну же, Троянский конь, не прячь стояк! Меня-то уж не стесняйся, я твой хер видел кучу раз!

— Леви, заткнись, — скривился Трой.

— А с хером тебе повезло, братан! Сколько? — Леви сел на стол рядом с плитой, где вместо воды закипал Трой. — У меня девятнадцать. Зато толстый пиздец!

— Иди отсюда, а. Почему именно в компании девушек ты начинаешь шутить, как идиот?

— Чтобы все подумали, что мы пидорасы и попросили хоум видео.

— Ты по морде хочешь?

— Ладно, понял, — Леви с хитрой улыбкой поднял руки в примирительном жесте. Спустился со стола и подхватил Морган на руки. Та взвизгнула. — Щас я тебе ебейшие вертолеты устрою!

Оба они заверещали, как дети в яслях, а я почувствовала, как сухие губы лопнули: я не смеялась так долго, что когда растянула улыбку, то плоть пошла разрывами. Конечно, лишь смехотворная метафора, но кровь действительно собралась шариками и смешалась со слюной. Смеяться мне всегда доставляло боль.

Я нагло раскрыла пакет и вынула бутылку виски. Никогда не пила столь изысканного пойла, столь дорогого и качественного. Порванные губы закричали и запульсировали, когда я залпом осушила целый бокал спиртного. Так, будто вонзилась раскаленная игла от шприца. Я ясно почувствовала, как она, полая внутри, проткнула меня. И вклинилась буром в зуб, чтобы после проткнуть нерв и застрячь в кости.

Вспомнился визит к стоматологу. Мне удаляли нерв. Без наркоза. Я будто внутри мозга слышала, как сверлом ломали зуб, как он крошился мне на язык, как та мерзкая женщина ковырялась инструментами в обнаженных нервах и старалась глубже вонзить металлический крюк. Как стремились лопнуть глаза от той боли. И дыра в центре зуба. Я испугалась этой пропасти в моем рту.

Зуб занял, и я пришла в себя. Бутылка виски была уже наполовину пустой. Я огляделась, заметив тишину.

Леви замер на месте с Морган на спине, что тоже притихла.

Трой — с рукой на кобуре.

Вдруг Леви дважды ударил себя по груди и рванул вместе с Раэной вон из штаба. Я растерялась на мгновение, а после разобрала тот шустрый жест Леви: знак «пиздец, валим нахуй». Я же переименовала его в «опасность, врассыпную». И рванула следом за Цефеем и Морган.

А после — взрыв. Меня поймала ударная волна, толкнула яростно в спину, и я покатила по жидкой грязи вниз по небольшому склону. То был болезненный побег: я налетала на обломки кирпичей и царапалась об опасно выброшенные остовы арматур, рвала одежду об острые камни и резалась ладонями о битое стекло от бутылок пива. Кульбит в лужу грязи, и я наконец перестала скатываться по опасной земле.

— «Твою мать!» — зашипела я, хватаясь за ржавую балку и поднимаясь из болота размоченного чернозема. Разило гнилой плотью. Я осмотрелась. — «Боже!».

Я была уверена, что угодила в ров скотомогильника. А лужа, в которую я приземлилась, оказалась бассейном из сгнивших животных. Кошек и собак. Я подскочила на месте, поняв, что под одеждой копошились черви.

Я угодила в трупное болото из сотни туш, в их разлагающееся царство. Под тихое шевеление личинок с белыми мягкими тельцами, наслаждающихся вкусом смерти и вони.

Выстрел. Он прогремел рядом со мной, но не задел. Я вынужденно рухнула на землю и пригляделась. Алый свет пожара над ямой скотомогильника очерчивал ярким контуром женщину. Я не узнала в ней свою — за моей жизнью шел ковчеговец, враг.

Да, тогда я возненавидела всех тех людей. И незнакомку со стройными бедрами и узкой талией, ищущей меня в отсветах пожара. Отчего-то я в корне переменилась внутри. Вспыхнули слова всех Антихристов, они вторили одно простое: «либо ты, либо тебя». А я теперь согласилась с их кредо.

У меня не было оружия, но были железные строительные остовы с острыми наконечниками. Я подхватила один и перекатилась за кучу балок.

Я видела ее спину, видела, как она искала меня по кустам и ямам.

Да, я ударила ее по голове и повалила на землю. Она рассмеялась мне в лицо:

— Радмила, какое счастье, что я встретила тебя! Я так сильно хотела рассказать тебе о Дамьяне!

Я нервно сглотнула, сидя сверху и прижимая остов к ее шее.

— Этот милый мальчик целовал меня там, — она чуть дернулась тазом. — Как славно, что теперь он мой. Ты знаешь, как он умеет брать сзади?

Я оскалилась. Знала, что провокация, но гнев рвал мне душу. И боль. Эта боль колючей проволокой стягивала мозг. Колья втыкались внутрь и, сдавливая, прорезали новые борозды сквозь извилины.

— А его большие руки! О, я уже кончила... — простонала она. — Они горячие и

сильные. Дамьян одной рукой мог схватить меня за шею и трахнуть, как шлюху!

Я молча держалась. Хотела услышать всё.

— Я правду говорю, милая Мила. Так он тебя зовет, да? Или «мое солнце»? Солнцем он теперь называет меня, прости. — Она довольно улыбнулась. — Ну, все, убирай эту палку, я знаю, что ты не убийца. Наслышана о твоей трусости и праведности, божий агнец. Я убью тебя быстро, «мое солнце».

— Не поверишь, — прошептала я, уронив слезу. Но мне не было стыдно за плач. — Но я научена Яном убивать, «солнце». Он посвятил меня во все, что умел сам. Ты же знаешь, что он умел?

Она истерично рассмеялась.

— Да ты же крови-то боишься! Дамьян смеялся над тобой!

— Дамьян уважал меня. Даже если и брал тебя, то только потому, что ты шлюха.

Я рассмеялась.

Смеялась и теряла слезы.

Я теперь он.

Он тоже смеялся с безумием в раскрытых глазах.

Я проткнула ее той железной палкой. Проткнула матку и кишки, вонзив орудие в ее смердящее влагалище. Пинками вгоняла и рвала внутренности той, что касалась чужого. Моего.

А после я швырнула железный фалос в сторону, весь в крови и дерьме — Ян был прав, когда говорил, что все эти тела обсирают штаны от боли и ужаса. Я схватила ее за волосы и ткнула лицом в яму с трупным болотом. Она все не закрывала рот, даже под жижей из вонючих кишкочков и клочков шерсти. Та извивающаяся масса наполнила ее ноздри, глотку, рот. И черви резвились с языком. Как французский поцелуй.

Она вырывалась и царапала мне ногу, которой я придавливала ее голову глубже в недра разложения и гнили.

Она дышала той массой. Черви, шерсть и крошево костей заменяли воздух, растекаясь медленно по легким. Как кисель по дыхательным путям.

Нет, мне не было стыдно за плач. Перед мертвыми не стыдятся.

Глава 24. Дом и собака

— Привет, Дамьян,

— сказала Рут.

— Отвянь, ты мне противна.

Глава двадцать четвертая.

Не помню, как меня подобрали ребята. Не помню, как Морган мыла меня в ванне. Не помню, в какой квартире уснула. Не помню, кто всю ночь не покидал меня, сидя у окна с сигаретой.

Но я помню глаза, когда *она* задохнулась. Открытые, с шевелящимися на зрачках червями. Они преследовали меня. Эти глаза и черви.

Я вскочила над постелью, хрипя и дрожа в ледяном поту. Вытерла одеялом мокрую шею и посмотрела на окно.

За ночью наблюдал Леви. Я удивилась его бесстрастию и равнодушию.

— Ночью все мы настоящие, — сказала я. — Так ты в деле депрессивный камень без чувств и эмоций?

— Нет сил притворяться, — холодно ответил Леви.

— Таким ты кажешься... странным. Я привыкла, что ты говоришь обо всем подряд.

— Я клоун. Должен же кто-то поднимать дух команды.

— Мне жаль, что ты выбрал эту роль, Леви.

— Мне тоже. Прости, я должен был защищать тебя. — Он снова закурил. Долгая пауза. — И помочь Троя. Он с пулевыми ранениями. А я забыл. Прости.

Дыхание сперло.

Так умирала та девушка? Так же не могла вдохнуть, глотающая кашу из трупов?

Я испугалась за Троя.

— Трой... жив?

— Да, все в порядке. Только погиб бы от пули во лбу, если бы Морган не отрезала голову тому ковчеговцу. Обычным ножом. Я бы не смог.

— Где мы?

— В твоей квартире.

— В моей?

— Эсфирь купила, чтобы спрятать тебя. Мы в самом центре Лондона. Тут искать не будут. Или будут. Хотя бы взрывать не станут. Ассасины придут, много. Поэтому ты должна научиться защищать себя. Помочь нам победить в этой войне.

— Она началась из-за меня. Я понимаю.

— Ты убила.

— Да.

— Рут Галлагер. Правая рука лидера. Мы давно хотели ее поймать. Я поблагодарил бы, но ты... Ты не убила ее. Ты искалечила насмерть. Мы так не убиваем, Оф.

— Я защищалась.

— Нет. Ты убила в себе человека.

— Разве вы не сделали то же самое? Моя вина меньше вашей! Я вообще не виновна в том, что она пыталась меня убить!

— Да, мы монстры. Но и ты теперь тоже. Оф, я не обвиняю и не осуждаю. Прост

констатирую факты. Я не хотел, чтобы ты в итоге пришла к этому. Я верил, что ты останешься чистой. Я ошибся. Прости. — Леви закрыл окно и направился прочь.

— Где Трой?

— В гостиной. Мы охрана тут.

Я вышла вслед за Цефеем, но направилась к дивану в гостиной. Троя там не оказалось, и я решила пойти выпить воды. Жажда мучила сухое горло.

Я села на кухонную тумбу и вздохнула. Горло жгло, я неумолимо хотела рыдать. Хотела распороть руки и слить кровь в сток ванны.

— Оф? — донесся голос Троя.

— Трой... — я потянула к нему руки. Он обнял меня. — Я не хочу всего этого. Мне плохо..

Да, я снова разрыдалась в его белую рубашку.

— Прости, я не смог спасти тебя.

— Почему вы извиняетесь? Это я виновата! Я! Это дерьмо началось из-за меня!

— Потому что несмотря на это, — он чуть крепче прижал меня к груди, — мы бережем каждого из нас. Леви сказал, что еле успел спасти тебя от Рут.

Я шокированно взглянула на него.

— Спасти?

— Она чуть не утопила тебя. Ты не помнишь?

— Нет... Я... потеряла сознание.

Я с осознанием вернулась обнимать Троя.

Леви. Он снова не сказал. Для чего? Великий мученик, глупо скрывающий чужие тайны, чтобы хоть немного чувствовать себя важным и нужным. Или хитрый манипулятор.

— Эсфирь говорила про войну между русскими и америкой. Что будет дальше? — спросила я, отпуская его из объятий.

— Мы будем участвовать.

— Мы что, солдаты? Это не наше дело.

— Наше дело получить деньги.

— Что, помочь одной из стран? На танке съездить по полю боя? Господи, какой бред!

— Война только результат. Выгода для тех, кто в тени. Территории, деньги, власть. Мы помогаем им, а они платят нам хороший процент. Это бизнес.

— Да вы серьезно что ли? "Кто-то там из тени" решил повторить вторую мировую, чтобы укрепить самомнение и без того полный мешок с деньгами?! Трой, пойми: я не гожусь в столь крупные аферы, Ян — тоже. Мне лишь нужно забрать его. И уйти. Все просто.

— Нет, сложно. Понимаешь, что из нашего бизнеса живым не уйдешь? Хоть агент и говорит, что мы будем свободны через год, два, пять, мы все равно обречены. Никто нас не выпустит, потому что мы знаем слишком много. И тебя сюда втянули насильно, без явного согласия, и твоя жизнь теперь будет такой до конца. Мне жаль, правда. Всем нам жаль.

— Да ну? — оскалилась я саркастично. — Жаль?

— Мы были согласны. Я, Леви, Морган, Эсфирь. Все мы были заключенными пожизненно, а теперь пожизненно служим деньгам и свободе, хоть и с некоторыми обязанностями. Променили смерть на жизнь. Лучший выбор в моей жизни. А тебя, напротив, лишили свободы. Как собаку принудили вступить к нам, с угрозами и давлением. Да, мне жаль. Не сомневайся в моих чувствах.

— Да мне все равно, — я села на обеденный стол. — Я заберу Яна и уйду. Да и вы все лживые скоты. Немезида обещала отпустить меня на все четыре стороны, если я не путаю.

— Ты уже тогда поняла, что это обман, ведь так? — Трой сел рядом.

— Конечно.

— И к чему ты ведешь?

— Помоги мне сбежать.

— Ты можешь просто уйти из квартиры и уехать в Сербию.

— А потом мне отрубят голову.

— Да.

— Смешно, — усмехнулась я. — Трой, не валяй дурака. Просто помоги.

— Мне это грозит смертью. С чего я должен жертвовать собой?

— Ты же не идиот, чтобы подставляться. Научи меня убивать и просто умолчи о побеге.

А взамен... Что ты хочешь в качестве платы?

— Ничего не надо. Хорошо, я согласен. Просто тренировки не вызовут подозрений. Но Леви и Морган вряд ли будут рады. В конце всего этого плана именно один из них тебя и будет искать. И убьет, если поймает.

— Со мной будет Ян. Его вам не превзойти. Я буду за каменной стеной.

— Надеюсь.

— Надейся.

— А может вы оба просто останетесь тут? Это безбедная жизнь, свободная.

— Это не та свобода, которую мы жаждем.

— Глупо... Так глупо. Вам придется бежать от нас до конца своей жизни. Я не хочу встать по другую сторону баррикады. Не хочу стрелять в тебя.

— Ты можешь отказаться.

— Нет. Я обязан выполнять все, что велят. И когда придет задание, я буду охотиться за тобой. И Ян вряд ли сможет поймать мою пулю зубами, чтобы обеспечить твою безопасность. Он силен, но он не бог. Это плохой выбор, Оф.

— У меня всего два варианта. И я не хочу до гроба быть шестеркой у таких уродов, как Эсфирь. О чем ты? Я простой психолог из разбитой семьи часовщика и доярки. Просто низший слой общества с парой копеек в кармане. И все, что у меня осталось, — это Дамьян. Нет ни матери, ни отца, ни друзей. Конечно, я не готова к такой жизни. Я не хочу участвовать в массовых убийствах и тем более в войне. Хочешь секрет? Я хочу сраный дом на берегу моря, собаку и кольцо на пальце.

— Пес вместо ребенка?

— Да. Мы с Яном вряд ли сможем сделать нашего ребенка здоровым. Лучше не заводить вовсе. А пес... — я мечтательно прикусила губу, — восточно-европейская овчарка. Черная. А имя... Аид, или, может, Аполлон.

— Греческие имена для собаки?

— А что?

— Я бы назвал пса Аластором. Как демона. Черный как раз в тему.

— Мне нравится.

После полуночной беседы мы разошлись по кроватям. Моя новая квартира была небольшой. Розовые обои были смехотворны в отношении мрака всего Лондона, их негармоничность вселяла в меня чувство кукольного дома для ребенка. Все внутри было будто искусственным и декоративным; таким слащаво милым и домашним, что я пугалась

той атмосферы. Все красивое и притягательное опасно.

— «Я была уверена, что в Лондоне нет таких квартир», — подумала я, накрывая плечи белым одеялом. Таким мягким, как облако. — «Всю жизнь мечтала хотя бы о комнате, а тут целая квартира бесплатно. А ведь мы с Яном планировали купить виллу в последний раз, а тут его засмеяла. Унизила его мечту. Он так хотел, чтобы все закончилось, чтобы зажить спокойно... Попытался сделать шаг вперед к цели, а я... Я просто растоптала все это. Боже, мне так плохо...».

Да, мне оставалось только рыдать от той всепоглощающей вины, от свербящего давления под языком; оставалось только отдать все, чтобы вернуть то, что я потеряла. Я ненавидела себя и свой язык.

Утром меня поднял Трой, сразу сунув под нос револьвер. Его лицо по обыкновению отражало холод, стальную волю и усталость от мира. Мы позавтракали тем, что я наготовила из мяса, картофеля и других овощей. Такое рагу полюбил Ян. Но он всегда повторял перед вкушением пищи, как молитву или ритуал: «я обожаю твою еду, но тебя я боготворю, Мила». Хоть я и кормила его сама всего полдюжины раз.

Я жевала говядину и вспоминала наши с Яном завтраки, обеды и ужины, пока Трой что-то скупно на выразительность рассказывал. Я скучала по тому, как Дамьян называл меня. «Мое солнце», «милая моя Мила», «Мила». Я скучала по его смеху, когда он читал найденную в закромах книгу. Любую. Он просто любил читать. Скучала по лукавым ухмылкам, когда он нарочно разглядывал меня, а я краснела от его излишнего внимания.

— Ты вообще слушаешь меня? — недовольствовал Трой.

— Нет.

— Как грубо.

— Ты обижаешься на то, что мне неинтересно? Трой, мы давно выросли из того возраста, чтобы злиться на других из-за их нежелания слушать, говорить, думать, делать и так далее. Я думала о важном и на беседы не соглашалась.

— И что же «важное» ты обдумывала?

— Ты знаешь.

— Это какое-то помешательство. Дамьян слишком часто бывает в твоей голове.

— Не часто. Всегда. Я не могу быть рядом, — остается только представлять и вспоминать.

— Ясно, — хмыкнул Трой. Он отодвинул пустую тарелку и поднялся. — Едем.

— Так штаб подорвали же. Куда ехать-то?

— В наш запасной штаб. Это заброшенная скотобойня. Раньше он был основным, но Эсфирь решила сменить его на авиазавод.

— Почему сегодня снова стрельба? Я хочу научиться водить. Или махать катаной.

— Морган уже говорила. Собирайся. Я пока за машиной.

— У тебя есть машина?

— Нет. Я поймаю такси.

— Почему не купишь?

— Потому что не люблю. Моя семья стала кучей кишков и костей из-за автомобиля.

И ушел.

А мне стало совестно из-за ненужных вопросов. Конечно, Леви говорил, что Трой осиротел в десять лет.

Скоро мы сели в такси и прибыли на скотобойню, где упражнялись до самой ночи. Снова стрельба по банкам, снова призрачная боль ломающихся костей, снова усталость и закрывающиеся от слабости глаза. Мы оба упали на запылившийся диван и почти уснули, уронив головы друг на друга, как раздался голос Немезиды и Леви:

—.. чертов Ковчег, я ненавижу это место!..

—..да ну, тут мило... О, ребята, дарова! — обрадовался Леви. Я открыла глаза и оглядела их силуэты.

— Привет, — кивнула я. Трой молчал. — Извините, мы устали. Трой, видимо, спит.

— Чем занимались? — ехидно улыбнулся Цефей.

— Убивали банки, — скучно ответила я.

— Молодец, Оф, — вдруг улыбнулась мне Эсфирь. — Я рада, что ты решила учиться. Держи, — она протянула стакан с кофе. — Кофе. Ободрит.

Я с благодарностью кивнула ей, принимая напиток. Кофе оказался очень вкусным и, вероятно, дорогим. Немезида поставила коробку с еще тремя стаканами на кофейный столик и села в кресло. Она выглядела свежей и бодрой.

— У нас собрание. Славно, что вы тут.

— Вот радость-то, — провила я, на что Эсфирь рассмеялась. Странно, но теперь она не казалась мне злой сукой, напротив, мне был приятен ее смех. — Разна в пути?

— Да, едет с пиццерии. Мы все тут голодные и уставшие.

— А что было?

— Леви подрывал квартиры, я целый день провела за слезжкой лидера ковчеговцев, Морган поймала восьмерых ассасинов. Работаем, в общем.

— Ну... — я смутилась, не зная, что сказать, чтобы не направить на себя ее гнев. — Скоро я смогу вам помочь.

— Это замечательно! Спасибо, Оф! Как самочувствие?

— Порядок. Нога под обезболом не болит вовсе.

— А с огнестрелом как дела?

— Неплохо. Я и до этого попадала, а теперь наработала меткость и скорость.

— Морган говорила, что ты хочешь выбрать катану в качестве основного оружия.

— Да, хочу. Не знаю, просто показалось, что это мне подойдет.

— Я тоже так думаю. А Трой как? Я назначила его пожить с тобой пару недель, чтобы ты была в безопасности. Не ущемляешь?

Она хохотнула. Я зачем-то тоже. Гадко, но я стала пресмыкаться перед ней. Стоило только быть доброй ко мне, как я завилыла хвостом и захотела угодить ей.

— Нет, живет хорошо. Спит на коврике под дверью и ест с пола отборный собачий корм, — пошутила я.

— Так держать!

— Немезида! Я урвала твою любимую пиццу с трюфелями! — ворвалась Морган с двумя огромными белыми коробками. — И купила новые сапоги!

Она прыгнула к нам с Троем на диван, разбудив его, и показала обновку на своих ногах: высокие кожаные ботинки с металлическими элементами в виде шипов на подошвах и цепей. Разна шумно поцеловала меня и Троя в губы, затараторила о скидке в бутике «Шанель», пока стягивала с себя куртку. После она ласково обняла Стрелку за шею, призывая обнять в ответ, и устроилась на его коленях головой.

Я сжала челюсти, стараясь не выдать чувства злости и ревности. Подняла глаза на

Эсфирь и Леви: оба они понимающе смотрели в мои, но поспешили прикрыться улыбками.

Я хотела что-то сказать, чтобы не чувствовать себя так униженно и убого, хотела встать и уйти покурить, но почувствовала легкое касание пальцев Троя на своих. Остальные вряд ли заметили тот красноречивый жест. Жест приободрения и утешения. Я успокоилась, сжав за спиной его ладонь.

Мы поужинали, даже мирно поболтали о простом и ненужном, а потом Эсфирь посвятила нас в новости и план действий.

— Пятерых ассасинов послали в старый штаб на разведку. Они думали, что мы вернемся туда. Один проник в квартиру Офелии. Второй в мою. И третий следил за самой Морган, пока она следила за ним. Как в дурацком фильме. Я узнала про Дамьяна пару вещей, который не нужны для дела, но будут приятны Оф. Ну и Леви, конечно, внес вклад: многие ковчеговцы остались либо мертвые, либо без имущества. Но поругаю тебя за взлом полицейской базы!

— Ну а что! — всплеснул руками Цефей. — Я просто обматерил их по радиации и немного почистил инфу о поджогах и убийствах. Теперь хуй они легко выйдут из этого дела. Инфы свидетелей-то нет в базах, как и видео с камер и прочей поеботы.

— А сколько денег ты упер с их карт? — усмехнулась беззлобно Эсфирь.

— На бензин! Агент давно не отправляла деньги за работу!

Она с улыбкой покачала головой. Как мать от проделок дитя.

— А что там про Яна? — с надеждой спросила я. Странно, но внутри я горела. Перед глазами начинало плыть. Настолько я желала его? Как наркотик.

— Я ждала твоего вопроса, Оф, — снова улыбнулась лидер. — Первое: Дамьян зачем-то набил татуировку. Второе: он собирается праздновать день рождения, и я знаю, где.

— Подробности, Эс! — предвкушающе подалась я вперед. Я чувствовала, как кровь брызнула в ушах. Как задрожали колени в желании бежать туда, где будет Ян.

— Он набил твое имя над сердцем. Полное имя — Радмила Офелия Црнянская. Как женщина я понимаю твою радость, потому рассказываю об этом. Он сегодня вечером был в штабе и показывал новым товарищам обновку. Я хотела выяснить, где его поселили, потому слушала все, о чем они говорили. У него сейчас три хороших друга: Локи Вестгот, — их Мясник, Тревор Шелби, — или Топор, и Михаил Рид, — Кузнец. Все они те еще звери: их клички даны им от метода убийства.

— Ага, уебы конкретные, — вклинился Леви. — Мясник раньше тоже типа к нам должен был попасть, но мы не успели его завербовать. Так-то толковый чел, но не ту команду выбрал. Он людей вскрывать любит, прям рил вскрывать, чтобы кишки вытащить, печень, почки. А потом просто фараонам эту пирушку оставляет. Им приходится людей по ошметкам собирать. Он из Исландии. На Дамьяна чем-то похож внешне. Два брата-акробата. Ты бы заебалась между ними выбирать, Оф!

— Шелби. Или Топор, — подхватил Трой. — Тут все просто: заживо отрубает, преимущественно тупым топором, головы. По характеру он как Леви: придурок.

— Мой внебрачный сыр, — рассмеялся Цефей.

— Сыр? — переспросила Морган.

— Ага. Типа сын, только сыр.

Все мы переглянулись под хохот Леви. Шутку никто не понял.

— А Михаил Кузнец из-за своей здоровой кувалды, — объяснила Морган. — Она очень большая! Килограмм пятнадцать! Он поэтому здоровый, как бык. Такие ручищи, как у

Кузнецца, просто мечта девушки! — влюбленно выдохнула она.

— Чтоб он вместо тебя дрова колот? — усмехнулась Немезида.

— Чтобы носил! Да и той кувалдой он машет, как черт. Будет кому защитить. Да и вообще! Он очень даже красивый парень, у него душа добрая! Я видела, как он котят бездомных людям раздаёт, чтобы они не умерли. Мне тоже предлагал. У мамы Шерлок живет, помните? Это Михаил мне подарил его!

— Э-э, — нахмурился Леви, — а ты сказала, что нашла сама!

— Чтобы ты не вонял, что я с врагом мило болтала!

— Он мог тебя узнать!

— Так не узнал же!

Мы с Эсфирь и Троем, казалось, одновременно закатили глаза. Морган слезла с Троя и нависла угрожающе над Цефеем, а я заметно расслабилась и поспешила занять свое место.

Я придвинулась ближе к нему и неловко толкнула плечом, чтобы после он так же неловко и робко обнял меня с обеих сторон за талию и опустился подбородком мне на макушку. Эсфирь видела эту сцену деления самца двумя самками. Видела, но делала вид, что не замечала.

Морган шлепнула Цефея по лбу, и тот, зарывчав, схватил ее и закинул на плечо. Они оба завизжали и начали крутиться по помещению, то ли избивая друг друга, то ли воркуя.

— А день рождения? — стыдливо спросила я. Гадким было делить одного, жаться с ним в ревнивых объятиях, а теряться внутри в боли и ожидании из-за другого.

Эсфирь явно порицала мою любовь к Яну и ту ревность, обращенную к Трою. Одна грязная шлюха, трахал которую один, а думала она о втором — я. Ничтожность без принципов и нравственности, сидящая перед строгим взором Эсфирь, думающей так же. Я спрятала глаза, но яро ждала ответа.

— Пятого марта они небольшой компанией идут в казино. Дамьяну исполняется двадцать три.

— Еще месяц... — прошептала я, размышляя вслух. — Мы успеем уладить дела и вернуть его именно в тот день? Тогда очень удачный случай будет, Эсфирь! Он будет без «охраны».

— Я тоже об этом думала.

— Я не понимаю, к чему столько сложностей. Прошлая миссия. Зачем нужно было подрывать их дома, ловить пешек и следить за штабом? Почему нельзя было просто выманить Яна и дать мне с ним поговорить?

— Дома жгли, чтобы собрать их в одной точке. Пешек ловили, чтобы убрать лишний мусор под ногами. А следили, чтобы узнать что-то важное и нужное. Например, где поселили Дамьяна? Что они колят группе? Какие цели будут преследовать? Результат должен был быть следующий: пешки убиты, никто нам не мешает, панику навели, но без открытого объявления о войне. Потом поджог их домов — вынудит срочно собрать всех в одной точке, где следящий — тогда это был Трой — узнает все, что нам нужно. Так должно было быть, но, к сожалению, ты... немного помешала, и теперь мы будем воевать. А Дамьяна так легко не выманить — его контролируют, зная, что мы хотим его поймать. Он сейчас как... президент.

— И что теперь делать будем?

— Отбиваться. Помаленьку многих уберем. А уже после в открытую прийти в их опустевший штаб и убить всех, чтобы забрать Дамьяна. Два зайца за один выстрел. И врага

уберем, и нового члена группы вернем. Такое почти не бывает, но мы будем одни из первых.

— Ясно, — кивнула я. — Я готова работать для этого. Мне стоило сразу так объяснить. Я бы не стала портить все.

— Да, это и мой огромный косяк. Прости меня. Трой, приведи ребят.

Стоило ему покинуть нас, Эсфирь поднялась и подставила мне щеку.

— Я должна тебе.

— Что? — не поняла я. Ее лицо плыло перед глазами. Неужели я так устала, что сознание стало неясным? Мне хотелось пить. Но внутри я будто горела: хотелось танцевать и пить из горла Мартини.

— Пощечину.

— Все нормально, ты тогда справедливо ударила меня, Эс.

Она промолчала, но глаза ее требовали. Я ударила.

— Это значит, что я хочу извиниться, Оф. Я знаю, что ты можешь быть полноправным Антихристом. Я знаю, что ты убила Рут, а не Леви.

— Откуда?

— Не переживай. Это не он рассказал, Леви умеет хранить тайны. Я сама видела. Я вообще-то, одна и видела, что там происходило. Под конец, конечно, но видела. Ты потом вырубилась, и мне пришлось тащить тебя к остальным. Я приехала очень невовремя. Будь я раньше на пять минут, тебе бы не пришлось это делать.

— Леви осудил меня за жестокость.

— Но он не слышал, за что ты была так беспощадна. Все нормально. Но лучше пуля в голову. Меньше времени занимает.

— Катана по шее.

— Или так, — подмигнула Эс. — Передай всем, что продолжаем в том же духе. Собрание закончено.

Когда вернулись ребята, я лежала в бреду на диване, напевая что-то под нос. Я чувствовала себя счастливой.

Глава 25. Сумасшествие

— Трой, я вся горю.

— ТРОЙ ЛУКАС КИРК—

ШТАБ

Мы вернулись в помещение. Морган отлупила Леви пластиковой бутылкой от колы и гордо шла впереди, бранясь на нас обоих. Цефей гоготал позади.

Станным было видеть Офелию в таком раскрепощенном виде: лежащую, раскинувшую широко руки с ногами и напевающую текст какой-то песни. Оф всегда осаниста и сдержанна в своих холодных повадках, стройна и статична, как скульптура времен античности. Сейчас же она походила на Морган, которая в свою очередь могла развалиться кошкой даже на полу.

Но меня тоже распирала волна странного счастья и свободы. Я хотел сорвать с нее одежду и взять прямо на том грязном диване. Плевать, что здесь были Леви с Морган. Плевать, что кружилась голова, и я был уставшим, что валился с ног. Я хотел пить.

— О, а ты типа освоилась! — обрадовался Леви. Он потянул ее к себе и закружил в танце.

— Ребят, есть что выпить? — смешливо вскрикнула Оф. — Морган, малышка, неси алкоголь! Отметим новую меня!

— Да, — кивнул я, — я тоже адски хочу напиться.

Леви подмигнул Морган, и она умчалась на улицу. Скоро на кофейном столике стояли три бутылки водки, пачка ментоловых сигарет и литровый апельсиновый сок. Оказалось, Раэна успела съездить в магазин, пока мы втроем плясали под рок из машины Цефея. Света не было, мы танцевали под свет включенных фар.

Никогда ранее я не пил водку из бутылки, но в тот вечер я сделал именно так, пока Офелия в танце прижималась ягодицами к моему члену. Раэна тоже крутилась рядом, несколько раз они начинали зверски целоваться. Девчачьи поцелуи и чуткие тонкие руки, скользящие друг по другу. Я плохо держался, чтобы не отодрать их по очереди. Цефей, я видел, тоже грезил об этом.

Я пил из горлышка, так, что горькая водка потекла по шее. И обе они, эти девушки, так непохожие на самих себя этой ночью, прильнули ко мне, цепляясь горячими губами к моим, перехватывая спирт себе в рот.

Скоро все мы сошли с ума.

Наши тела содрогались под музыку в полном исступлении, по коже струился пот. Я уже и забыл, что был ненормален. Я и Оф. Те двое всегда были такими дураками, но не мы. Я забыл, кем были мы.

И танцевал под незнакомую музыку, но такую головокружительную и полную транс. Она была гипнозом, и все мы, пьяные, были не в себе.

Я видел, как Раэна и Оф крутили языками в поцелуях, возбуждался, лицезрея их страсть, но я забыл об этом. Я забывал все, что происходило. И разум вновь и вновь растворялся в пространстве, сливался с музыкой и биением сердца под ухом.

Не помню, как мы оказались в центре города, гоняя на полной скорости в машине и на байке. Я ехал с Леви, пока девочки гнали впереди, прогнув спины для нас — зрителей.

— Еба-ать, я в ахуе! — кричал Леви, перебивая музыку. — Я кончил в штаны три раза! Морган, чертовка, умеет жопой крутить! Я ведь ее трахну такими темпами!

— Не трахнешь! — крикнул я, подкуривая сигарету. Ветер, ворвавшийся в открытые окна, мешал огню гореть. Я матерился, желая скорее затянуться. — Давно бы отодрал, если бы не берег!

— Да она охуела! Обычно Морган просто заваливается на меня и храпит, а тут вон че!

— Да ее Оф раззадорила! Морган всегда такая, когда напьется, а вот Офелия... Я даже не знаю, что за дела!

— Я тоже не ебу! Но мне в кайф, братан!

— Да мне тоже!

Музыка кричала из машины так громко, что слышал наше веселье весь Лондон. Мы менялись местами и рвали других лихачей в пух, обгоняя на скорости, недопустимой даже в мечтах любого гонщика. Я помню, что держался за грудь Раэны, когда Оф села в машину. Грудь ее была великолепна, даже жаль, что она породила столько комплексов и сомнений в душе Морган. Ветер трепал меня когтями, как дикое животное, но это было мигмом счастья. Я плакал не от ветра, но плакал от понимания мироздания. Словно растворился в нем и перестал быть калекой с больной душой.

Это было жизнью, о которой так много твердили в книгах и фильмах. Счастливой жизнью, полной воздуха и желания дышать им. Я был легким и пустым внутри. Катарсис.

Квартира Морган, мы прибыли туда перед рассветом. Не знаю, что делали Леви и Раэна, но стоило мне войти в спальню, как Оф схватила меня за ворот рубашки. Она толкнула меня в стену и закинула руки на плечи, чтобы после вовлечь меня в поцелуй. Жестокий и доминирующий.

Я поднял ее на руки, и бедра обвилились вокруг торса. Даже сквозь ее брюки я почувствовал огромное мокрое пятно. Она вскинула голову стоило мне схватить ее за волосы. У нее чарующий аромат тела и белая кожа, совсем прозрачная на гортани. Я видел синие вены, когда целовал шею.

Я бросил Оф на постель, а сам стянул с давно стоящего члена трусы и брюки. Она тоже давно ждала: все было мокрым и горячим. Одеядло быстро пропиталось ее смазкой, бьющей, как природный ключ.

Я целовал ее, когда головка скользила по клитору. Целовал в грудь, когда она хныкала и суетилась подо мной. Поцеловал в губы, забирая ее стон, когда грубо вошел под корень.

Мокрые волосы, летящие от взмахов ее головы под светом луны. Ее фигура, сочащаяся соками и блестящая, как серебро в ночи. Я брал Оф сзади, шлепая по бедрам и ягодицам, так, что там оставались следы моих рук. Как клеймо, которое будет Демьяну напоминанием.

Слишком много его имени. И слишком мало моего. Оф стонала его имя, извиваясь под моим телом. Она думала о нем, сидя на моем члене. Вспоминала его лицо, не видя и не помня моего. Я больше, чем хотел ее. Я хотел быть ее.

Я кончил на ее грудь, и упал рядом, притянув к себе. Так мы и уснули, — поперек кровати. Мокрые и с запахом секса.

Я проснулся первым. Уже вечерело. Оф сопела, запутавшаяся в сплетениях шелка простыней. Я накрыл ее одеялом, оделся и вышел в гостиную, где растолкал Леви.

— Ты чего тут? — спросил я, открывая окно.

— Морган начала ко мне приставать, и я лег тут, — ответил он. Достал пачку сигарет и подошел ко мне.

— Буйная ночь.

— Да пиздец. У вас че?

— Трахались до утра.

Мы оба замолчали с сигаретами в зубах. Оба опухшие ото сна, с хриплыми голосами и песком в глазах. За окном гуляли важные вороны, и шипел ветер.

— Ты же понимаешь, что это хуйня какая-то? — спросил наконец Цефей.

— Да, не идиот.

— Как раз таки идиот. Ты ебанулся? Тебе делать нечего? Она в итоге убежит к этому Дамьяну, а ты в долбоебах останешься.

Я промолчал.

— Почему ты это делаешь?

— Не знаю.

— А если он узнает о тебе? Как думаешь, сможешь тягаться с этим монстром?

— Смогу. Не думаю, что он так страшен. Просто легенды.

— Не знаю, Троян, не знаю. Ты слышал последние новости?

— Про что?

— Дамьян вырезал пятьдесят человек за один вылаз. Это были фараоны. Мы вчетвером меньше можем, а он был один.

Я затаился. Оставил весть без ответа.

— Оставь это, пока не поздно. Мы все знаем, что в итоге она будет с ним. И если ваша ебля выйдет в свет, то ты труп.

— Я понял.

На том и замолчали.

К нам вышла Морган.

— Пипец! У меня голова раскалывается! — провыла она, шлепая босыми ногами к нам. Обняла нас обеими руками и повесила безвольно лохматую голову. Вдохнула свежего воздуха и спросила: — Снова на работу? Что сказала Эс?

— Не знаю, — ответил я. — Наверное, продолжаем. Я с Оф на стрельбу, вы — как обычно. Леви, можешь пробить еще информации о работе Дамьяна? Он же явно в базу попал. Или за ним подчистили?

— Пробью. А что?

— Хочу знать о всех его передвижениях по городу. Пойдем, на какую работу его посылают обычно. Мы ведь даже не знаем, какую роль он занимает в группе. Кто? Ассасин, авангард, шпион или массовик?

— Да массовик, наверное, — высказала Морган, выудив из моих пальцев сигарету. — Я слышала, что он работает по особым миссиям. Что-то типа уникальной работы от лидера лично. Знаю, что последний раз он устроил резню за городом. В доме капитана полиции. Убиты все, кто приехал на подмогу. Пятьдесят два человека и сын капитана. Зато собаку он оставил.

— Ну, я пробую. Вряд ли найду чего, но примерное направление его работы узнаю, — кивнул Леви. Я благодарно похлопал его по спине.

— Разн, когда возьмешь обучение Оф?

— Через неделю минимум, — ответила Морган. — Я жду, когда она вылечит ногу.

— Она в порядке.

— Нет. Пусть заживает. Переломанная Оф будет трупом. Иди буди ее и едите в штаб. Она должна уметь в любой ситуации выстрелить четко в голову.

Так и сделали. Снова она стреляла по банкам, снова на скорость перезаряжала револьвер, снова пыталась попадать на бегу. Она была отличной ученицей. Мне и не нужным было ее наставлять — ее меткость могла превзойти мою через время, направленное на практику. Я был горд.

Так прошла неделя. Как день сурка. Мы просыпались в ее квартире по разным кроватям, завтракали домашней едой, что она готовила для нас, и ехали в штаб, чтобы после изнуряющих тренировок снова вернуться в ту квартиру. И через день Эс проводила собрание, после которого мы с Оф отчего-то напивались и занимались сексом прямо на полу ее квартиры. В одежде, в грязи, в недельном поту и усталости.

Я бы считал это странным, — наше поведение — но на утро вовсе забывал о тех совокуплениях у порога квартиры. Прямо на коврик у входной двери. Или о том сексе в душе, когда я вбивал ее тело в плитку душевой кабины. Забывал о ее криках и просьбах остановиться. И забывал, как насаживал ее голову себе на член, чтобы она проглотила мою сперму.

А потом мы молча расползались по комнатам спать, будто незнакомцы. Мне было горько, но Оф плевала на все, что между нами происходило. Она продолжала засыпать с мыслью о Дамьяне, продолжала стонать его чертово имя, что злило меня, и я брал ее грубее.

Я старался вгонять в нее член так, чтобы она хоть раз вскрикнула мое имя, но она все молчала. И наш секс стал походить на избиение. На насилие. На животных. Я порвал ее, ведь в один день она пожаловалась о боли и невозможности сходить в туалет. А я плевал на ее чувства, и на следующий день снова изнасиловал, зажав у двери в ее спальню.

Изнасиловал, потому что сошел с ума от злобы и вожделения. Она не прекращала говорить о нем, а я хотел слышать о себе. Я хотел убить Дамьяна.

Она тогда впервые серьезно попросила остановиться, но вместо того я кончил ей в анал. Должно быть, я вошел слишком грубо, ведь она завопила не от удовольствия, и кровь побежала по члену не просто так.

Неделя как туман. Мы оба не помнили и половины, потому по утрам мирно беседовали о погоде и растущих навыках в стрельбе. Но отголоски нашей злобной страсти и крови во влагище и на члене мерцали изредка у обоих из нас. Тогда мы прятали глаза и старались простить друг друга. Мы обнимались, молча прося извинений, а после снова истязали.

Эта неделя тянулась месяцем. Я забыл, какими мы были до. Я будто действительно сошел с ума и потерялся в себе. Офелия чувствовала то же самое. Но оба мы списывали это на алкоголь и симпатию. На наши больные сердца и шрамированную психику, не способную проявлять человеческую жалость и любовь.

Офелия тоже пыталась меня. Она успевала брать доминирующую роль. Ее оргазмы были ярче, когда она резала меня ножом. Ныне мое тело испещрено порезами — царапинами и опасными ранами, которые требовалось зашивать. Она резала мне руки и примыкала к ним губами. Я чувствовал ее язык, раздвигающий раны. Она пила меня, вся в крови и с жадными глазами.

Но все эти извращенные жатвы забылись. Мы оба помнили лишь крупницы.

Оба с травмированной плотью, но в бешеной лихорадке, стирающей наши сущности, наши имена и лица. Это было ненормальным.

— Трой, давай сбежим с собрания? — промурлыкала устало Оф. Она обняла меня посреди боевой площадки. — Я так плохо себя чувствую..

— Да, я тоже. Что-то странное происходит.

— Мы много пьем. Я уже забыла какво быть трезвой.

— Э, голубки, — донесся голос Леви. — Щас собрание будет.

— Леви, иди сюда, — приказал я.

— Чего? Тройничок предлагаете, алкаши?

— Слушай, я в последнее время сам не свой. Ты не чувствуешь ничего такого?

— Например?

— Не знаю. Просто я не я.

— Ну, ты пиздец хуйню творить стал. Да, я заметил. Морган говорит, что ты просто влюблен, а мне кажется, что ты... Не знаю, изменился?

— Леви, я чувствую себя так херово, что валюсь с ног, — прохрипела Оф. Она заметно обмякла в моих руках, и я поднял ее на руки.

— Да ты ваще отжигаешь, малышка, — Леви ласково смахнул с ее лба мокрые волосы. — Дуришь. Не знал, что ты внутри такая сучка активная.

— Это не я. Я знаю, что ты понимаешь это. Перестань валять дурака.

— Ладно, — Цефей вдруг лишился той идиотской улыбки и заговорщически заговорил: — Мутно это все. Походу Ковчег нас травит чем-то. Я знаю, чем вы занимаетесь ночами. Это пиздец.

— Иуда, — прошелестела тихо Оф. — Ты следишь за нами? Зачем? Кому доносишь?

— Да угомонись ты. Я, блять, за вас беспокоюсь. Заходил однажды в гости. Охуеть можно. Вы же ненормальные вещи творите! Я бы даже дрочить на такое не стал.

— Например?

— Оф, ты, блин, жрала Троя. Просто скакала на его хуе и кусала его за шею. Ну-ка, покажи! — Цефей оттянул ворот водолазки на мне, и все мы увидели рану в форме укуса. Я знал о ней, чувствовал, как она горела под одеждой, как пульсировала. — Да тут куска мяса нет. Ебать, Оф, да ты человека сожрать пыталась!

— Я не помню... — Она виновато посмотрела на меня. — Прости.

— Все нормально.

— А ты, уебок, ее всю обкончал. Если залетит? — Леви дал мне затрещину. — Чтобы сегодня купил противозачаточные, понял? Что же вы как дети-то, а! А сейчас валите отсюда!

Я кивнул ему и сорвался прочь. Мы сели в такси и умчались домой. Там я уложил Оф в постель, а сам ушел в душ. Ледяная вода ударила, как мечом. Странно, но мне впервые было больно. Каждый волос на теле взвыл, словно меня ударило током. Я простонал, завалившись на плитку пола.

Хотелось пить. Я был голоден и истощен. Но не понимал, чего хотел. Вода не утоляла жажду, только жгла пищевод. Я заплакал. Болело все тело. Ломало кости, горели мышцы, будто мне содрали кожу и бросили под палящее солнце.

Да, со мной было что-то не так.

Глава 26. Фауст

— Нейтан, я люблю тебя,
сказала Морган.

— Прости, но ничего не выйдет.

— РАДМИЛА—

Я не знаю, куда меня везли. Только каждый визг машины снаружи сверлом ввинчивался мне в уши. Каждая тряска чувствовалась кувалдой, дробящей кости. Я кричала и умоляла помочь. Было больно даже дышать.

Свет, чей-то голос, меня несли на руках, а я помню вой. Мой вой. Тело страдало, и я рыдала на руках кого-то. Так жалобно и противно, что хотелось вырезать себе голосовые связки.

—..эй, ты слышишь меня?

Я что-то промычала.

—..те... б... я... на... чали... ко... ми..

В ушах двоилось и троилось, гудел белый шум, становящийся столь громким, что мне казалось, что бежала кровь по мочкам. Я была глухой, но всё внутри истязало слух. Биение сердца взрывало барабанные перепонки. Стреляло.

Я не знаю, сколько времени прошло. Но оно тянулось слишком медленно. Я умоляла кого-то, кто говорил со мной, убить меня. Тяжела была эта ноша. Я не хотела бороться с болью, чтобы после снова жить. Оно того не стоило. Я плакала тому человеку, даже не понимая, кто он, чтобы наконец меня зарезали.

Я не могла открыть глаза и взглянуть на мир. Их жгло даже закрытыми. Я хотела пить. Я хотела чего-то, но не знала чего. Что-то требовало мое тело.

— Эй, Офелия, ты слышишь меня? — мужской незнакомый голос.

Я смогла открыть глаза. Его лицо плыло, но я смогла разглядеть голубые глаза.

Я кивнула.

— Меня зовут Нейт. Ты могла уже слышать обо мне. Фауст, «Вампир», «Дракула». Я бывший член Антихристов.

—..ты же мертв, — просипела я.

— Не совсем. Слушай, тебя знатно накачали наркотой. Что-то мощное, пока сам не понимаю, чем конкретно. Я буду держать тебя здесь, пока ломка не пройдет. Терпи. Неделя прошла, может, еще через одну ты придешь в себя.

И на том я снова осталась наедине с той болью. Это и есть наркотическая ломка? Я готова была умереть, чтобы не чувствовать более ничего.

Когда прошли дни, и я стала приходить в себя, то Нейт стал говорить со мной чаще. Он был высоким и подтянутым, со шрамом вдоль глаза и брови. Он походил на сатаниста той символикой на одежде, и имел необычно длинные клыки. Мантия-балахон, как у члена Ку-Клукс-Клана, цепь с головой козла и серьги с крестами. Он был так непохож на остальных. Вампир во плоти, совершающий темные таинства во имя Дьявола на кладбищах.

Но он был добр ко мне. Не сосчитать, сколько раз он держал меня за руку, пока я рыдала от боли, сколько раз он менял повязку на лбу. Я не видела в нем врага.

Я просидела три недели в его странном жилище отшельника. Это была хибара лесника

за городом, где пахло стариком и прахом. На стенах висели чучела из волков и лис, а главным трофеем возвышалось ружье. Дом времен восемнадцатого века, где жили многие деды, ходившие на зверя.

Нейт принес мне суп и сел на табурет.

— Ну, я в норме. Рассказывай, — попросила я.

— Инсценировка. Кто-то был предатель. Мы шли на задание. Я, Немезида, Морган, Кирк и Цефей. Там никого не должно было быть по сведениям, но в итоге все сбежали, а я остался с целой армией ковчеговцев наедине. Я пытался вызнать, кто именно дал указание уходить, оставив меня одного, но это не так легко. А теперь есть ты, и тебя тоже хотят убить.

— С чего ты вообще взял, что тебя пытались убить? Просто вы попали в западню.

— Странно, что попал в нее только я один. И меня как раз направили именно туда, где я и погиб бы. Но самое главное то, что я слышал, что они сказали. «Как и обещали Антихристы. Отлично справились».

— То есть тебя отдали в руки Ковчегу?

— Да. У них был какой-то уговор, и меня должны были убить. Но я просто подорвал из всех, а сам сбежал.

— Не могу поверить..

— Я тоже не верил. Но меня тоже пичкали наркотой, чтобы я не был в силах вынюхивать. Я начал сомневаться во всей группе, следить за ними, но в итоге кто-то стал травить меня амфетамином. А последняя миссия должна была меня убрать. А теперь и ты на моем месте. Что задумала?

— Сбежать из группы.

— Ясно. Но они тебя живой не выпустят. Раз пошла наркота, то скоро тебя вовсе пришьют.

— Нейт... Я... Мне нужно просто сбежать. Ты знаешь про Дамьяна?

— Слышал. У них сейчас идет война из-за этого типа. А тебя убьют, как только извлекут выгоду.

— И что мне делать?

— Быстрее ловить Дамьяна и валить отсюда.

— Но это почти невозможно! К Яну не дают подступиться.

— Антихристы и не дают. Это вполне реально. Тебя загоняют в рамки и держат в узде. Ты просто не видишь. Я с этим Дамьяном дважды пересекался на улице. Так что устроить вам встречу реально. Никто его так не охраняет, как тебе кажется.

— Как? Помоги мне!

— Надо понять, кто предатель. И убить. Тогда можно будет не бояться уходить. Все решится, когда чертов ублюдок сдохнет! Если это Цефей... То я отрежу ему хер, твою мать!

— Вы же были друзья?

— Братья. Не по крови, но факт остается фактом. Я лично убью его, если окажется, что Иуда он.

— И какой план?

— Ты вернешься в группу и скажешь, что тебя поймал Ковчег. Скажешь, что сбежала. А там следи за ними изнутри.

— Это нереально. Я не смогу следить за каждым.

— Стрелок сразу минус. Он тоже под наркотой, значит, чистый. Леви, Эсфирь и Морган. Смотри за ними.

— У тебя есть хоть какие-то зацепки?

— Может, Морган. Она хорошо разбирается в медикаментах. И часто сама возит еду в группу, прикрываясь заботой. Могла подмешать что-то в еду.

— Зачем ей это?

— Я бы обрадовался, если бы знал мотив. Тогда было бы сразу ясно, кто. Может, двойной агент? Работает на других?

— Звучит так фантастически, — вздохнула я. — Все скучают по тебе. Морган до сих пор плачет.

Натаниэль поджал губы и отвернулся. Ножичком ковырнул край стола и снова взглянул на меня.

— Ты бы знала, как я хочу вернуться к ним. Это моя семья. Но я не могу, пока не узнаю, кто из них решил меня убрать.

— А после чего ты начал подозревать их в измене?

— Денег приходило стало вдвое меньше, мы стали ругаться между собой. Как будто этот урод специально нас провоцировал. Да и чувствовал, что что-то не то творится.

— Морган последний раз говорила, что общалась с Кузнецом. Они могли сговориться?

— Все возможно. Не хочу ее подозревать, но не имею на это права. Я ведь люблю ее.

— А мне сказали, что ты любил какую-то студентку меда..

— Нет, я наврал дебилу Цефею, чтобы он не подкалывал меня перед ней. А этот олух протрепал всей группе об этом. Но и саму Раэну я динамил, потому что она хотела серьезных отношений, а я хотел только спать с ней. Нет, я любил, но не настолько, чтобы жениться и так далее. А она хотела именно того от своего мужчины. Поэтому дальше поцелуев и неловких взглядов не дошло. Но сейчас... — Нейт сжал кулаки, — боже, я так хочу вернуться..

Я стесненно обняла его. Странно, что ныне я была так тактильна к чужакам. Но мне было жаль его — одинокого и забытого, мертвого для близких.

— Давай вместе уберём этого уroda и будем счастливы? — прошептала я.

— Я готов. Спасибо тебе.

Я должна была покинуть Натаниэля в ту же ночь, но он остановил меня.

— Я наблюдал иногда за тобой. И за вашими тренировками. Ты ведь хотела научиться самообороне?

Нейт достал из-под кровати катану.

— Забавно. Все люди держат под кроватями катаны и гранаты?

И я задержалась ещё на неделю. В том густом лесу, где гнила хибара Нейта, мы и упражнялись. Это было настоящее японское кэндо, — фехтование катаной. Я чувствовала себя истинным самураем, парируя его атаки, уклоняясь и коля в бока.

Мы упражнялись до измождения и падали на мох, спали по два часа и снова дрались, царапаясь и падая снова на тот же мох. Мои ноги выли, и я переставала их чувствовать, руки обессиленно роняли оружие, а я без сознания валилась на колени, чтобы не менее уставший Фауст унёс меня обратно в дом.

Мы ели овощи и мылись в тазу с ледяной водой, и иногда я засыпала прямо в нем, совершенно уставшая и слабая. Крепатура мучила меня во снах, и Нейту часто приходилось ложиться вместе со мной, чтобы вовремя разбудить и помочь перенести судороги в икрах. Ночи в той старческой обители пронизывали и без того замёрзшие тела колючим морозом. Я

верила, что именно такие холода закоренели в Сибири, и люди там стали настоящими льдинами.

— «И только с медведями и спали, чтобы согреться», — смеялась я, падая на постель после тренировки.

Я рыдала, просыпаясь посреди ночи, и Фауст зачем-то дул мне на голени, когда мышцы внутри скрипели в спазмах. Я стёрла эмаль на зубах, и клыки стали более острыми, — прямо как у моего наставника. Я дважды прокусывала ими насквозь язык. А перед сном мы мечтали.

—..а я бы забрал Морган и улетел куда-то, где всегда тепло и солнечно, — делился Нейт.

— Дамьян тоже хочет. Только к морю, и чтобы не было людей. Он бы тебе понравился. Он тоже кровь любит. Только я не знаю, пьёт ли ее. Зачем ты это делаешь? — я перевернулась на живот и посмотрела на него.

— Она вкусная.

— Да ты шутишь! — я улыбнулась, ткнув его локтем.

— Правду говорю! Я ее сливал в бутылку и даже иногда жарил с мясом. Но самая вкусная — свежая, ещё горячая.

— Ты «Сумерки» перечитал в юности?

— Нет, — рассмеялся он, — просто однажды в детстве брат выбил мне все молочные зубы, и я напился крови ненароком. Вот и вошёл во вкус.

— То есть ты прямо, как вампир... э... берёшь и кусаешь человека в шею?

— Не-ет, клыки в фильмах и в реальности отличаются. В деле ты ими только с большим старанием проткнешь кожу, а до артерии и вовсе не доберёшься. Там только ножом если перерезать и куда-то сливать. Но можно и просто ртом присосаться. Но, опять таки, всю не выпьешь, даже если сильно постараться. Литр максимум, потом блевать начинаешь от перенасыщения.

— Это так дико... — поразила я. — Настоящий кровопийца.

— Не хватает фрака и светобоязни.

— А не мерзко?

— Мне нет. Только ВИЧ подхватить можно, потому я аккуратно к этому подхожу.

— Что, просишь сдать анализы?

Мы рассмеялись. Странно, что я стала такой открытой за тот месяц. В зеркале на меня смотрела не я: какая-то свежая и окрылённая девушка с блестящими глазами. Я считала, что это результат приёма наркотиков — отголоски искусственной эйфории и экстаза.

— Нет, молюсь богу, чтобы не заразиться.

— Умно. На то ты и Фауст — мозг Антихристов.

— Я просто стратег и великолепный человек. Я бы сказал даже, что сверхчеловек.

— А робости тебе не занимать.

А на рассвете, под утреннюю изморозь и леденящую свежесть хвои, мы снова брали старые катаны и шли крутить пируэты. Мокрая трава и слизи под ней настойчиво мешали нам работать — мы падали и сдирали об торчащие корни ладони. Я также заработала хороший шрам на бедре — веер моего же выпада на противника рассек плоть под самые мышцы. Мы с Фаустом долго копошились со швами и моими истериками, когда он заливал рану водкой и протыкал иглой.

На шестой день я потеряла сознание прямо посреди битвы, упав навзничь в траву.

Помню, как перед тем я хрипела, еле хватаясь за воздух дрожащими губами, как облик Фауста плыл перед глазами, и как моя голова будто сдетонировала с глухим шипением в ушах. И темнота. Всю ночь тело знобило, и уставшие кости хрустели даже от вздохов.

— Прости, это очень экстремальное обучение, — он подул мне на лицо.

— Все нормально, я готова заниматься ещё.

— Куда тебе? Отлежись день.

— Нельзя. — Я поднялась на локтях, собираясь вернуться к катане. — Мне нужно быть готовой.

— К чему?

— Чтобы другие не страдали, когда придут убивать меня. Трой чуть не погиб дважды. Чтобы я могла предотвратить смерть Яна, когда за ним будут охотиться и Ковчег, и Антихристы. Хочу быть достаточно сильной, чтобы убить всех к чертовой матери! И, наконец, чтобы убить того, кто пытается убить меня!

— Как много «убить», — заметил он.

Я замерла.

Не знаю, зачем, но взглянула на себя в зеркале.

И не сдержалась.

— Офелия? — Натаниэль дернулся, когда я схватилась за лицо и расплакалась. Он взял меня за плечи и настойчиво тряхнул.

— Нейтан, я не должна была стать такой! — закричала я сквозь ладони. — Я верила, что смогу остаться человеком в этой истории! Но я сама становлюсь отродьем! Я становлюсь тем, кого должна была лечить в психушках, кого осуждала и кем быть даже не представляла! Я считала, что меня это не затронет, что я просто заберу Яна, и мы уедем далеко прочь от всего этого! Что мы купим дом у моря и будем счастливы! Но... я ведь не смогу выбраться из этого? Да? Я либо умру, либо навсегда останусь здесь? Среди убийств, смерти, опасности и других монстров?..

Он грустно обнял меня. Дал ответ молчанием. И молчание всегда громче криков.

Я уронила голову.

— Я никогда не хотела такого. Просто прогнала того, кого уже тогда любила. Просто истерика из-за своей женской глупости и нехватки внимания... из-за нехватки подтверждения своей важности. Так глупо, что я была обижена ни на что. Просто злилась, что он вёл себя иначе, чем я хотела. Я кричала на него, хотела, наверное, чтобы он меня успокоил, чтобы понял, что я злилась от недостатка его тепла. Что полюбила его, но он был холоден ко мне! Я не знаю, просто я сорвалась, сама не понимая, из-за чего!

— А что было?

— Он протянул мне деньги. Мы перед тем как раз планировали накопить на его самую большую мечту: дом у моря и собаку.

— Так хорошо же, что он принёс деньги.

— Он убил за них.

— Да насрать, Оф, — Нейтан легко погладил меня по спине. — Мы все убийцы и монстры, Дамьян в том числе. Странно, что ты, зная его природу, так обозлилась на кровавые деньги. Ты ведь изначально приняла его убийцей? Он стремился сделать вас счастливыми. Ведь дом и собака и твоя мечта тоже? Ты приняла ее за свою.

Я заплакала сильнее от отчаяния. От невозможности вернуть время.

— Это было последней каплей... — ответила я. — Я просила его не делать этого, но он

наплевал на мои слова. Я не сдержалась.

— Ты пыталась перекроить его естество под себя.

— Я пыталась вылепить из него здорового человека!

— Никогда не делай этого! Ты должна либо принять, либо уйти. Третьего не дано ни для кого. Человек — личность, а не пластилин, понимаешь? Ты должна помнить об этом всю свою жизнь. Если ты неготова была принять Дамьяна убийцей, то должна была отказаться с самого начала. Ты знала, кто он. Странно теперь удивляться.

Дамьян сказал мне те же слова, но я не придавала им значения, считая себя правой. Я помню его уносящийся запах, когда он проходил мимо меня. Его глаза — впервые печальные и плачущие. Я наконец смогла вспомнить, как выглядели его желтые глаза.

Последние дни я билась изо всех оставшихся сил в мышцах, до жжения в ладонях и дрожи ног. Оба раза я натирала стопы в кровь и падала лицом на землю, сдирая кожу и разбивая губы. Но я все равно вставала и рвалась вперед.

А в нашу последнюю битву я не сумела добежать. Сознание покинуло меня раньше, и Фаусту пришлось ловить мое летящее тело, бьющееся в судорогах навстречу.

И правда, слишком сильные нагрузки. Я и забыла, что значит слово «отдых».

Не помнила, как не кричать от конвульсий и не просить убить себя от той боли.

Но я успешно прошла испытание.

Мне не доставало скорости и опыта, но основные приемы пользования холодного оружия я усвоила.

И ушла от нового товарища со слабой, но способностью защититься.

— Оф, ты где? — спросил Нейт по телефону.

— Иду домой. Уже у двери. — Я открыла дверь и вошла в квартиру. Тишина. — И что, ищешь?

— Да, в вазах и среди одежды.

Мы сговорились о поиске жучка в моей квартире, и теперь Нейт объяснял мне, как он выглядел.

— Но не вздумай его выбрасывать или ломать. Просто перенеси в самый отдаленный угол, будто просто переместила вещь, где он спрятан. Если это книга или игрушка, то будет выглядеть так, что ты просто решила ее убрать. Выброси всю еду, которая там лежит. Ешь только в заведениях, пей из-под крана и только воду. Наркотики будет легко почувствовать в воде, но трудно в чае, кофе и газировках. И продолжай делать вид, что ты под кайфом. Иначе он просечет, что ты знаешь о нем, и тебя убьют. Давай, если что, то сразу звони и кидай маячки, а я тебя заберу.

— Хорошо, до связи, — кивнула я.

И рухнула на софу в гостиной. Я была измотана и опустошена, что сил встать более не нашла и просто отключилась.

Глава 27. Кокаин

— Не пей больше.

— Верни бутылку!

Глава двадцать седьмая.

Я беспробудно проспала двое суток. Никто не приходил, так и не узнав, что я жива. Но тот, кто следил за мной, явно слышал хлопок двери и знал о моем появлении. Если теории Нейтана о подслушке были верны.

Я искала ее весь день, переворачивая квартиру вверх дном, осматривая каждую книгу или журнал, кружку или тарелку. И нашла на одной из картин, прилепленную позади на двусторонний скотч.

Я сняла все картины и повесила их на самую дальнюю стену, где сложным было бы услышать мои разговоры. А затем приняла холодный душ, ставший привычкой за время пребывания у Нейта. Я полюбила холодную воду.

Те деньги, что мне когда-то давал Леви, все ещё хранились в пустой полке комода, и я, быстро натянув одежду месячной несвежести, покинула «родной дом». Я никогда не любила шататься по бутикам с пестрящей там одеждой — тот блеск раздражал глаза, и мне скорее хотелось вернуться в мрак своего жилища, чтобы прирасти к дивану и продолжить процесс гниения у ящика с новостями. Но не в этот раз.

У меня появилось второе дыхание. Я будто ожила, несколько раз испытал психологическую смерть. И ныне искренне хотелось быть красивой в свете магазинных зеркал.

— «Денег хватит на все, но тратить их бездумно я не буду», — планировала я, проходя мимо ослепляющих витрин элитных бутиков. Но сердце зазывало войти в самый роскошный, и я вошла в «Диор».

Шелк лучился бриллиантами, стелились по мрамору полы платьев, легкие, как воздух. Слишком много женственности, изобилие грации и чуткости силуэтов. Я не подходила для этих одеяний. Мое тело было проявлением чистого уродства, и оно никаким образом бы не гармонировало с той роскошью. В зеркалах мое лицо выглядело серым и уставшим, тяжело обтянутым кожей. Как нелепая попытка дилетанта создать красивую фарфоровую куклу, но в результате — экспонат из цирка уродов.

— Девушка, добро пожаловать в «Диор», — поприветствовала консультант с доброй улыбкой.

— Добрый вечер. Я хочу спрятать себя в чем-то красивом, — и я показала возможность платить, достав наличность, стянутую резинкой.

Консультант Сара улыбнулась мне ещё шире.

— Поняла, прошу, — она широким жестом пригласила меня к отделу с новой осенней коллекцией. — Через два дня начинается март, потому предлагаю вам взглянуть на «Haute couture».

И вышла я на улицу в чёрном классическом платье с полупрозрачным верхом, в кожаных берцах и в алом пальто. Роскошь по цене машины.

Я села в такси и быстро умчалась в штаб. Долго топталась на месте, не решаясь ступить за дверь, за которой слышалась музыка и визг Морган. Но я так хотела увидеть их лица..

Я вошла в темноту и тихо прошла к диванам, где стянула с себя пальто и пригляделась к

ситуации: Троя не было, на что сердце пропустило удар, Левипил виски из бутылки, пока Морган танцевала рядом и тянула косяк с травкой. Немезиды тоже не оказалось. Атмосфера, как было с нами месяц назад — дурман спирта и наркотиков. Порывы заниматься сексом и целоваться у всех на виду. Я все ещё слабо помнила руки Раэны под своей кофтой. И ее язык, скользящий по шее.

Я подошла к авто Леви и хотела выключить музыку, как услышала басистый смех Троя и вскрик Немезиды:

—..Трой, ты уже месяц пьёшь! — негодовала та. Я нырнула в машину и замерла. Не знаю, почему, но я хотела, чтобы меня не видели.

— И что? — смеялся Трой. Он явно был пьян. Слишком пьян. — Забываюсь! Оф пропала, что ещё я должен делать?

— Но не мертва!

— Ты правда веришь в это? Тогда найди мне ее! — Трой прошёл мимо открытой двери, а я сильно дернулась, испугавшись обнаружения. — Ее выкрали из ебучей квартиры месяц назад, сечёшь? — Я видела как он, покачиваясь, глотнул чистой водки. Хотела разглядеть его лицо, но тень была мне врагом той ночью воссоединения.

— Прекрати пить, сейчас же! — Эсфирь выдернула бутылку из его рук и бросила ее в сторону. Та разбилась, привлекая всеобщее внимание. Леви дистанционно заглушил машину. — Какого черта вы творите?!

— Эс, детка, да ты успокойся, — мурлыкнул Цефей.

— Что с вами происходит?!

— Не ори, а, — отмахнулся Трой.

Эсфирь ударила его щеке.

— Значит так, бестолочи! — Немезида выдернула из рук Морган косяк и кинула себе под туфлю. — Вам велено было искать Офелию, а не бухать каждый божий день! Леви, мальчик мой, сколько зацепок ты нашёл за сраный месяц? Нисколько? Ну ничего, бывает! — Она разбила ещё одну бутылку. — А ты, Морган, нашла ее? Что-что? Тоже нет? — Снова битое стекло полетело по полу. — Трой! Ты что, начал нюхать? Или колешься?! Что ты, блять, делаешь?!

— Иди нахуй, — Трой оттолкнул от себя Эсфирь и направился к выходу. — Ты своим ором ничего не вернёшь.

— Это вы должны были ее вернуть, а не бухать! Я тоже ищу, тоже переживаю, а вы просто сидите здесь и ни черта не пытаетесь сделать!

— А что делать-то?! — взорвался Трой, схватив лидера за ворот плаща. — Ты что, блять, тупая? Как думаешь, если бы тебя поймали ебучие ковчеговцы, то стали бы мирно ухаживать, поить с ложечки и облизывать тебе пизду, когда ты хочешь ебаться? Нет! Они тебя расчленият, сука, выебут и сожгут потроха в бочке!

— Убери руки, — прошипела Эс.

— Или ты думаешь, что она решила выйти прогуляться и успешно сбежала? Эта обычная девчонка, которая даже нож не умеет держать? Сбежала, не оставив ни единой улики?! Дамьян ее злоебучий все ещё тут, значит, и она, блять, тут! Труп ее тут! — Трой оттолкнул Эсфирь и ушёл.

— Чтобы завтра все вышли на задание! — рявкнула лидер. — Иначе я лично всем пулю в башку пушу! — Она подошла к ребятам и открыла холодильник, из которого достала три бутылки коньяка. — Вы что, с ума сошли?!

И разгорелась ссора. Леви рычал о том, чтобы алкоголь вернули в холодильник, Морган вопила о растоптанном косяке, а я тенью скользнула прочь из штаба. Чувствовалась бездна между группой. Неуважение, злость и предательство. Я хотела плакать от той тоски по прошлым взаимоотношениям, рыдать от бывшего трепета друг другу, когда сейчас все друг друга ненавидели и брызгали ядом. Штаб все ещё навевал уют наших встреч, но был отныне могилой воспоминаний.

Я бежала за Троем; ветки хлестали по лицу, и сочилась кровь.

Мне нельзя было кричать, оттого я бежала быстрее, так, что становилось больно. Будто Ян резал мне ахилловы сухожилия. Трой злобно сел на незнакомый мне байк, проигнорировав шлем, и схватился за руль.

Я успела, выпрыгнув перед байком; Трой почти сбил меня.

— Трой... — дышала тяжело я. — Нам срочно нужно ехать отсюда!

— Оф? — он слез с байка и направился ко мне, неверяще протягивая к моему лицу руки. Трой походил на мёртвого: его лицо посерело, под глазами выступили чёрные пятна, по челюсти поросла колючая темная щетина и сам он заметно уменьшился. Трой все ещё был под наркотиками. Об этом говорили тремор его рук, бегающий мутный взгляд, сухие губы и нервный тик. — Оф... — Он обнял меня.

— Я тоже скучала, — я обняла его так крепко, как могла. Он остался один с тем состоянием, наедине с зависимостью и болью ломки. Я снова заплакала. Мне было так горько за его муки, так больно за то, что все это время он страдал от проделок «товарища», который ежедневно созерцал это насилие и молчал. Смеялся вместе с ним, говорил о моей смерти, лживо поддерживал. — Господи, Трой, мне так больно за тебя!

— Оф, где ты была? — он заглянул мне в глаза, явно не веря в то, что видел. Его же глаза были красными от лопнувших капилляров, уставшие и навечно погибшие в войне с наркотиком. — Не плачь, я тебя вытащу из этой западни, слышишь? Все будет, как раньше! Я убью их всех!

И я зарыдала ещё сильнее, прикусив губу, чтобы не закричать. Внутри все пылало, и я готова была взорваться от бессилия перед виной и безысходностью. Я обняла ладонями его вымученное лицо, погладив большими пальцами впалые щеки. Он был так непохож на того Троя, что я помнила: слишком исхудавший и ссутулившийся, давно небритый и в грязной хипстерской одежде. Тот Трой был воином из сказов, с осанкой короля и рыцаря, имевший ледяное величие в повадках.

— Оф, я тебя защищу! Это Ковчег, да? Где они тебя держали? — все не унимался он.

Я молча поцеловала его в обе щеки, в лоб, в губы. Везде, куда дотянулась. Он все пытался остановить меня и расспросить о похитителе, рвался куда-то, выхватывая револьвер, но в итоге размяк под моими рыданиями и объятиями. Он был холодный, но сердце билось под рёбрами неестественно быстро.

— Трой, сейчас же едем отсюда! — я снова взяла его за лицо. — Тебя надо спасти, ты слышишь?

— Я в порядке.

— Нет, не в порядке. Ты умираешь, слышишь! Прошу тебя, умоляю, Трой! Тебя нужно вылечить от этого состояния!

— Да нормально все, — он отстранился от меня, бросив хмурый взгляд. Холод. Он не тот Трой.

— Сейчас же! — злобно рывкнула я. — Садись за ебаный руль, Трой.

Странно, но он послушал меня. Сел, помог забраться мне и дал газу. Я набрала номер Нейтана:

— Все в порядке, Оф? — спросил он.

— Нет, Троя все это время качали тем же, что и меня. Его надо доставать! — кричала я, перебивая ветер.

— И что ты предлагаешь?

— В хостеле «Рандеву» через полчаса.

— Понял, еду.

Я бросила трубку и обратилась к Трою:

— Трой! «Рандеву» знаешь?

— Бывал. Туда?

— Ага!

Я обвила руками его торс и крепко прижалась. Слезы сами бежали, уносимые скоростью.

Трой уснул, пока я снимала с него всю грязную одежду. Отнесла, озираясь по сторонам, в прачечную, и направилась обратно. У двери я замерла, прислушиваясь к шуму в коридоре. Достала ключ и провернула трижды, как вдруг меня дернули и прижали к стене напротив.

Мужчина был в чёрной балаклаве, я не узнала в нем товарища, потому схватилась за нож под платьем и наставила незаметно у его пупка.

— Да я это, — Фауст стянул с себя маску и щелкнул меня по кончику носа. Я недовольно толкнула его в бок и открыла дверь. — За тобой нет хвоста, Оф?

— Нет. Некому следить. Остальные в штабе на скотобойне отношения выясняют.

— Ясно. — Нейт прошёл в дешёвую комнату и наклонился над Троем. Открыл глаз, что-то проверяя. Вдруг Трой открыл второй и сказал тихо:

— Я так и знал, что вы мертвы. А я так хотел найти Оф живой... — он проронил слезу. — Нейтан, прости, что мы не спасли тебя тогда.

— Трой, где ты питаешься?

—..мне так жаль, что ты погиб... Брат, ты ведь не должен был! Прости..

— Трой, черт возьми! — Фауст хорошо потрянул друга. — Где ты берёшь еду и питье? Может, Морган тебе колет что-то?

— Нейтан, а Офелия? Ее тоже убили?

— Ясно, — покачал головой Фауст, отпустив Троя. — Оф, он бредит. Его на терапию ко мне в убежище надо, иначе умрет. Либо героин, либо амфетамин, либо метадон. Что ты чувствовала, когда тебя впервые накачали? — Нейт сел рядом с плачущим товарищем и похлопал того успокаивающе по бедру.

— Не помню почти ничего. — Я села рядом с ними и взяла Троя за руку. — Только кусками. Ну... Я помню, что это произошло в штабе после собрания. Мне вдруг стало так все равно на происходящее, так легко и приятно, что я легла и запела идиотскую песню Рианны. Потом мы много пили, э... целовались с Морган, танцевали и катались по городу. А там и... несколько часов секса. С Троем.

— Потом?

— Потом?.. Неделя тренировок в штабе и все, туман. Единственное, мы все никак не могли натрахаться с Троем. Просто крышу срывало. — Я показала шрам от своего укуса на шее Троя. — Мы занимались сексом, как животные. Ну, если это важно, конечно.

— Не уверен, но это, наверное, мефедрон. Они обычно трахаются и трахаются, даже пидорасят под кайфом.

— Как парень с парнем?

— Как хер в мужское очко, да. Ладно, — он встал, — лечить будем.

— И как ты себе это представляешь?

— Пусть думают, что их любимого Стрелка тоже пришили.

— Но я была в квартире.

— Значит, обставим все так, будто приходила не ты.

— А кто тогда?

— Ковчег. Я подорву квартиру.

— Отлично! — я всплеснула руками. — А где мне жить?

— Не гунди, это все равно не твоя квартира.

— Я хотела ее продать, чтобы потом купить для нас с Яном дом!

— Не парься, ты ещё словишь куш. Давай, — он потянул на себя Троя, — помоги мне его поднять.

Мы загрузили спящего Троя во внедорожник Фауста и умчались за город, где тяжело пробрались сквозь чащу, перебив следы колес ветками с грязью. Во все той же хибаре мы поместили Троя в погреб, где мне пришлось заранее наводить порядок: мыть пол, чистить пустые стеллажи от пыли и пустых банок от консервов, соорудать из шуб, шинелей и матраса подобие постели.

Напоследок Нейтан поставил пятилитровую флягу с чистой речной водой, рядом — кружку, пачку сигарет и книгу Конан Дойла. И люк в погреб был заперт на замок. Мы отряхнули одежду и выдохнули.

— Не слишком жестоко? — спросила я.

— Он будет рвать и метать, когда проснётся. Под ломкой не пожалеет и тебя вырубит, и меня, а потом свалит за дозой.

— Он даже не знает, что он торчок.

— Да, будет трудно объяснить, что с ним творится.

— Почему ты забрал только меня? И как ты это сделал вообще?

— Двоих незаметно выкрасть нереально. Пришлось его оставить, а тебя тащить через кусты и деревья. Но я видел его состояние, когда думал, как вас вытаскивать. Его ломало в душевой, он кричал из-за того, что его обливала вода. Скрючился весь, стонал. Я его на диван уложил и пледом накрыл, а тебя тихо вывез.

— Тебе нужно было забрать и его.

— Я хотел, но на следующий день он был уже в штабе. На веселе, несмотря на то, что тебя выкрали.

— Ясно. Спасибо, что вытащил меня. Иначе мы бы оба померли среди «друзей».

— Они друзья. За исключением шавки.

Мы кивнули и разошлись по кроватям. Не думала, что вернусь в это место так скоро.

— Нейтан? — спросила я, уже засыпая. В полусне мне послышались голоса Эсфирь, Леви и Морган. Их шаги у моего окна. Угрозы убить нас всех.

— А?

— Мне тревожно.

— Не парься, справимся.

— Нет, я боюсь засыпать.

— Снова? — он встал, заскрипев кроватью. — А чего сразу не позвала? Уже проходили же.

— Стыдно.

Нейт лёг рядом и залез под тяжелое одеяло.

— Я так хочу спокойствия... — просипела я.

— Жопу порвём, но добьёмся.

— Ты говоришь, как Леви.

— Это он говорит, как я.

— Ты правда его убьешь, если он окажется предателем?

— Да. Меня пытались убить, помнишь?

— Мне жаль.

— Мне тоже.

— А если Трой начнёт кричать, то можно мне к нему спуститься?

— Нет. Он будет не в себе. Может и придушить. Поверь, я знаю, о чем говорю. Я в одиночку лечился от амфетамина тут. И знаю, что готов был убить даже мать за спасение.

— Хорошо, я поняла. Это настоящий подвиг, Нейт, ты молодец, — я обняла его. — Спасибо тебе большое.

— Да не за что, мышка, — он обнял меня в ответ.

— «Мышка»?

— Ты маленькая и скромная, даже робкая, как малюсенькая мышка.

— Очень мило, — закатила глаза я. — Пёс.

— «Пёс»?

— Ты такой большой и сильный, как мастиф.

Мы тихо рассмеялись.

А потом лошадьми заржали, прикрывая рты одеялом и стараясь не будить Троя под нами. Не знаю, что на нас нашло, но смех все не прекращался. Мы начинали хрипеть и свистеть, как закипающие чайники, оттого нас прорывало ещё сильнее.

— А... а помнишь, как ты поскользнулся и сел в лужу после дождя? — еле сдерживая себя, чтобы договорить, вспомнила я.

Он затажно просвистел, весь сжавшись в тугую струну. Меня тоже раззадорило, что я взвизгнула и поспешила заткнуть рот углом одеяла.

— З-зато ты, — вдохнув смешливо, начал Нейтан, — перепутала в первые дни толчок и навалила в ведро для картошки!

Мне было неловко до сих пор, но я тоже не сдержалась и почти закричала от смеха в мартас.

— Т-ты бы хоть фонариком посветила, балда! Да и если бы это было ведро для говна, то несло бы говном, а не картошкой!

Я в порыве смеха ударила его в плечо, а он ткнул пальцем меня в ребро. Я схватила подушку из под его головы и, сев сверху, попыталась задушить от кошмарного стыда. Мы все еще смеялись. Как дети.

— Не напоминай, — попросила я стеснённо, когда он отбросил подушку на пол.

— Да ладно, я же не видел ничего. Ты с этим ведром бегала так, что я даже не понял, что за дела. Только потом допер, и то из-за туалетки, которая рядом стояла.

— Тебе надо было с самого начала сказать, что туалет дальше за деревьями.

— Ну все, проехали, ложись давай, надо со свежими мозгами встать завтра и думать, что делать. — Он подхватил меня за рёбра и уложил рядом, закинув сверху руку. — Спи, мышка.

— Как тупо.

— Можешь звать меня псом в таком случае.

— Архитупо.

Глава 28. Иуда

— Что происходит?

Глава двадцать восьмая.

— Боже, Офелия! — заверещала Морган, когда я вошла в штаб. — Ребята, она жива! — Столь крепких объятий от миниатюрной девушки я не ожидала. Подбитые рёбра заныли, и я простонала. — Оф, что с тобой случилось? Ты вся избитая!

— Ковчег прижал, — ответила я, проходя в штаб, где на меня остервенело накинулся Цефей. За ним — удивленная Эсфирь.

— Малышка, мы уж думали, что тебя похоронили! — обнял меня Леви, закрутив в пируэт. Я поцеловала его в щеку.

— Оф, ты... — начала обрывисто Немезида. — Ты должна объяснить, где ты была. — Она оглядела мое покорёженное тело и вернулась в кресло, где сидела до моего возвращения.

— Меня выкрал Ковчег, — сказала я. — Месяц насилия и пыток. Я была для них живой секс-игрушкой.

— А как ты сбежала? — удивилась Раэна.

— Я убила охранников и сбежала по кустам.

И на том я пустилась в душераздирающий рассказ о небывалых пытках, о побоях и оргиях, что со мной устраивал Ковчег. Как я желала смерти, как молила о помощи и уверовала в бога, пока меня брали сзади. Леви и Раэна часто норовились обнять меня, утешить те искусственные слёзы, что я роняла для убедительности. Цефей грозился убить всех, а Морган под конец вовсе принялась обрабатывать мои раны.

— Понятно, — задумчиво кивнула она. — Ладно, ты вернулась. Мы рады. Леви, что с Троем? Ты дозвонился?

— Не-а, надо до него ехать.

— А что с Троем? — нахмурилась я.

— Не можем дозвониться битый час, — ответила Морган. — Мы вчера чуть-чуть поругались, и он уехал куда-то.

— Он уже делал так?

— Нет. Но Трой... немного не в себе. Как бы сказать... С ума сходит. В прямом смысле.

— Это как?

— Он запил.

— Запил? — я недовольно обвела всех взглядом. — Как «запил» может объяснять «сходит с ума» всего за месяц? Он что, бензин пьёт?

— Есть подозрения, что он начал нюхать, — виновато пролепетала Морган. — Или колоться.

Я проницательно обвела всех взглядом. Наткнулась на хищные глаза Немезиды. Несколько мгновений мы угнетающе смотрели друг на друга. Ее лицо мне не понравилось.

— Ты проверяла? — вернулась я к Морган.

— Он не давал даже подходить к нему, про осмотр молчу.

— Когда это началось?

— Офелия, мне кажется, ты забываешь свое место, — важно вклинилась Эсфирь. Ее подбитым эго разило ясно и четко.

— Надо же кому-то брать ответственность за проблему, — ответила я, отвращенно зыркнув.

— Это не твоя обязанность.

— Если твоя, то какого черта твой подчиненный неизвестно где? Какого хера мне пришлось выбираться из пекла самой? Почему Трой в состоянии «сходит с ума, в прямом смысле»?

Лидер прикусила язык.

— Морган, что он принимал?

— Что-то тяжелое. Похоже на многие из наркотиков, так и не скажешь.

— Есть его ДНК? Кровь для анализа? Моча?

— Если бы было, я бы давно знала, что с ним происходит.

— Да он драться начал, в последний раз отлупил кассира в алкомаркете. Тот его тоже по еблу хорошо так вдарил. Там ведь кровь должна остаться, на полу-то, — предположил Цефей.

— Точно! — кивнула Морган. — Леви, свози меня туда.

— Окей, погнажи. Оф, а ты?

— А я поеду домой. Я не спала сутки.

— Э... — замешкалась Раэна. — Тут такое дело... Твою квартиру сожгли.

— Что? Как сожгли? Кто?

— Ковчег, кто ещё-то, — хмыкнул Цефей. — Эс, а ты куда?

— Плакать из-за яйца, которое учит курицу.

— Смотри, чтобы макияж не смылся, — ответила я. — Леви, я пустая. Подкинь пару долларов, пожалуйста.

— Оф, так ты езжай ко мне домой, там в сейфе есть деньги, — предложила Морган. — Пин-код смс-кой скину, чтобы Леви уши не грел. Давай, — она поцеловала меня и упорхала к машине.

— И что потом? Что тебе даст анализ? — сморщилась лидер, скрестив руки. — Ты знаешь, что после такого мы вряд ли будем подружками?

— Да ебала я таких подружек, — хмыкнула я и пошла прочь.

—..не идёт новое ампула! — крикнула она мне в спину. — Посмешище!

Я прыгнула в такси и набрала Нейтана:

— Дельта вызывает Альфу, приём, миссия «зелёный», — сказала я в трубку.

Фауст посмеялся.

— Привет, мышь, я так понял, все «зелено»?

— Да, я нагнала Эс, как собаку. Не такая она уж и жуткая.

— Да ну-у, Оф, Немезида хороший человек. Просто чтобы быть лидером нужно быть гнидой, сечешь?

— Не нравится она мне.

— По ней вообще голяк. Нет доказательств.

— А по остальным есть?

— Ну... — он явно неловко улыбнулся. — Морган — медик, могла из-за влюбленности в члена Ковчега отравить вас всех по-тихой, чтобы помочь своему Ромео. А Цефей... Цефей мог отравить вас всех из-за мести. Он на самом деле очень озлобленный внутри, злопамятный. Почему он мог сделать это с тобой и с Троем?

— Не знаю. Ну... Я шлюха.

— Нет.

— С чего?

— Со мной же ты не спала.

— Ещё раз так скажешь, и я восприму это, как намёк, — сконфузилась я.

— Окей, понял. Так и почему ты шлюха?

— Потому что я девушка Дамьяна, а брал меня Трой. Леви видел нас, слышал. Потом он был недоволен этим. Мол, ты, Оф, проститутка, а Трой баран.

— Вряд ли Леви захотел бы вас убить после этого. Он, может, и козел, но в чужие трусы не лезет.

— Тогда больше нет причин.

— Ты ведь имеешь репутацию «дурочки, которая лезет не туда»? Ну, не слушаешь приказов и делаешь все по-своему, так?

— Есть такое.

— Тебя, возможно, хотят тихо устранить, чтобы ты не подрывала группу своеволием. Тогда зачем травить Стрелка? — Нейт вздохнул. — Знал бы я точный мотив, то точно бы понял, кто это. Ладно, как дела в группе?

— Морган поехала искать ДНК Троя, чтобы пробить, что за наркотик. Думаю, вряд ли там оставили его кровь. Смыли уже давно. Думаю подбросить ей пару капель. Леви сказал, что Трой стал буяннить: избил кассира в магазине. Они с Ран поехали туда, а я к ней домой.

— Зачем?

— Мне нужны деньги.

— Зачем два точка ноль?

— Я хочу снять дом в аренду. Твоя халупа просто отстой.

— Зато безопасно. Стоп! Ты хочешь, чтобы мы поселились в другом доме?

— Йеп, мозговитый ты наш мозг.

— Исключено! Это же то же самое, что просто прийти прямо на собрание и сказать: «эй, всем привет!».

— Перестань, Нейтан! Дом за Лондоном. Никто не будет вас там искать.

— Погоди-ка, а ты где?

— В такси. А что случилось?

— Черт! Ну Оф, блин, уши! Тебе надо было бы тачку в аренду лучше взять, вместо дома. Вдруг он посыльный? Придётся убрать таксиста. Нам лишние люди не нужны.

— Предлагаешь..

— Да, убей его.

— Но я не могу!

— Надо. Через не могу.

Я обречённо вздохнула, взглянув на водителя, что зыркнул на меня через зеркало.

— Я ещё не сошла с ума, Нейтан. Не могу просто взять... и сделать это!

— Как думаешь, будет очень круто, если в итоге все будут знать, что Натаниэль Фауст живой, держит в подполье Троя Кирка и в стоворе с Офелией Црнянской?

— Ладно, я поняла. В восемнадцать ноль-ноль в «Бочке пивовара».

— Зачем?

— Не тупи, Нейт! Вырубай Троя, бери его в охапку и едем из города.

— Засранка ты! Все, отбой.

Я бросила трубку, достала из телефона сим-карту и выбросила ее в окно. Вставила

новую. Водителя попросила остановить в темном безлюдном углу далеко от городских джунглей. Когда протягивала ему деньги, то сильнее сжала пистолет на уровне его груди, готовясь к выстрелу.

Щелчок. Выстрел сквозь кресло, и он обмяк.

А там я вышла, прихватив заодно и всю его наличность. Села в автобус до центра и воткнула в уши недавно купленные наушники. По окну забарабанил дождь. Я так давно его не видела, этот грустный дождь.

Так изменились события и наши характеры, так нещадно стёрлись воспоминания обо мне прошлой, такой слабой и наивной, все жалеющей себя и ненавидящей. Ныне я приняла себя отродьем, которого взрастила в гневе и стремлении бежать. Я перестала замечать друга-Лондона и плаксивый серо-чёрный небосвод, забыла, что такое печаль одиночества. Забыла о драматичности чувств и рефлексий. Стала машиной с целью, которую должна была достичь любой ценой.

А чужие жизни... Я перестала считать их бесценными. Наплевала о семьях и голодных детях, задушила жалость и эмпатию. Теперь люди — труха, которую мне более не было жаль топтать.

Всего лишь месяц, прошедший, как сон, будто вовсе иллюзия или фантом, но ныне я стала тем, кого посмела презирать. Я стала Дамьяном.

Я ехала среди массы живых людей и удивлялась тому, как изменился мир вокруг.

— «Нет, это изменилось мое естество», — поняла я, переключив песню. Заиграл «Корн». — «Раньше так много драмы, так много самокопаний и глупых слез... А сейчас я сижу в кресле, смотрю, как снаружи льет, и не чувствую ничего, кроме желания рвать до конца. Сижу, а вокруг меня аура смерти и опасности. Как клеймо. Поэтому со мной никто не сел рядом? Подсознательно они чувствуют мое уродство?» — Я взглянула на пустое кресло рядом. — «Все такое другое».

Или я изменилась раньше? Когда застрелила врагов в чужом штабе? Когда убила Рут? Или когда перенесла ту убивающую ломку? Может, не месяц, проведённый у Нейтана, перекроил мою суть? Я терялась в теориях и гипотезах.

Мне было жаль вспоминать прошлую себя. Обычная поездка в общественном транспорте, но напомнившая мне себя в юности. Ту зажатую и избитую малышку, так вождедеющую счастье и мир. Она была столь мечтательна и мягка, когда бродила неспешно по переплетениям лондонских улочек; так любила дождь и тихо плакать у окна отцовского жилья.

Но ныне все было серым и бессмысленным, чужим и ненужным. Только пылали алым пожарищем гнев и желание сбежать далеко и навсегда. Детская мечта о счастье претерпела метаморфозы, став искаженной и извращённой, но все же осталась в сердце до сих пор. Я все ещё хотела счастья, но готова была убить за него. И убивала.

Не будь тех обстоятельств и кошмарных знакомств, того страшного окружения, то я бы выбрала иной путь. А, может, убила бы себя, отчаявшись и исчерпав силы.

В последний раз я была чистой, была собой, когда прилетела в Лондон. Так сильно я была очарована и разбита неясной мне тоской. Была собой, которую не осуждала, с которой была знакома с рождения. А теперь я не знала, кем была и как могла вернуться.

Слишком далеко я ступила за грань. Слишком сильно что-то сломалось и заржавело. Я поняла, что боюсь. Того, что я пропала в себе бесследно, что не смогу быть собой, когда все закончится.

— «Неужели я так и останусь чудовищем? Когда буду жить с Яном у моря, то буду такой же неправильной?».

Я оплатила проезд и вышла у дома Морган, где взяла из сейфа весьма крупную сумму, а после встретилась с женщиной, что сдавал дом за городом, и оплатила месяц проживания. Мы недолго поболтали о весне и о том двухэтажном доме с огромным гаражом, мило попрощались и я набрала Морган:

— Как дела? — спросила я.

— Голяк. Ещё Эс устроила ревностный скандал.

— Как?

— Приехала к нам в магазин и начала орать, что мы предатели, и что она разочарована.

— Ясно. Ничего не нашли в итоге? Вообще?

— Да каво, нас из магазина поперли с благим матом.

— Не переживай, я была у Троя дома. Нашла платок с его кровью. В двадцать ноль-ноль в «Клеопатре».

— Окей. Оф, ты молодец! Целую!

— Вы куда?

— Мы с Леви пока перекусить зашли.

— Окей, до встречи, ребята. Приятного.

— Ага, давай.

— Нет хвоста? — снова спросил Нейтан, озираясь по сторонам. Бар «Бочка пивовара» был наполнен людьми и ароматом жареного мяса, залитого темным элем. Здесь был потрясающий маринад из спиртного и красного перца.

— Нет. Я заказала крылья. Умираю с голоду. Будешь?

— Да я сам щас сдохну. Конечно, буду. — Он сел напротив. — И что ты хочешь мне сказать?

— На, — я сунула ему ключи, — координаты в смс. Новая берлога в разы лучше того клоповника. Как он?

— Честно? Хуево. Его рвёт кровью и желчью. Он не ест и не пьёт. Только орет, как черт.

— Есть способ ему помочь?

— Да, дать дозу.

— Иди к черту, Нейтан. — Я чуть наклонилась к нему через грязный стол. — Принёс?

— Куда я денусь? На, — он придвинул ко мне клетчатый платок с кровью Троя. — И что, скажешь, что нашла в его хате? Ты хоть знаешь, где он живет?

— Частично.

— Круто. И какой план? Тебя не заподозрили?

— Как меня заподозрят, если я вся избитая, как груша для битья?

— Ну извиняй, было бы странно, если бы ты пришла свежая и здоровая к ним в штаб.

— Ты козлиная, Нейт. — Я покачала неодобрительно головой, чуть приподнимая свитер. Фауст рассмотрел огромный синяк на рёбрах. — Ты перегнул. На кой черт братья за битую?

— Ты сама просила отлупить тебя так, чтобы было правдоподобно. Я и отлупил.

— Ты чуть не убил меня.

— Не убил же.

— И на том спасибо.

Нам принесли две порции куриных крыльев и пива. Мы накинулись на тот жир с превеликим удовольствием, пачкая щеки и носы. Глотнув светлого пива, я начала:

— Всё в группе так переменялось... Все стали злыми. Такой хаос творится, ты бы видел.

— Представляю. Что там у Морган?

— Сидят с Цефеем где-то в кафе. Не ревнуешь?

— Нет. Я чувствовал, что что-то должно случиться со мной, потому попросил его заботиться о ней. Он ведь заботился?

— Да, даже больше, чем нужно. В смысле... он как отец с ней. Или старший брат. Морган могла напиться где-то и уснуть, а Леви приходилось объезжать весь Лондон, чтобы найти ее.

— Я так скучаю по ним, — он перестал есть, — хочу скорее закончить это затянувшееся дело, Оф. И хочу помочь тебе. Просто хочу жить.

— Я тоже. Нейтан, мы справимся. Верь в нас.

— Ладно, — он неловко отмахнулся от того болезненного разговора. — Если это Раэна или Леви, то почему они так подставляются, бегая за ДНК Троя? Да и вообще, что ты задумала? Ну узнаешь, что за наркота. А дальше?

— А дальше я пробью всех дилеров. А заодно посмотрю, кто будет мешать поискам. Наш таинственный «друг» несильно обрадуется, если я наступлю на его хвост. А ещё мне нужно узнать, чем в итоге качают Ковчег. Эс ставила нам задачу узнать, но сейчас тишина. Если и ковчеговцев травят тем же, то это значит, что Иуда работает на них. Только зачем они это делают?

— Думаешь, есть связь между Антихристами и Ковчегом?

— Ты сам говорил, что при твоей подставе они что-то говорили про нашу группу. Что был уговор и так далее.

— Хорошо, допустим. Узнаешь, что они в сговоре. А как узнать, кто именно?

— А вот для этого мне нужен ты. Мы поймем их лидера.

— Смешно.

— Я серьезно. Выпытаем информацию.

— Думаешь, он легко выдаст все на блюдечке?

— Просто отрежем ему хер.

— И что ты надеешься узнать?

— Прямо: кто шавка. Если не выдаст, то хотя бы чем обкалывают, где берут, под кем работают. Ты знаешь их агента?

— Нет. Я нашего-то не видел ни разу. Знаю, что зовут Ричемара фон Героль.

— Негусто. Ладно, просто будем добывать все, что сможем. Езжай за город и следи за Троем. Спаси его, пока я буду искать.

— Ты возмужала.

— Неужели?

— Я помню тебя в первый день у Антихристов. Совсем мышка. А сейчас ты в одиночку собралась уложить всех на лопатки. Что тобой движет?

— Желание жить счастливо далеко от всего этого.

— ХОСТЕЛ «КЛЕОПАТРА», 20:00 —

Я ждала Морган и Цефея, сидя в комнате прямо над вестибюлем. Здесь не было люстры, а стена зияла вмятинами от чьих-то ударов. Убогое место для убогих людей. За унитазом

валялись улики героиновых наркоманов, уже пыльные от времени их упокоения за сантехникой. Здесь явно не убирались надлежащим образом: под раковиной в пол впитались чьи-то капли крови, уже чёрные, как уголь. Место для самоповреждения, для объятий с депрессией и ломкой от наркоты.

В комнату вошли ребята — злые и уставшие.

— Пиздец блять, я ебал эту хуйню в пизду, — рычал Цефей, падая в койку.

— Хватит, Леви. Я за день ни одного нормального слова не услышала, — нахмурилась Морган.

— Та-ак, что случилось? — скрестила руки я.

— Да все подряд, блять! Похмелье ебучее, Немезида хуйню творит, Трой проебался!

— Леви, пиво будешь? — я достала из минибара банку. Цефей заметно расслабился и воодушевился. Я кинула ему пиво и села на соседнюю кровать. — Что творится в группе?

— Мутно все стало, — вздохнула уставше Раэна. — Ты пропала на месяц, Трой, видимо, сторчался и нас на бухло подсадил. Ни миссий, ни работы, мы просто забили на все и запили втроём в штабе. Эс иногда приходила и взрывалась на нас, но мы как-то не обращали внимания, и она перестала часто приходиться.

— Ага, типа разлад. Мы все думали, что ты мертва. Вот и пустились во все тяжкие. Мы конечно, не прям друганы с тобой, но мысли о том, что все мы скоро погибнем... Не знаю. Тяжело было. Хотелось просто бухать. Если уж наш Троян стал таким, то и мы решили забить хуй.

— Морган, кстати, держи, — я протянула платок с кровью Троя. — Есть мысли о том, почему он начал торчать?

— Вообще голяк, — покачал головой Леви. — Я не видел, чтобы он нюхал, кололся или курил. Морган травку все покупала, да, но Трой... Он будто из воздуха брал.

— А питались вы где?

— В штабе. Ну, как питались, скорее голодали. Только пили. А алкашку в магазине брали. Я лично, Морган. Стой, ты типа намекаешь, что нам подсыпали? Тогда почему только Трой с ума сходил, а не все мы?

— Я просто пытаюсь понять, что происходит. Если ты не видел, что он принимает, то его насильно качали. Только кто?

— Ковчег, наверное, — задумалась Морган. — Трой наш друг, даже брат. Ни я, ни Леви, ни Эс не могли этого сделать. Тебя вообще не было. Тогда кто и как?

— Не знаю. Но Эс самая недовольная. Может, она? — предположила я, ожидая реакции. Оба они с удивлением взглянули на меня, потом — друг на друга.

— Ты шутишь? — вскинула брови Раэна. — Она была с нами всего пару раз, и то всегда была наши бутылки, орала и уходила. Она была права, что мы бестолочи и ни черта не делаем. Эс пыталась нас растолкать, а не убить. Она переживала о твоей пропаже и постоянно напоминала нам, что мы должны взять себя в руки идти искать тебя.

— Солидарен, — кивнул Леви. — Она то и делала, что ебала нам мозг.

— Тогда кто?

— Может, он сам?

— И вы верите в это? Что, Трой такой?

Они оба замолчали.

— Значит так, ребята: Морган, сделай анализ. Леви, собери весь алкоголь, который пил именно Трой.

— Не могу. Все, что он пил давно высохло на полу штаба. Эс все разбила.

— Принеси стекло. Что-то же должно остаться!

— Ты знаешь, да... — вспомнила Морган. — Леви, помнишь его заначку под облеваным матрасом? Он там спрятал бутылку виски, которую ты пытался у него отобрать, чтобы вылить. Он тогда ещё никак не хотел ложиться спать, все присасывался к этому несчастному виски.

— Разве Эс ее не разбила?

— Нет, она не знала про заначку.

— Отлично, — улыбнулась я. — Леви, ты знаешь, что делать.

— Оу, Оф, а ты стала улыбчивее, — заметила Морган.

— Просто радуюсь, что свободна, — соврала я. — Ребят, а вы не хотите сбежать из группы?

Они настороженно переглянулись. Леви грустно вздохнул и повесил голову.

— Хотим уже давно, — признался он. — Но это апрел, Оф. Из группы нельзя уйти.

— Но если уйдут все, то некому будет ловить, так?

— Если бы, — горько усмехнулась Морган. — У агента есть своя «свита»: убийцы очень высокого уровня, которые служат ей палачами, советчиками и лучшими друзьями. Это высококвалифицированные члены организации «Искупление». Их всего четверо, насколько я знаю.

— «Насколько ты знаешь»? — недоуменно воскликнул Леви. — Я даже о том, что есть какая-то там «свита» не знал! Какого черта, Раэна?

— Леви, не гунди только! Я же ассасин в группе, понятное дело, что я буду подслушивать и шпионить. Это моя работа. Слышала я, в общем, переговоры агента и лидера. Они прям хорошие подруги. Последний раз обсуждали вечеринку в поместье Ричемары. Там я и услышала, что «Искупление» тоже приглашены. Эсфирь обрадовалась. Я так поняла, что ей симпатичен какой-то «Архангел». А ещё... — Морган виновато спрятала глаза. — Слышала, что Дамьяна должны отправить на инициацию в ту свиту. Он нравится агенту за свои способности в бою.

— В свиту нашего агента? — не поняла я. — Так они же враги, нет?

— Я не знаю, не знаю, — звизгнула Раэна, будто боялась кары за рассекречивание важной информации. Она неловко подползла к Леви и залезла в его объятия. Он погладил ее по голове и убаюкивающе начал покачивать.

— «Да, Нейтан, он бережет ее», — улыбнулась я, глядя на их тёплые отношения.

— Ребят, что случилось с Фаустом? — я решила палить в открытую.

— Ты знаешь, что с ним случилось, — грустно ответил Леви.

— Нет, я не о шаблоне в духе «погиб во время исполнения миссии». Что думаете вы?

— А что думать? Агент дала нам миссию по убийству одной шишки, Эс спланировала стратегию: я с гранатами на выходе, Морган в тени как страховка, Трой и Эс с огнестрелом на устранение, а Нейтан в качестве шухера в другом крыле здания, чтобы предупредить о подмоге. Но подмоги быть не должно было, мы все проверили перед выходом. Плохо проверили, блять! — Леви ударил перекладину кровати. Затем болезненно сжал пальцами переносицу и закрыл глаза. — Лучше бы меня туда отправили, сука! Он же мне как брат был!

Морган ласково обняла его за шею и поцеловала в затылок.

— Кто ещё мог знать, что именно Дракула будет в том крыле?

— Мы и Ричемара. Дракула? — удивился Леви. — Мы не говорили тебе, что называли

Нейта Дракулой.

Я осеклась. Ребята посмотрели на меня с подозрением.

— Не вы, Трой называл его так.

— А, ну, окей.

— Что-то смущает меня эта Ричемара, — нахмурилась я.

— Фауст в последние дни был очень подозрительный, — вспомнила Морган, поглаживая Леви по голове. — Он хотел нам что-то сказать, но не решался, а потом его убили.

— «Да, хотел сказать, что кто-то в группе предатель, но не мог вам доверить это знание», — ответила я мысленно.

— Он тоже был будто не в себе, — продолжала Раэна. — Паранойя. Он боялся пить и есть, питался только тем, что покупал сам. Иногда он приходил вовсе никакой. Весь серый, неряшливый.

— Как похоже на Троя, — усмехнулась я.

Оба они шокировано посмотрели на меня, догадавшись и соотнеся состояния Троя и Фауста.

— Так и что вы думаете о смерти Фауста теперь?

— Подстава, — в унисон ответили они.

— Та-ак, теперь вспоминайте, кто был среди вас тогда, кто носил еду и кто к ней прикасался?

— Старик Ромеро! Старый уебок! — воскликнул Цефей. — Он постоянно заставлял Нейтана пить какие-то «витамины для иммунитета»! Нейт заработал пулю в живот, и его шпопал наш знакомый хирург, Ромеро! Сукин сын!

— А Троя последний месяц тоже осматривал этот Ромеро?

— Был однажды, да! Я же его голову оторву к чертовой матери! — ругался Цефей.

— Надо поговорить с Немезидой, — сказала тревожно Морган. — Нужно сообщить ей, что Ричемара мутит воду с Ковчегом, а Ромеро травит нас! Только почему? За что Трой заслужил это?

Я прикусила губу, яро желая рассказать всю правду. Но я понимала чувства Нейтана, когда тот хотел поделиться с товарищами о своих подозрениях, но не мог им доверять. Я тоже не могла, потому осталась молчать. Сказала лишь, уходя прочь:

— Делайте, что я сказала, ребята. Мы узнаем, что происходит. Никому, даже Эсфирь, не вздумайте рассказывать. Леви, держи Морган. Ты же понимаешь, что это важно?

Он кивнул мне, когда я закрыла за собой дверь.

Глава 29. Минус один

— Я тоже люблю тебя, Трой.

Глава двадцать девятая.

Дом за Лондоном — тот величественный двухэтажный исполин цвета графита, ограждённый высоким забором с домофоном у ворот. Он встретил меня в полночь, весь объятый тьмой и загробной тишиной. Я нажала кнопку вызова, и голос Фауста поприветствовал меня. Мы встретились у порога и сели на крыльцо покурить.

— Как дела? — спросил он.

— Я чуть не проболталась о тебе.

— Надеюсь, только «чуть».

— Чуть.

— И что ребята говорят?

— Похоже, не при делах. Я навела их на верную мысль о твоём убийстве. Соотнесла состояние Троя и твоё. Они все поняли.

— И что сказали?

— Леви сказал, что это мог быть Ромеро. Он и правда поил тебя таблетками?

— Просто сказал, что это поможет быстрее встать на ноги. Да, была баночка с витаминами. Я пил недолго. Потом... — он напрягся, — и правда стало херово. То есть... Это Ромеро нас травил?! — Фауст яростно подскочил со ступени и навёрнул злобной поступью круг.

— Не знаю. Я приехала сразу сюда после встречи с ними. Этого Ромеро я беспокоить не стала. Думаю прошерстить его квартиру.

— Сука! Он же нам как дед был! Неужели все в этом ебучем мире такие гнилые?!

— Тише ты, — я дернула его за штанину, и Нейт сел обратно. — Помоги лучше придумать, как подобраться с Эсфирь.

— А чего к ней подбираться? Подойти и сказать, что какая-то херь происходит.

— Я ей вообще не доверяю.

— Почему?

— Потому что она наглая стерва! К тому же, она дружит с агентом, а агент вообще неясно что за личность. Мы работаем под ее руководством, а ведь даже понятия не имеем, что она в итоге хочет получить. Ну, кроме денег.

— Слушай, а ведь верно. — Он замолчал, обдумывая мои слова. — А если выйти на агента Ковчега? Они же враги, ему будет полезно иметь с нами дело, если мы предложим устранить нашу Рицемару.

— И как на него выйти?

— Ты была права. Нужно ловить их лидера. Он единственный, кто на связи с агентом.

— Ты знаешь об «Искуплении»?

— Слышал, что ещё одна организация Рицемары. Случайно узнал, когда следил за группой.

— Не знаю, как, но Рицемара хочет завербовать туда Дамьяна.

— Погоди-погоди, он в чужой команде. Как она его ловить собралась? Откуда она вообще придумала, что именно он должен попасть в «Искупление»?

— Только если она знакома с его навыками, раз решила взять в группу «солидных»

убийц. Раэна рассказала, что это организация класса люкс. Туда, будучи лохом, не попадёшь.

— Думаешь, сама агент Иуда?

— Не знаю.

— Окей, завтра пойдём на Ковчег. А сейчас — спать, и быстро! — скомандовал Нейтан.

— Можно зайти к Трою?

— Думать забудь, пошли.

Мы уже легли спать: в одной крохотной комнате, самой отдаленной от той, где рычал и плакал Трой. Я почти уснула, но когда сон показал смерть моих товарищей, то дернулась, протяжно застонав. Нейтан, вздохнув, молча лёг рядом и закинул на меня тяжёлую руку. Что-то сонно пробормотал о том, что защитит, и засопел в мне ухо.

Стук снаружи. Кто-то явно шёл по крыше. Я дернула Фауста за палец и прижалась к его телу. Он проснулся и спросил:

— Что такое?

— Там кто-то ходит.

— Вороны. Спи давай.

Вдруг слабый стук в окно. Второго этажа.

Я вскрикнула, вцепившись в Нейтана ногтями. Впервые я испугалась не человека, а чего-то потустороннего. Мозг рисовал чудовищ, чьи белые улыбающиеся лица маячили в окно и постукивали когтистыми пальцами по стеклу. Фауст настороженно поднялся, держа меня позади себя, как ограждение для того, что могло напасть.

Дернув занавеску, Нейтан выглянул в приоткрытое окно. Как вдруг сверху показалась человеческая нога, а затем туловище гостя проникло к нам в комнату, распахнув окно. Фауст чуть оттолкнул назад, закрыв меня спиной.

— Да ну нахуй, — прошептал незнакомец. Я выглянула. И узнала в нем Цефея. — Нейтан?

— Леви..

И они рванулись обнять друг друга. Я решила оставить их наедине.

И пошла к Трою. Открыла дверь, тихо прошла вглубь помещения. Все ещё дрожали ноги, и иррациональный страх стелил разум неясной паникой. На полу в позе эмбриона лежало обнаженное тело Стрелка. На его щеках блестели слёзы, а руки и ноги терзала судорога. Жуткая, что мне и самой стало адски больно. Я легла напротив него и провела ладонью по колючей щеке.

— Трой, как ты?

— О-оф? Э-это ты? М-мне т-так б-больно..

Я слабо дунула на его мокрый лоб.

— Милый, мне жаль, что ты так мучаешься... Господи, мне больно за тебя.

— Ч-что с-со м-мной происходит, Оф?

— Наркотики. Ты помнишь, кто мог это сделать?

Он замолчал. Дернулся всем телом так сильно, что захрустели позвонки. А после — рычание и скрежет зубов: он пытался не кричать, сжимая челюсти слишком сильно. Я поняла это, когда он застонал и выплюнул что-то на пол. Нашупав во тьме среди слюны кусочки зубов, я испугалась его состояния. Скорее погладила его дергающиеся в спазмах бедра и коленом попала в лужу мочи.

Он не удержался от боли и сходил под себя. Я заплакала вместе с ним, обняв за шею. Поцеловала его в губы, но он не ответил мне, только затрясся в конвульсии и не смог

дышать.

Он него пахло рвотой и застоявшейся мочой, но я все равно обнимала его за шею, дыша тошнотворным амбре. Трой был кошмарно худой — его кости буквально царапали меня. Волосы отросли по плечи, а я уже забыла, что когда-то он стабильно посещал парикмахера и не расставался с гелем для укладки. Он пах грязью, даже смердел, а я уже забыла, что когда-то Трой был заядлым перфекционистом и исключительным чистюлей.

Я поцеловала его ещё раз, стараясь не вдыхать запах изо рта, но он вдруг повалил меня на пол и сжал руками за шею. В темноте я видела лишь дикий блеск его почерневших глаз. Его лицо больше не было лицом Троя. Кто-то чужой, совсем не похожий на моего друга. Я захрипела под его телом, дернулась, перевернув ведро с водой.

В глазах быстро темнело, и я напоследок провела пальцами по его щеке. Я знала почему-то, что меня обязательно спасут, знала, что придёт Нейтан с битой в руках. Так и вышло, только он не рассчитал удар, когда бил Троя по голове.

Слабо помню, что вынес из комнаты меня Цефей, а Нейтан громко закричал на Троя, отбросив в сторону биту, испачканную в крови.

— Оф! — легкая тряска привела меня в сознание. — Оф!

— Леви, не трясни меня.

— Ты нормально себя чувствуешь?

— Д-да, — я тяжело поднялась. Леви аккуратно придерживал меня за спину. — Что ты тут делаешь вообще?

— Сел на хвост после хостела. Но об этом потом, Оф, вставай.

Мы поднялись с постели и сразу же направились куда-то на первый этаж. На лестнице мне стало тревожно — маленькие капли крови по ступеням сверкали длинной посмертной дорожкой, как знамение скорой inferнальной горечи. Я сорвалась на галоп.

Трой лежал на диване, пока Фауст все пытался остановить кровь из его затылка, меняя тряпки и бинты. Рана была расколом черепной коробки, будто та просто треснула от давления, обнажив желтовато-серый мозг. Я невидяще прошла вперёд и рухнула на пол, — прямо на окровавленные тряпицы и разводы из багрового желе.

— Трой? — прошептала я, взяв его за холодную руку. — Нейтан, что ты... наделал?

Фауст молча поднял меня на руки и унёс в кухню, где посадил на стол и обнял. Леви продолжил его работу, взяв перевязывать рану.

— Я же сказал тебе не ходить! — прорычал Нейт мне в шею. — Я же предупредил, что к нему нельзя!

— Нейт... Трой умер? — наконец разрыдалась я.

— Нет, но боюсь, мы не сможем ему помочь.

— А М-Морган?

— Нет, она тоже.

— Ромеро сможет, — вдруг сказал сурово Цефей, включив в кухне свет. — Обратимся к нему за помощью?

— Плевать, звони! — крикнула я.

И скоро Леви привёз врача. Старик был мерзок всем нам, но когда он заплакал при виде Троя, то мы переменили свои чувства. Только искусный лицедей или потрясающе талантливый актёр мог так искренне рыдать, ломая голос. Этот старик в древних круглых очках был столь ласков, что я засомневалась в его грехах. Мы оставили их наедине.

Крепкий кофе и косяк с бошками*, мы собрались за столом, немигающими глазами уперевшись в одну точку. По кругу ходила самокрутка, что привёз с собой Цефей. Я впервые пробовала травку.

— Как это случилось? — спросила я.

— Ты все видела, — хмуро ответил Леви.

— Я хочу узнать все!

— Блять! — взорвался он, подскочив и перевернув стул. — А что ты хочешь услышать?! Как Нейтан, блять, проломил башку своему другу, из-за того, что ты решила зайти в гости?! Как Нейтан разрушил всю ебаную жизнь своего, блять, товарища?! — Леви направился в мою сторону, медленно и опасно, что я прижалась к спинке стула; оттолкнул стол, злобно нависнув надо мной.

Я не смогла ничего сказать или сделать — только молча продолжила плакать.

Цефей и сам не сдержался. Заплакал, обняв меня и попросив прощения.

Скоро Ромеро сообщил:

— Жить будет.

Мы не поверили его словам.

— Но, к сожалению, он останется калекой. Он не сможет говорить, ходить... В общем, за собой ухаживать больше не сможет. На нем нужен будет надзор.

4 МАРТА, ДОМ ФАУСТА

—..и вот, я решил залезть через открытое окно. Кто же знал, что тут будет мёртвый Нейтан? — говорил Леви. — Я сразу понял, что ты что-то скрываешь, Оф, особенно когда заговорила про его смерть. Ты, новенькая, а уже имеешь информацию более значимую, чем мы сами. А ещё понял, что ты не будешь говорить всем о своих догадках, не прощупав почву. Поэтому я отправил Морган домой, уложил ее спать и выследил тебя по маячку.

— Маячку? — удивилась я.

— В кармане посмотришь потом. Я изначально знал, что с группой что-то творится. Я же первый, кто вам об этом сказал. Ты что, не помнишь? После тренировки в штабе, ну. Я подошёл к вам с Троем и намекнул, что вы чём-то отравились. Только я подумал на Ковчег, а не на своих.

— Нашёл чего? — спросил Нейт, кутивший у окна.

— Я и не искал. Говорю же: думал, что это Ковчег мстит.

— Мы бы тоже так думали, если бы это произошло всего единожды. Но и меня, и Оф, и Троя пытались сгноить одним и тем же методом. Остаётся агент, Морган и Эс. Что Морган?

— Не знаю. Я же не слежу за ней.

— Ясно. Значит, будешь. — Нейт выбросил бычок. — Двадцать четыре на семь.

— А сам?

— Очень смешно, балбес.

— Ребят, надо решать с Яном, — вмешалась я. — Завтра он будет праздновать день рождения.

— Я давно пробил, где, — кивнул Леви. — Трой когда-то просил меня это сделать. Он хотел больше узнать о Дамьяне, чтобы помочь тебе, но в итоге не смог.

Мы все грустно замолкли.

— Что он просил?

— Узнать, какую роль Дамьян занимает в Ковчеге.

— Узнал?

— Конечно. Занимает роль авангарда, — у нас это значит боец, который идёт всегда впереди, рискуя жизнью, как таран или типа того — обычно работает по указке самого лидера, в группе его ценят и уважают за качества и принципы. Охраны на самом деле не так много: всего три человека, с которыми он и подружился. Если совсем всё говорить, то работает с зачисткой больших вооруженных масс, часто попадает в камеры видеонаблюдения, но за ним чистят. По Лондону часто передвигается на такси, с точки их штаба до северных доков поймал около полусотни поездок. В третьем доме, вероятно, его квартира. А идёт завтра в бар «Гадкий Билли» в пять вечера.

— Я должна быть там!

— Разумеется, мышка, — улыбнулся Нейтан. — И ты будешь, обещаю. Я знаю, как долго ты к этому шла. У меня подарочек. — Фауст достал из шкафа пакет и протянул мне. — Смотри.

— Униформа официантки? — нахмурилась я. — Смешно.

— Ну а как иначе-то?

— Я думала просто прийти и... всё.

— Смешно это, а не униформа. Хочешь, чтобы тебя поймали его соратники? Он же не один праздновать будет. Топор, Кузнец и Мясник с ним пойдут.

— Да ты издеваешься, — я выпучила глаза от осознания сложности грядущей встречи. — Мне что, ещё и спектакль там устраивать?

— Само собой.

— Так, мы погнались, — предупредил Цефей. — Эс вызывает на собрание. Оф, собирайся.

— Я убью эту стерву сегодня! Как же я зла!

В штабе мы оказались быстро. Морган и Немезида уже ждали нас, попивая чай.

— О, снова полынь хлещете с утра пораньше? — снова включил шуту Леви, прыгая на диван.

— Всем привет, — кивнула я. — Нашли Троя?

— Не-а, голяк, — покачал головой Цефей.

— Я получила результаты анализа, — Морган протянула мне бумагу. — Это кокаин. В огромных количествах, просто кошмарных! Если он будет принимать его дальше, то умрет. Мы должны его найти.

— Мы ищем, Морган, — деловито уверила Эсфирь. — Я делаю все, что в моих силах.

— Да? Наверное, уже продвинулась далеко вперёд, а? — съязвила я. Эсфирь поморщилась.

— Мне кажется, ты..

—..Забываешь своё место, да, я уже слышала это, — цокнула я. — Мне вот интересно, а что ты вообще делаешь? Я ни разу не видела твоей помощи, кроме важной морды по утрам.

— Да что ты о себе возомнила?

— Закрой свой рот, — потребовала я. — Пока Троя качали метадоном, ты бегала по вечеринкам, да? Красила губки и ресницы наращивала, а? — я нависла над ее креслом, схватившись за спинку по обе стороны от ее плеч. — Лидер она, сидит, сложив ручки с красным маникюром.

— Да что с тобой происходит?! — она толкнула меня в грудь. — Совсем одурела?!

— Хочешь знать, а? Да потому что я оспариваю твоё сраное лидерство, Эсфирь! Под твоим руководством два человека пострадало, а ты устраиваешь собрание, чтобы сказать, что делаешь все, что можешь! Что ты можешь-то?! Твоё «могу» — это мы! — Я толкнула ее

кресло так, что она перевернулась наземь вместе с ним. Алая туфля полетела по полу.

Я рассмеялась. Прыснул и Цефей.

— Оф! — вскрикнула Морган, закрыв от ужаса рот.

Мы с Леви переглянулись, и он подмигнул мне. Он тоже проникся к Эсфирь неприязнью. Она и правда была обузой в нашей группе, хоть и сидела на ступени предводителя банды чертей.

Мне искренне стало тоскливо по тем временам.

Эсфирь тяжело поднялась — я слышала ее злобное дыхание позади. И слышала, как она, крадучись, шла ко мне. По лицу Морган я поняла, что лидер шла с недобрыми намерениями. Я улыбнулась, доставая пистолет из-под пальто, и развернулась.

— Как думаешь, если я пальну тебе в ногу, то будет сильно больно? — спросила я ехидно.

— Сука! Ты гнида, Офелия!

— Заткнись и сядь, — я указала наставленным на неё пистолетом на диван. — Значит так, ребята, наш «лидер» с большой буквы хочет дать нам задание. Верно? Или ты пришла просто сказать, что «делаешь все, что можешь»?

Эсфирь гневно поморщилась, собираясь с духом.

— Да, агент передаёт задание: через три дня у Ковчега будет крупное собрание. Наша цель: устранить их всех. Офелия... включительно, поскольку нечем заменить Троя.

— Отли-ично, — улыбнулась я. — Ну, вот, ребятки, первая моя миссия! Сколько платят?

— Пятьсот тысяч евро на пятерых. Трой тоже в доле.

— М, — кивнула я. — Неплохо. Но маловато для такой большой задачи, а?

— Согласен, — хмыкнул Леви. — За устранение мэра и то больше платили. Слушай, Эсфирь, а чего агент так мало денег шлёт? До твоего появления мы зарабатывали больше раза в два.

— Ты что, думаешь, что я ворую? — оскалилась лидер.

— Я? — удивился нарочито сильно он. — Не-е-ет, конечно нет!

— Да что с вами, черт возьми! — вспыхнула Немезида. — Почему вы так набрасываетесь на меня? — Она встала и оглядела всех нас краснеющими глазами, а после проронила слезу и ушла вон.

— Ребята, вы чего творите?! — разозлилась Морган, устремляясь за лидером. — Кончайте с этим, Эсфирь не сделала ничего! Она же тоже человек!

Мы с Леви остались одни.

— Жестковато, — прокомментировал он.

— Перегнула.

— Да похуй, я давно хотел отчитать ее. Она ведь и правда нифига не делает. Считай, что с языка сняла.

— А если враг не она, а Морган? Или вообще кто-то со стороны?

— Я надеюсь, что не Морган. А кто тогда? Ромеро-то в пролёте.

— Как узнал? Мы ведь не проверяли.

— А я те таблетки, которые он Трюю недавно давал, проверил. И, кстати, смотри-ка, — он достал из-под старого тлеющего матраса бутылку, о которой мы говорили несколько дней назад. — Тут даже пальчики остались. Отправлю на экспертизу после собрания. Через недельку узнаем, что там. Ну, и кто ее трогал. Точно я, Морган, Трой. И кто-то ещё, если там

будет наркота. И мы узнаем, кто! Тогда все понятно.

— Обожаю тебя! — я поцеловала Леви в лоб.

А когда вернулись Морган и Эсфирь, мы обсудили план и разошлись.

— Эй, — крикнула я, — Нейтан, а ты не мог более идиотскую форму найти?

Ребята вошли в комнату и оглядели мой костюм: коричневую униформу развратной официантки с вываливающимися грудями и с пошлыми обтягивающими леггинсами из латекса. Я ощутила себя Морган.

— Вау, малышка, а у тебя, оказывается, такая фигурка классная! — присвистнул Цефей. — Дай-ка пощупать!

Леви подошёл ко мне сзади и провёл руками по талии. Спустился к обтянутым униформой ягодицам и крепко сжал. Я ткнула его локтем.

— Да ладно, друзья же! — рассмеялся он, напоследок схватив меня за грудь и закружив, поднимая над полом. Мы оба захохотали, пока Нейтан молча ждал конца наших детских шалостей.

Я стала так похожа на Леви. Мое поведение ныне было мне незнакомым. Когда-то я стеснялась говорить слишком громко, а сейчас гоготала с друзьями, не стесняясь паршивого голоса и свистящего смеха. Было все равно на проявляемые мною эмоции, когда раньше я старалась держать все в себе.

— Ну-ка, бараны, успокоились! — рыкнул Фауст. Он подошёл к нам с суровым лицом и молча глядел на обоих по очереди. — Дайте мне тоже потрогать.

— Я вам что, проститутка? — оскорбилась я в шутку. — Кончайте с этим, ну!

— Не проститутка, но лучший друг, — с умным видом объяснил Леви.

Я с секунду глядела на их развратные морды, а после дала деру на первый этаж, где схватила швабру и приняла боевую стойку. Соперником мне стал Нейтан, уже схватившийся за веник.

— Я бросаю вам перчатку, сударыня! — воскликнул он.

— Я принимаю дуэль! — мужественно ответила я.

И началось фехтование. Как когда-то в хибаре посреди леса. Я вспомнила все, чему Нейтан меня учил. Вспомнила боль и вспомнила навыки, что приобрела.

И в этот раз я одержала над наставником победу, ткнув черенком в его сердце.

Леви начал аплодировать нашему бою и без доли юмора спросил:

— Оф, ты где этому научилась?

— Фауст и научил. Я у него провела месяц. Сначала лечилась от недельной зависимости, а потом мы занимались.

— Йоу, это типа очень достойно! Подарю тебе катану. Как ты и хотела.

— Хватит того, что ты просто не будешь меня лапать.

— Не согласен.

— Иди к черту. — Я поставила швабру на место. — Так и что с формой-то?

— Я украл ее из «Гадкого Билли», так что все хорошо, не переживай. Это реальная форма, — успокоил Нейтан.

— И какой план?

— Ты просто зайдёшь в бар под видом новенькой, Леви вырубит ту, чьё место ты займёшь, а я уберу охранников. Ребят, вам ещё надо как-то объясниться перед группой, чем вы занимались. Эсфирь ведь тоже знает, что Дамьян будет в баре? Наверняка и она захочет

прийти. Будет нехорошо, если вы спалитесь.

— Проблема, — прикусил губу Леви, шумно выдохнув. — А если их, ну, типа тоже наркотой угостить?

— Ты дурак? — я толкнула его в бок. — Разну нельзя. Но на Эс плевать.

— Так ее и накачаем, — беспечно предложил Нейтан. — Пусть кайфанет, а то иначе испортит все. А Морган?

— А Морган мы просто напоим. Леви, езжай к Разне с бутылкой виски, — я чуть подтолкнула его к двери.

— Опять бухать! — провыл он. — Ладно, съезжу. А дальше-то что? Ты доберёшься до Дамьяна своего, а потом?

— Я просто заберу его, и мы сбежим сюда. Плевать, я убью всех мешающих нам бежать!

— Боевая, — гордо заметил Леви.

— А дальше? — серьезно спросил Нейтан. — Вы уйдёте?

— Да... А что такое?

— Я понимаю, что прошу многого, Оф... Но я хочу попросить вас помочь нам. Закончить это дело, разрушить Ковчег и Антихристов. Если придётся, то и всех этих агентов и их шавок в «Искуплении». Я хочу выловить лидера Ковчега и узнать, под кем он сидит, узнать, кто покупал наркоту и мешал ее нам в еду. Хочу понять, за что меня хотели убрать. И убить сраного предателя. Оф, я прошу тебя, — он взял меня за руки, — останься ненадолго.

— Конечно, Нейт, я помогу вам. Вы все ещё мои друзья. Но мы можем просто подстроить нашу смерть. Как ты подстроил свою.

— Но я хочу добиться правды.

— Мы не сможем добиться ее, не умерев. Это все очень опасно. Это будет война, и я не хочу рисковать в ней Дамьяном. Давай так: мы подстроим нашу гибель, разъедемся по разным углам мира, а потом, когда волнения закончатся, то соберём новых «Антихристов-мстителей»? Мы вытащим Морган, и вы будете счастливы где-нибудь в Чехии.

— В том-то и беда, что мы даже не знаем, на нашей ли стороне Морган. Так или иначе придётся искать правду.

— Давай для начала поймём, кто именно Иуда. Я останусь и помогу найти его, и если это не Разна, то мы все дружно бежим из Лондона. Договорились? Я хочу немного побыть счастливой, а уже потом согласна умереть за вас, ребята.

Я обняла их за шеи, прижавшись лбом к каждому.

— Мы отомстим, чего бы это не стоило. Даже если эти чертовы агенты работают на верхушку. Даже если они террористы вселенских масштабов. Плевать, мы убьём каждого из этих выродков!

— Аминь, — вторили мы друг другу, заложив клятву вечной мести, которую обязательно свершим, наплевав на собственные жизни.

Да, я стала отродьем. Но я стала частью их семьи. Я стала живой, и готова была вернуть им эту подаренную мне жизнь.

Мы были веселы тем вечером, шутили, играючи швабрами. Но все мы просыпались холодными ночами со слезами на щеках.

Проснулась и я, видевшая во снах Троя, что гладил моего чёрного пса на фоне дома у моря. Трой был необыкновенно красив под лучами тёплого солнца, чарующе здоров и статен. Он был таким, каким я его впервые встретила. Он смеялся мне и протягивал руки с

красивыми длинными пальцами.

Я тихо поднялась и оглядела пустые комнаты ребят. Прошла к спальне, где существовал нынешний Трой. Та полуживая оболочка со стекающей по подбородку слюной, с глазами, никогда более не способными увидеть меня. Просто тело, уже не имеющее общего с моим дражайшим другом и первым мужчиной.

Я заглянула в приоткрытую дверь: у постели Троя безжизненно обмяк Нейтан. Не знаю, плакал ли он, но его боль разила за пределы помещения. Я не чувствовала, что плачу, но дрожала всем телом, истязаемая жжением под лицевыми костями и невозможностью дышать.

Всем нам было больно. И все мы вставали ночами, как мертвецы без сна, чтобы проведать тело друга. Чтобы негласно попросить прощения и теми ласковыми касаниями искупить всю необъятную вину перед его жизнью.

Я замерла, услышав Леви на балконе. Вжалась во тьму, ведь не хотела быть свидетелем его мук, не хотела, чтобы и он был таковым для меня. Мы все бродили ночами, прячась друг от друга. Никто не хотел признаваться в своих страданиях, хоть и знал, что мы бродили где-то совсем рядом.

Он шмыгнул носом, ступая на носках по полу. Леви прошёл мимо меня, пронзив ароматом бошек и водки. А затем тихо закрылся в спальне, и я слышала, как он выпил из бутылки.

Потом вышел и Нейтан, тоже нетрезвый и накуренный. Тоже закрылся в спальне, обессиленно свесив по пути голову. Слишком тяжело быть сильным.

Пришла к Трою и я, прикрыв за собой дверь. Я не хотела, чтобы они видели, что я хотела сделать той беспросветной ночью.

— Привет, — прошептала я, погладив его по щеке. Вытерла лоскутом одеяла струю слюны и поцеловала в губы. Я все ещё помнила их вкус. — Как ты?

Трой тяжело повернул ко мне голову. Да, его сознание оставалось с ним, несмотря на травму тела. Он был пленник и мученик бессилия. Говорить ему было непосильной задачей.

— Милый мой, ты ведь понимаешь, что происходит?

Он несильно кивнул. Шевельнул пальцем, подзывая наклониться к его губам.

Он шепнул мне несколько слов. Всего три несложных предложения, от которых я не смогла не расплакаться.

— Я тоже тебя люблю, Трой, — я прижалась к нему губами, не веря, что все закончено. Что мой первый мужчина, так желавший для меня счастья, остался погибшим в этой войне. Что я не сумела ему помочь.

Он кивнул мне.

Я взяла пистолет и выстрелила.

Все слышали этот красноречивый звук, но остались со своим горем в стенах спален. Все знали, что это значит.

Это было спасением, но не карой. Все той ночью впервые произнесли молитву.

Я легла с Троем, и он понимающе обнял меня. Так крепко, что чувствовались все его мучения.

Не думаю, что мы смогли уснуть.

Глава 30. Как животное

— Я боюсь,
прошептала я Нейту.

— Ты мечтала об этом целую
вечность. Только скажи все самое важное.

Не трать время.

5 МАРТА, «ГРЯЗНЫЙ БИЛЛИ»

Бар, официантка, кем я стала тем вечером пятого числа, дышала через мешковину, натянутую на голову. Среди коробок и стеллажей складского помещения. Я поправила грудь, стараясь прикрыть прядями волос вставшие от предвкушения соски.

Антихристы в нокауте отлеживались по квартирам, а охранники Ковчега давно были убиты пулей в голову. Жестоко, но я не думала об их жизнях — я стремилась увидеть Дамьяна, с которым так давно потеряла связь. Я читала меню, краем глаза изучая входящих гостей.

Я также купила для моего белого ангела подарок в его двадцать третий год жизни — хирургический чемоданчик с избытком инструментов. Когда-то давно я бы не стала делать такой подарок — призывающий к убийствам. Но ныне все мы стали другими людьми. Я перестала его порицать, только поняла и приняла, искренне полюбив каждую черту его характера, будь то порок или достоинство.

Когда-то давно я бы попыталась изменить Яна, подмять под себя и вырезать того, о ком мечтала.

Когда-то давно я бы не сделала подарком побуждение убивать, не дала бы знать, что приняла его гомицидоманию.

Я запомнила его небольшую мечту о хирургическом чемоданчике. Купила самый дорогой, не жалея денег. Именно деньги стали яблоком раздора для нас, и я хотела изменить это любой ценой и любым номиналом.

Вошла компания, ведомая Дамьяном. Он был великолепен: полностью белоснежный, объятый хорошей одеждой и ароматом хвойно-сандалявого парфюма. Режущий белый цвет его водолазки, брюк и плаща в пол ударил по глазам. В темном баре он казался реальным ангелом.

Я тяжело направилась к его свету, как жалкий мотылёк.

— Добрый вечер, дорогие гости, чего желаете? — Я раздала всем по книжке меню.

И напоролась на застывший взгляд Яна. Он узнал мой голос.

Для всех них прошли секунды, но для меня — вечность существования мироздания. Его глаза все ещё были цвета яркого янтаря, родные и серьёзные. Я протянула последнее меню строго ему, взглядом намекнув на содержимое. Я оставила записку.

Мы сделали вид незнакомцев, попрытав друг от друга глаза. Я была так горда тем, что он понял мои немые просьбы не подавать вид. Горда его величием и умом.

Его соратники бросили пару шуток о моем наряде и сделали заказ. Я отнесла лист с записями другому официанту и попросила заменить меня. А сама схватила подарок и рванула к назначенному месту встречи. На задний двор, где стоял внедорожник Нейта.

Низ живота тянуло к ядру Земли, колотило сердце где-то в горле. Я никак не могла найти сил расслабиться — все нервно нарезала круги в ожидании Яна. Меня трясло от

предвкушения, я готова была взорваться в этом тягучем моменте томления. Почему-то было неловко и даже страшно.

Хлопок двери и несколько шагов в мою сторону. Я не смогла обернуться и взглянуть на моего белого ангела.

Но я прошла так много, чтобы быть там.

Руки на моих плечах. Горячие и сильные. Он обнял меня сзади, упав подбородком на макушку. Я забыла, как дышать.

— Мила, я так скучал по тебе..

— Ян, — я не сдержалась и заплакала, стесняясь собственных всхлипов и стараясь не тревожить его слезами, — прости меня.

— Я не виню тебя, мое солнце. Я был так потерян без тебя.

Я вывернулась из его объятий и повернулась, робко протягивая подарок с идиотским красным бантом.

Я чувствовала себя странно, не могла спокойно принять ситуацию и крепко обнять его. Что-то мешало, — что-то, похожее на то, что я отвыкла от его родных касаний. Мне пришлось многое пройти, и потерять бесценное в этой борьбе, но теперь, когда моя цель была достигнута, я не поверила в реальность. Все казалось ненастоящим и чужим.

Дамьян принял подарок и разорвал упаковку. Да, он широко улыбнулся. Да, я помнила, что он хотел именно это.

— Ты вспомнила наш столетний разговор? — тепло спросил он. Под его взглядом я таяла. Как воск. Сознание улетучивалось газовыми облаками, я забыла, как говорить. — Все хорошо, Мил?

Кивнула, чувствуя предательскую слезу, скатившуюся по щеке.

Я довела до апофеоза его облик, мастурбировала ночами на его пальцы и стонала его имя, но теперь боялась даже коснуться. Должно быть, слишком много времени прошло. Я встретила со своим ожившим идолом, с мечтой, и не находила сил что-то сделать или сказать. И я поняла, что великим благословением были наши отношения до того переворота.

Теперь же я не могла просто говорить с ним.

— Я чувствую тебя таким далеким, — тихо проронила я.

— Прости, — он наплевал, что я отстранялась от его рук, крепко обнял, приподняв над землей. — Я должен был найти тебя, но все твердили, что отец убил тебя. Я смирился с твоей гибелью.

— Ян... Кто сказал тебе, что меня убили?..

— Все говорили так. Я был у твоего отца. Прости, я убил его. — Он крепче прижал меня к себе. — Прости, я не смог сдержаться, хоть ты и просила не трогать близких тебе людей. Прости, мое солнце, но я не смог не отрезать его чёртову башку, когда он с улыбкой рассказывал, что собирался с тобой сделать.

— Да плевать, что он мёртв, Ян, — я обняла его лицо ладонями. — Мне теперь все равно на их смерть. Я хочу просто вернуть тебя и уйти.

— Где ты была? Почему не пришла ко мне раньше? Я сходил с ума от мысли, что твоё тело покоится где-то на дне Темзы.

Я только сейчас поняла, что он говорил со мной на английском. Я возненавидела этот язык. Англия так поменяла нас, так сильно шрамировала и без того больные души, так наплевала нам в сердца, что я чёрным гневом вспылала к этой стране, к этому бывшему другу-Лондону, извечно плачущему и тоскливому, какой была когда-то сама.

— Ян, ты сбежишь вместе со мной? — сказала я впервые за долгое время на сербском.

— Я мечтал об этом долгое время, — улыбнулся он мне, повторив переход на родной язык.

— Волим те мој бели анђеле*.

Я поцеловала его. Впервые я сумела преодолеть себя и прижаться сухими губами к его. Мои сны и грезы воплотились в явь. Я снова обрела счастье.

Мы сбежали в машину Нейтана и закрылись внутри. Я завела авто и набрала Нейта, вся дрожа и боясь возможных преград. Я искренне страшилась тех, кто способен был отобрать Дамьяна.

— Фауст, ты где? — почти закричала я от волнения.

— Слежу за товарищами Дамьяна. Все «зелено»? Ты забрала его?

— Да, мы в машине. Бери Леви и идите сюда! Пора сваливать!

Я бросила трубку и взглянула на Яна, сидящего рядом.

— У тебя появились друзья? — с заметной ревностью заметил он.

— Да, как и у тебя. Рут Галлагер, например.

— О, — отвращенно скривился он, — та ещё паскуда. Все норовилась залезть мне в штаны. Погоди, — насторожился Ян, — ты куда попала, Мила? Откуда про Рут знаешь?

— Ян, я член Антихристов. Ваших врагов.

Он хотел что-то ответить, но осекся, глядя недовольно в мои глаза. Я почувствовала себя нашкодившим ребёнком.

— Я не буду ругаться, — скорее сказал себе, нежели мне. — Просто объясни, как это, черт возьми, произошло?

— Я все расскажу, обещаю, но тебя нужно вывезти отсюда. Топор, Мясник и Кузнец ведь не отпустят тебя просто так?

— Отпустят. Мы вместе строили план побега из этой сети терроризма. Их тоже нужно забирать.

— Ты шутишь? Они твои охранники, думаешь, все ваши планы не иллюзии, чтобы втереться к тебе в доверие? Лидер их подослал в качестве слежки за тобой, Ян!

— Я знаю, Мила. А ещё я знаю, что Ричи колет всем членам Ковчеха героин под видом витаминов для поднятия духа! Мясник мне и доложил, чтобы я не подсел!

— Зачем он это делает?

— Способ удержать группу в узде. Если у членов будет зависимость, то они никуда не сбегут и, соответственно, не растрепят важную информацию в мир. Это бразды правления, контроль, Мила. А неугодных просто обкалывают насмерть. Это проще, чем марать руки в крови и объяснять группе причину смерти их товарища.

— Ян... Ты уверен в своих приятелях?

— Как в себе самом. Сегодня мы вырвались из Ковчеха, чтобы назначить дату побега. Надоело выполнять грязную работу и рисковать ради каких-то чертей, а ещё осточертело притворяться, что под героинном. Я уже в фильм могу на главную роль пойти.

— Дамьян... Если мы заберём и их, — а они наши стопроцентные враги — то спокойно бежать может не получиться. Где гарантия, что они действительно не враги?

— Я же не дурак. Проверял их много раз. Могу я хотя бы предупредить их?

— Черт, все меняется в таком случае, — я прикусила ноготь на большом пальце. С секунду подумала и решительно выскочила из машины, чтобы подбежать к окну Яна и попросить: — Кто из них самый достойный доверия?

— Локи Вестгот. Что ты собралась делать? — Он открыл дверь и поспешил выйти. Я с усилием надавила, закрыв моего белого ангела в авто. — Мила? Не молчи! Я не отпущу тебя туда!

— Не переживай, мой милый Ян, — я достала из фартука револьвер Троя, показав свою способность защищаться. Второй же я сохранила как память о его жизни. Жизни Троя, так рано закончившейся. — Я могу за себя постоять. Мясник, да? Как он выглядит?

— На меня чем-то похож. Белобрысый такой, с татуировкой на предплечье. Нет, Мила, ты не пойдёшь никуда без меня!

— Значит так, Ян, ты на вес золота сейчас, и я не имею права показывать тебя потенциальным наблюдателям. Ясно? Вот ключи. Если кто-то решит подойти слишком быстро, то гони из города. — Я отошла, но вспомнила об оружии и вернулась, открыв багажник. Бросила на переднее сиденье катану Нейтана и попросила: — Режь каждого, если придётся.

— Радмила, что с тобой стало? Ты лично просишь меня убивать? — Он схватил меня за руку, не желая отпускать внутрь «Грязного Билли». — Что ты собираешься делать?

— Ян, я не хочу больше терять тебя, понимаешь? — Я просунулась грудью в окно и обняла Дамьяна за шею, поцеловав каждую прядь его пепельных волос. — Просто будь здесь, а при случае бери катану и защищайся. Я так хочу забрать тебя отсюда и сбежать к морю. Ты же помнишь нашу мечту, да? Дом на берегу моря и собаку? Я обещаю, что мы будем счастливы, Ян. Я так тебя люблю, — я смазано поцеловала его в губы и рванулась в бар.

По пути к столику, где сидели друзья Дамьяна, я столкнулась с Нейтаном и Леви. Ударилась и чуть не повалилась на пол. Меня подняли и негласно спросили, что я собиралась делать.

— Мясник. Мы забираем его тоже.

— Ты одурела? — полушёпотом вскрикнул Леви.

— Ян сказал, что ему можно верить. Мне нужна ваша помощь.

Они переглянулись. Оба кивнули, ожидая стратегию.

— Отвлеките Топора и Кузнеца. Не знаю, как, но прямо сейчас! Я сама поговорю с Мясником.

— Нет, Оф, даже не думай, исключено! — наотрез отказался Нейт.

— Отлично, тогда я иду говорить сразу с тремя.

— Я ведь тебе потом зад надеру!

— Да, хорошо, только делай, что я сказала, Фауст!

И парни, шипя от неодобрения, умчались выполнять задание, параллельно размышляя, как это сделать. Скоро Нейтан под видом администрации бара попросил Топора пройти за ним, а Леви нарочно пролил на Кузнеца эль и вышел «поговорить» на улицу.

Я подсела к Локи.

— Айзек слишком хорошо тебя описывал, я сразу тебя узнал, — скучаяще оповестил Вестгот. — Здравствуй, Радмила.

— Знаешь, что это значит?

— Представляю.

Мы оба наклонились друг к другу. Я даже опешила нашей синхронности.

— За соседним столом сидит наш лидер и пара его шавок под герычем. Они уже начинают нервничать из-за пропажи Айзека, — прошептал он быстро.

— И что делать?

— Шавок убрать, а лидера будет полезно связать и забрать.

— Как прекрасно подвернулся случай, — ухмыльнулась я. — Мы как раз планировали его отловить, а он вот сидит, пиво потягивает. Поможешь?

— Помогу. Ребят только не трогайте, они не при делах.

— Ты про тех двоих?

— Да, которых ваши «случайно» облили и вывели отсюда. Тревор и Михаил. Они хорошие парни, тоже просто свободы хотят. Отпустите их, пусть идут домой. А меня можете забрать.

— Как жертвенно.

— Они мне как братья.

— Хорошо, я поняла. С чего начнём?

— Я выведу Ричарда покурить, а вы глушите его.

— Окей, начали тогда.

И мы зажуужжали над новой стратегией, как усердные пчёлы. Я передала сведения Леви и Нейтану, а сама караулила лидера с пустой бутылкой наготове. Не знаю, как полегли «шавки», но Ричарда я успешно вырубилась посредством удара по затылку. Локи расслабился, даже заулыбался, когда помогал грузить тело лидера в багажник. Напоследок он харкнул в его лицо и сел на заднее кресло, хлопнув Яна по плечу.

Скоро подошли и мои друзья. Леви стёр со лба брызги крови и усмехнулся:

— Малышка, а ты бомба.

— Теперь будь осторожнее со словами, — неловко попросила я, взглянув на Яна, наблюдающего за нашей беседой. Он был недоволен. — Ты уложил их?

— Ага. Пробил головы о толчок.

— Тех двоих тоже выпроводили, — уведомил Нейтан. — И? Что теперь?

— Мы сорвали куш, Дракул! — улыбнулась я. — Лидер у нас, Ян тоже, так ещё и куча информации!

— Дракула-хуякула! — захохотал Леви. — Давно я не слышал, чтоб тебя так звали!

— Заткнись, Цефей, — прогремел Нейт. — Валим теперь?

— Йеп, — кивнула я.

Мы решили рассредоточиться, отправив Леви и Мясника на такси, Нейта с лидером в багажнике в его внедорожнике, а мы с Яном рванули к мужчине, что сдавал в аренду древний «Понтиак».

Дамьян сел за руль и повёз наши уставшие тела за пределы Лондона — туда, где ждали в двухэтажном доме остальные «домочадцы».

Мой белый ангел был дьявольски красив в свете перемигивающихся фонарей пустого шоссе. Его руки сжимали руль уверенно, чуть перекатывались вены под кожей, а я все не могла насытиться его присутствием. Мой Ян был заметно уставшим, — он придерживал тяжёлую голову ладонью, опираясь локтем на дверь машины. В открытое окно рвался сиротливый поток ветра, гонявший по пустоши вокруг свежесть и чувство сладкой свободы.

Истома теплилась среди кишечника, желудка и селезенки. Гудела и свербела внутри, как паровой двигатель. То было чувство достигнутой мечты. Опустошающая тёплая слабость в теле.

— Мила, ты правда не хотела меня видеть тогда?

— Нет, я хотела тебя слишком сильно.

— Я до сих пор ненавижу себя.

— А я люблю тебя больше жизни.

Он посмотрел на меня.

— Больше жизни?

— Я готова была пожертвовать своей, чтобы хотя бы единожды сказать тебе, что люблю, что виновата перед тобой. И я жертвовала чужими. Ян, я стала так похожа на тебя..

— Ты убивала ради меня? — не поверил он.

— Почему ты так удивлён? Я ведь и раньше делала это. Помнишь того фараона в моем доме в Сербии?

— «Фараона»? Где ты нахваталась этого бандитского жаргона? А твой первый выстрел я помню, да. Но ты не хотела этого. Пришлось. Я помню, как ты ненавидела себя за убийство. Сейчас ты другая.

— Мы все стали другими в побеге за счастьем, Ян. Мне пришлось научиться, чтобы найти тебя. Было так много помех и преткновений, что пришлось и самой измениться, чтобы остаться способной противостоять этому миру. Да, пожалуй, я люблю тебя больше жизни.

Ян остановил машину у въезда в лес. Молча глядел в его чёрные недра. А я ждала слов.

— Прости, что тебе пришлось это пройти.

— Ян, ты не виновен в этом. Я боролась за мечту.

— Я должен был просто остаться с тобой тогда. Столько синяков на твоих руках, столько шрамов! — Ян ударил по рулю и вышел из машины. Я выскочила за ним, осторожно подступив рядом и сев на передний бампер. — Я ведь сразу понял, что твой отец настоящий ублюдок с сальными глазами. Он плакал, но я слышал фальшь. А ещё я знаю, что люди, ставшие когда-то больными уродами, не меняются. Он ведь избил тебя?

— Ты так переживаешь из-за моего отца?

— Я переживаю, что ушёл и не защитил тебя до того, как мы оба попали в секты.

— Все в порядке, Ян.

Я робко взяла его за мизинец и потянула к себе. Он дрожал от гнева, и я впервые поняла, насколько он страшен в этом чувстве. Но я была счастлива, ведь тот гнев был любовью ко мне. Его желтые глаза, казалось, рычали голосом преисподнии. Он был все тем же страшным монстром с несмываемой кровью на руках. Но моим страшным монстром.

Он навис надо мной, руками уперевшись по обе стороны от бёдер. Сам не свой от злобы, смотрящий в мои глаза исподлобья. Я обвила его торс ногами и примкнула губами к его губам.

Слишком горячая грудь. Я обожгла ладони, посмев запустить руку под его белую водолазку.

Но несмотря на жгучий ток мои руки продолжали петлять по его мышцам, чуть царапали кожу и старались прижать сильнее.

Губы Яна на шее и тяжелое дыхание, сопровождаемое мурашками вдоль позвоночника, взорвали мне голову, я впервые смогла выдохнуть его имя ему же в губы, прижимаясь бёдрами к тазу.

Я схватилась за шею Яна и поцеловала. Несмело коснулась языком его нижней губы, на что он прорычал, поднимая меня с бампера, и уронил на задние кресла авто, впившись зубами в шею. Я вспомнила Фауста и его тягу к крови, чуть усмехнулась, когда мой белый ангел рвал латексную униформу официантки.

Он остановился, чуть отпрянув от моего обнаженного тела, возлежащего на кожаной

обивке кресел чёрного «Понтиака». Наверное, я была красива в его одурманенных глазах: уставшие поднимающиеся мокрые груди сверкали каплями пота, похудевший живот с легко намеченными кубиками вздымался следом за грудью, и тонкие ноги подрагивали от перевозбуждения, стараясь прикрыть стыдливую наготу, лишённую трусиков. Гладкая и бледная, истекаемая соками, к которым прильнул Ян, целуя меня в грудь.

Я сорвала с его торса водолазку, бросив себе под голову, и огладила грудные мышцы. Он стал заметно тверже и внушительнее в размерах, — я поняла это, когда свет луны выхватил из жестких теней силу его спины, ее скалистую рельефность. Те крупные плечи заслоняли собой все пространство надо мной, и я различала лишь контровый свет, очерчивающий перекаты мышц Дамьяна.

Столь крупный и сильный, но с нежными пальцами, скользящими по линии моего живота вниз. Мягкие и бережливые поцелуи под ухом — я не могла не задыхаться.

Он взглянул на меня, когда ладонь накрыла половые губы, и средний палец скользнул внутрь. Я зарделась его обнажающего взгляда и потянулась за поцелуем, рукой помогая ему мастурбировать мне. Немые вздохи и жар, пылающий океаном лавы внутри. Я впервые не чувствовала холод — только неумолимое кипение и неясное жжение.

— Ян... — простонала я счастливо. Рукой потянулась к его члену. — Не томи..

Он чуть стянул с себя брюки, и давно отвердевший орган бодро дернулся, чтобы встать крепким колом. Я вспомнила его флирт в лечебнице, кажется, столетней давности: он тогда шутил про «двадцать плюс». Я улыбнулась его правде.

Он подался ко мне, примкнув головкой к клитору. И двинулся, скользя в головокружительном алгоритме, что вызывал во мне волну исступления, такую, что я терялась во времени и пространстве. Член был куда лучше пальцев, щекоча и натирая тот чувствительный бугорок, — центр женского наслаждения, сосредоточие нервов, так сильно бьющий током при касаниях.

Я кончила бы, не останови он движения. Ян поцеловал меня в горячий лоб и чуть приподнял мне таз, что пришлось обвить его ногами. Его член снова скользнул вдоль половых губ и застыл, пока Ян сплетался со мной языками и оттягивал момент пенетрации.

— Я люблю тебя, мой белый ангел, — прошептала я ему в губы.

— Я тоже тебя люблю, мое солнце, — ответил он, забирая все последующие слова.

Секунда, и член уткнулся в меня изнутри. Ему не хватало места, и я повела тазом вперёд, стараясь принять его под корень. Схватила за руки Яна и нанизала себя сильнее. Белый ангел посадил меня на себя, сильнее раздвинув мне ноги, так, чтобы войти до упора, и толкнул ещё раз.

Я схватила ногтями за его лопатки и вскрикнула. Он был жесток со мной. Наказывал за грехи. И любил, сжимая за горло.

Мучая зубами кожу шеи.

Шепча в ухо «я оттрахаю тебя, как животное».

Лишняя воздуха пылкими и неутолимыми поцелуями.

Я была столь беспомощна в его руках, так мала, насаживаемая на крупный член, что казалось, нутро мое разрывалось. Слишком грубо и страстно, — я не могла не заполнять окружение стонами.

Холодный бампер «Понтиака» стал вторым ложем для тела, где Ян взял меня снова. Он держался за мою шею и сжимал зубами кожу своего пальца, прерывая желание стонать вместе со мной. Заглушая свой рык тем длинным пальцем. Шипел и скидывал голову

навстречу чёрному небу, показывая остроту кадыка и длину широкой шеи.

Это не было сексом. Нет, он трахал меня, как животное.

Вбивал в машину, что стучали кости таза, трепал кожу зубами, что сочилась кровь, сжимал за волосы, что скальп готов был слететь сам.

*Я люблю тебя, мой белый ангел.

Глава 31. Я знаю, кто ты

Глава тридцать первая | Финал.

Машина, моя ладонь в руке Яна, пока он вез нас в убежище, ночь и вкус его спермы на губах. Мы насиловали друг друга около трёх часов, и я уже перестала чувствовать нижнюю часть тела. Так много похоти, но такое исступленное воссоединение.

Моя одежда осталась у того леса, что стал нам пристанищем любви. Я ехала в водолажке Яна, что была мне велика, но все равно не прикрывала того, чего я стеснялась показывать даже ему. Особенно ему. Он уверенно держал руль, а второй рукой грел мою ладонь, уже давно охладевшую после соития.

— Прости, я по-другому не умею, — попросил он.

— За что? Я только этого и ждала, — улыбнулась я, поцеловав его в руку, которой он держал мою. — Ты прекрасен, Ян. Я счастлива, что нашла тебя. Теперь я просто хочу уехать отсюда далеко и навсегда. А, — я вспомнила одну мелочь; вынула из сумки кольцо из платины и надела его на безымянный палец Дамьяна, — Ян, ты согласен быть моим мужчиной?

— Абсолютно.

ДОМ ФАУСТА, 3:22

Мы с Яном пришли, когда все остальные уже спали. Та комната, что считалась моей, была пуста. У открытого окна стояли пепельница и полупустая пачка Мальборо. Я села на подоконник и закурила. Ко мне молча подошёл Ян, вклинившись меж бёдер и запустив, обнимая, тёплые руки под его же белую водолажку. Он тихо сказал, дыхнув мне в шею:

— Это самая счастливая ночь в моей жизни.

— И моя тоже. Боже, как же я тебя люблю, Ян. — Я поцеловала его в висок. — Даже не верю, что ты рядом.

— Мил, зачем мы вообще приехали сюда? Надо было сразу улетать из Лондона. Они так просто не отпустят, пока мы тут. Нужно скорее уходить, понимаешь?

— Если я расскажу тебе кое-что, то ты не будешь буянить?

— Смотря что ты хочешь рассказать.

— Много времени прошло, я уже и не помню многое. Но пусть отправная точка будет от нашей... Ссоры. Я, наверное, пошла бы искать тебя уже в тот же день, но мне стало нехорошо. Неделью я провалялась в коме, или бреду, не знаю. Там вышла ссора с отцом, потому что я была «слишком большой ошибкой» в его жизни, он психанул и решил меня, наконец, убрать. Я всегда знала, что он когда-либо сорвётся, но была уверена, что потом. Тогда, когда я буду готова к этому. — Я потушила окурочек и достала ещё одну сигарету. В беседах я могла выкурить всю пачку за раз. — Тогда он меня избил и, видимо, решил расчленивать после смерти, чтобы потом раскидать по городу. Но я сиганула из окна.

— Урод! — рыкнул Ян. — Вот сукин сын, а! Я ведь подозревал, что он может что-то натворить!

— Вот так вот, да. Потом меня и подобрали Антихристы, насильно включив в группу. Я однажды сбегала к тебе в штаб на ЦКЗ, но не смогла добежать до тебя. Ты же слышал стрельбу и тревогу из-за вторжения врага?

— Так ты тоже там была?

— Да, из-за меня потом пострадали люди... И ваши, и наши. Но это все пустое, Ян.

Самое главное, что держит меня тут, — предатель, который пытался убить меня и ещё некоторых ребят. Этот кто-то из нашей же группы, и он тоже травил нас наркотиками. Я должна найти его. Только потом мы свободны.

— Этот ублюдок колел тебя героином?!

— Нет, кокаин, скорее всего. Недолго, всего неделю. Потом меня спас Нейтан. С ним тоже много историй. Например, он считается мертвым.

— Как интересно, а. — Он вздохнул. Выбросил мою сигарету и поднял, укладывая в постель. — Спи. Завтра решим.

Мы устроились на узкой постели, как когда-то давно, обнимаясь крепко, словно боялись разлуки.

—..а ты Дамьяна ножом в шею ткни... — раздался голос, что пробудил меня сразу, как я его услышала. Схватив из-под кровати катану, я навела ее на врага, покушающегося на наш сон. И жизнь. — Оф, да ты тише! — поднял примирительно руки Цефей.

— Я тебе сейчас ее в жопу воткну, Леви!

Рядом гоготал новенький в нашей банде мстителей — Локи. С банкой пива в руках.

— Доброе утро, — кивнул он.

— Локи и Леви, как мило, — фыркнула я, убирая оружие обратно. — Вы чего притащились сюда?

— Так время-то уже, извини меня, два часа дня, — усмехнулся Леви. — Дамьян твой давно уже встал.

Я оглянулась на пустую постель. Снова он встал раньше меня и пропал. Но я улыбнулась его отсутствию, ведь это было так обыденно для него, — оставить меня спать одну.

— Идите, я переоденусь.

— Да ладно, чего мы там не видели, — отмахнулся Цефей.

— Действительно, — хмыкнул Ян, оперевшись о дверной проем и скрестив руки.

Парни обернулись и неловко рассмеялись.

— Понял. Локи, валим, — Леви отдал честь и выскочил из спальни следом за Мясником.

— Куда ты всегда уходишь? — спросила я, снимая с себя водолазку.

— Лежать без сна тяжело, — он закрыл дверь и сел в кресло напротив меня. — Бессонница все ещё со мной.

Я прошла мимо, нарочно надевая трусики совсем рядом. Кокетливо повела бёдрами и покосилась на него. Ян, конечно, сжал челюсти и сглотнул, стараясь поддерживать зрительный контакт и не опускать глаз ниже. Я усмехнулась и села на его колени, обняв за шею.

— Как ты спал все это время?

— Напивался.

— Я найду любые таблетки, чтобы тебе помочь.

— Да мне хватает просто твоего присутствия. Я счастлив, милая моя Мила. Помнишь, ты хотела сбежать со мной? Давай просто уйдём отсюда?

— Пока не могу. Но я так не хочу рисковать тобой, Ян! Мне почему-то кажется, что с тобой что-то может произойти, если ты останешься со мной.

— Мила, не забывай, что я мужчина. Это я должен защищать тебя.

— Я боюсь тебя втянуть в проблемы, от которых мы оба пострадаем.

— Да все равно. Я останусь с тобой до конца. — Он легко чмокнул меня в нос. — Так

что даже не думай лезть на рожон. Я убью каждого. Ни один не сможет причинить тебе вред. Оставь всю работу мне, ты заслужила отдых.

— Нет, Ян, я не могу позволить тебе рисковать. Я слишком боюсь тебя потерять. Этого я точно не смогу пережить.

— Почему ты так беспокоишься?

— Потому что это будет война, Ян. Мы нападём на ваш штаб следующей ночью.

— Нет, ты не идёшь. Зачем тебе это делать, Мила?! Ты хоть знаешь, сколько там людей?!

— Моя первая и последняя миссия. Мы уничтожим Ковчег и Антихристов. Я знаю, что делать.

— Нет, я не отпущу тебя!

— Ян! Не противься!

Мы расселись за столом. С Дамьяном я повздорила, потому села рядом с Фаустом. Пять человек, уже готовых сбежать и стать свободными, но все еще жаждущих мести и финала. Я встала и сказала:

— Ввожу в курс дела новеньких: мы — члены группировки «Антихристы». Не предательство и лживость вынудили нас пойти против агента и всей группы, поэтому все мы здесь, — в новой группе мстителей. Ни к чему официоз, я думаю, потому сразу к делу. — Я прошла вокруг стола. Почувствовала себя Эсфирь и новым лидером. — Лидер Ковчега у нас. Нейт, Леви, вы будете выбивать информацию об их агенте и героине. Я, если тот не выдаст дилера, лично пойду пробивать всех, кого найду по Лондону. Наш антихристский иуда в любом случае будет найден.

— Зачем искать дилера? — нахмурился Ян.

— Чтобы узнать, кто из наших покупал дурь и травил своих же.

— А наш агент вам зачем? — добавил Мясник.

— Я подозреваю, что вашему агенту будет полезно, если Антихристов больше не будет. Может, заручимся его поддержкой?

— Ее, — поправил Дамьян.

Мы все взглянули на него.

— Это девушка. Молодая, со свастикой над грудью.

Мясник покачал головой:

— Нет, это дедок лет шестидесяти. Самуил его зовут.

— Нет, молодая девушка, — подтвердил Ян. — И ее зовут Гера.

Оба они нахмурились.

— Леви, ты проверил пальчики на бутылке? — спросила я.

— Результат пока не пришел.

— Я не понимаю, — вскинул руки Мясник. — И на кой нам пальчики с бутылки? Я, вообще-то, жду той части, когда вы скажете, как избавиться от Ковчега!

— Сначала мы разберемся с нашим иудой, а уже потом разобьем ваших, — ответила я сурово. — Мы с Леви пока едем в штаб, а вы трясите лидера. Из подозреваемых у нас Морган и Эсфирь. И агент.

На том я забрала Цефея, и мы рванули в штаб. Немезида была плоха и явно очень обеспокоена чем-то.

— Эсфирь, выглядишь отвратно, — усмехнулась я. — Тебя что, Трой тоже на кокс

подсадил? Кстати, где он?

— Мы ищем, — подбоченилась Эс. — Я звонила ему, он сказал, что в порядке.

Я горько поджала губы.

— Какое счастье, — криво выронил Леви. — Мы так рады!

— Он будет участвовать в захвате Ковчега? — спросила Морган.

— Нет, он не в городе, — уверила Эсфирь. — Решил взять отпуск. Все в порядке.

— Хорошо, что ему хорошо, — улыбнулся тяжело Леви. — Пусть отдыхает, он заслужил.

— Тем, что пил последний месяц? — надменно скорчилась Эс. — Он безответственный.

Леви видел, как я закипала. Схватил меня на руку, когда я хотела спустить всю обойму в лицо лидера. Она так нагло врала нам в лица, чтобы казаться сильной и невозмутимой, чтобы никто не смел принижать ее статус. Я все еще помнила лицо Троя и слезу, что он пустил перед тем, как я застрелила его.

Слишком тяжелая ноша. Слишком сложная просьба.

— О, а мне пришли результаты, — Леви заглянул в телефон. — Вызывают забрать бумаги. Тут не сказано, чьи отпечатки и что за наркота. Я погнал тогда. Оф, я тебя заберу после собрания.

Я кивнула. Он показал мне жест «долбоеб, не бузи». Или иначе «не поднимай ссор».

— Так, и что делаем? — вздохнула я.

— Завтра в полночь выходим на штаб в ЦКЗ. Леви на подмоге, Раэна со мной к лидеру, а ты, Оф, на шухер в крыло «С». Оттуда могут повалить остальные на помощь лидеру. Как вырежем верхушку, так просто взрываем всех бесполезных шавок и уходим.

— Где встречаемся?

— У ворот на завод в двенадцать сорок пять.

— Хорошо.

Нейт и Ян недолюбили друг друга с самой первой встречи, но вместе хорошо справились, выгнав у пленника имя дилера, к которому я и поехала сразу после собрания. Леви забрал меня и увез далеко в недра Уайтчепела.

— Думаешь, этот Уильям так легко сдаст покупателя? — спросил Цефей.

— Нет, но я отрежу ему хер, если придется, — сказала я. — Так и что с результатами?

— Все потом. Иначе ты захочешь стрелять и сделаешь не те выводы.

— Я уже хочу ударить тебя в глаз, Леви.

Мы следили за притоном, где собирались наркоманы со всего района. Скоро заметили высокого парня в черных очках и рванули за ним, схватив пистолеты. Догнали и повалили на землю, чтобы шустро связать руки и загрузить в багажник машины.

Уже отъехав за город, мы выпустили его и избili. Оказалось, он готов был ответить на все наши вопросы с самого начала похищения, но мы уже выбили все его зубы и переломали пальцы рук. Уильям дал нам портрет того, кого мы искали, и попросил не убивать.

Леви отдал мне бумаги с результатами анализов, посадил в такси, а сам увез покалеченного парня в больницу. В такси я прочла то, что стало вторым пазлом.

Нет, уже третьим. Трой перед смертью шепотом дал мне первый кусочек.

Я знала, кто это.

И так удивлялась, что все оказалось так просто.

Глава тридцать вторая.

Я стояла у ворот во вражеский штаб, ожидая остальных. Вторым прибыл Леви, кивнув мне. Он тоже знал, и глазами показывал, что готов закончить все это.

— Так, все на месте? — спросила Эсфирь. — Помните, кто куда? Офелия, не перепутай крыло «С» и «S». Подмога побежит в первое.

— У меня хорошо с алфавитом, не переживай, — огрызнулась я. — Вы справитесь?

— Разумеется, — улыбнулась Морган.

Я удивлялась ее беспечности в той обстановке. Ей было все равно на то, что мы шли на амбразуру, что ее верного друга не было с нами той ночью. Морган знала, что он мертв. И так наивно радовалась лапше, что вешала прошлым утром Эсфирь.

Мы рассредоточились по зданию. Мои руки крепко держались за рукоять катаны, а слух наострился на предмет опасности. Я вжалась в тень, скользя за Разной и Эсфирь. Крыло «С» осталось далеко позади.

ПРОШЛОЙ НОЧЬЮ

—..Говори, ублюдок! — Дамьян ударил лидера в промежность. — Как же давно я хотел тебя убить, урод!

Ричард отхаркнул кровью и заорал бешено:

— Да пошёл ты нахуй! Выпусти меня отсюда, сейчас же!

— Говори, кто наш агент!

— Сосни себе!

Снова Ян ударил, но противный смешок лидера вывел моего белого ангела из себя. Он схватил лом и повалил пленника вместе со стулом. Зарычал, схватив Ричарда за волосы:

— Кто наш ебучий агент?!

— Пошёл ты, — прошептал лидер.

И Дамьян порвал брюки бывшего начальника, чтобы после воткнуть в его анус лом. Наверное, раньше я бы не смогла даже смотреть на эту пытку, но ныне я подошла ближе, присела и спросила:

— Ты же не хочешь сдохнуть от порванного зада, так?

Ричард плюнул в меня, не прекращая вопить от вторгшегося в кишки лома. Ян толкал его слишком сильно и глубоко. Металл выходил наружу в смазах крови.

— Остановитесь! Хва-атит! — орал он мне в лицо.

— Сначала скажи. Что ты упрямишься, баран?

СЕЙЧАС

Я наткнулась на ассасина из Ковчеха, шныряющего вслед за Морган и Эсфирь. Это была женщина в балаклаве с кошачьими ушами. Я заметила ее поздно, потому разгорелась драка. Моя катана против ее стилета.

Она прыгнула на меня, отталкивая в бетонную стену, а после занесла кинжал над моим горлом. Я увернулась ей за спину, перекатившись по битому стеклу, и вонзила лезвие в ее хребет, хрустяще провернув по часовой стрелке два раза. Та простонала и завалилась ниц на мусор заброшенного завода. Ещё дышала, потому я схватила ее за волосы и подняла, чтобы после опустить с силой лицом в осколки и куски ржавых балок.

Порезы на коленях неприятно жгло, и мне пришлось обратить на них внимание. Я

вырвала кусок застрявшего стекла и рванула догонять товарищей.

Заметила двух ковчеговцев, сидящих в засаде прямо на пути Морган; Эсфирь я не обнаружила. Раэна выскочила вперёд, зацепив ногой леску, и повалилась на бетонный пол. Из тени вышло более, чем двое. Врагов было шесть.

Морган кувыркком увернулась от первого выпада, но второй удар избежать не смогла: тесак резанул ее плечо. Я схватилась за перила второго этажа, где находилась, и прыгнула на первый, где приземлилась на тело врага, прибив того к земле. Экстренный спуск и для меня был плачевен — я так хорошо ударила стопы, что по ногам прошлась глухая боль и лишила меня координации.

Осталась бы без головы, если бы подоспевшая Морган не дернула меня за руку. Мы негласно кивнули друг другу, когда я показала жест «сука, прижмись ко мне жопой». Или иначе — «защищай мне спину». Лопатками я чувствовала лопатки коллеги. И обе мы устремились рывками на соперников: я взмахнула катаной наотмашь, почти отрубив голову самого плотного из ковчеговцев, а Раэна метко попала ножами в глаза двух других по ее стороне битвы. Тяжелая лысая голова мужчины повалилась вниз, порвав лоскуты кожи, что пытались ее удержать на шее. Меня забрызгало из артерий. Ещё взмах — и соседний противник полёг с прорезанной гортанью. Из чёрной дыры надувались кровавые пузыри, и видно было, как умирающий пытался глотать.

Вдруг боевой клич позади заполнил коридор. Мы обернулись.

— Твою мать! — выругалась Морган, чуть плотнее прижавшись ко мне спиной. — Оф, ты должна была следить за появлением подмоги! Ты что тут делаешь?! Ещё и мою катану взяла! Тебя прирежут!

— Если бы я осталась в крыле «С», то вот точно бы валялась с дырой в башке!

— В смысле?!

— В самом прямом! Леви! — закричала я, надрывая связки. — Дава-а-ай!

И прогремел взрыв, поднявший облако пыли в воздух. Нас отбросило на пол, и я поспешила закрыть Морган лицо. Полетели бетонное крошево от стен и ржавые железные щепки, поцарапавшие мне щеки и открытые кисти рук. Потом пространство засквозило жареной плотью, запах которой был столь густым и осязаемым, что мы задохнулись. Я подхватила Морган и вывела в другой блок здания.

К нам ввалился Цефей с противогазом на лице, модернизированным под стимпанк. Он выстрелил в кого-то позади себя и подскочил к нам.

— Целы? — Он проверил наши лица. — Там ещё толпа рвётся, я их подорву, а вы бегите вперёд.

— Что вы мутите? — Морган вытерла засыпанные песком глаза. — Это вообще не по плану!

— Морган, ты ещё не поняла, что мы сюда пришли не за жизнь бороться, а чтобы нас убили? — рыкнула я, чуть тряхнув ее за плечи. — Неужели не поняла, что в группе неладно? Трой умер, ты знаешь?

— Я... догадывалась. Но ведь Эсфирь сказала, что он в порядке!

— Умер он, Раэна, умер! А знаешь, почему?!

— Почему?

— Потому что в группе предатель!

— Кто?!

ПРОШЛОЙ НОЧЬЮ

— Не может быть, — прошептала я, когда Ричард, наконец, рассекретил личность агента. — Так ты знал ее, Ян?

— Да, она привела меня в Ковчег.

— Ты понимаешь, что это значит?

— Осталось понять, на кой черт она это делает. — Нас прервал звонок телефона Ричарда. Тот стелился по полу без сознания, изнасилованный сначала ломом, а после — острым багром. Его лицо было вымазано дерьмом и кровью, в луже из которых он и лежал. — Этот уже вырубился. По этому телефону он говорил только с агентом и своей правой рукой.

— Надо привести его в сознание, чтобы он поговорил.

— И что он скажет?

— Сначала пусть успокоит их, что он в порядке.

— Разумно.

Ян вынул из зада лидера багор и отбросил в сторону. Кошмарно порванный анус кровоточил, и когда Дамьян поднял Ричарда, то прямая кишка вывалилась и с плеском шлепнулась на стул. Розово-фиолетово-алая, похожая на огромного дырявого червя. Дыры те были оставлены остриём багра, что любезно купил нам Леви. Я плеснула нашатырь в лицо пленника, и тот пришёл в себя.

— На, скажи, что в порядке, — Ян сунул ему телефон.

— А-алло, — слабо прохрипел Ричард. — Да, агент, и тебе привет. — Он с ужасом смотрел в наши жестокие глаза. — Я просто забухал. Да, помню, что завтра будет. Скоро приеду. Отбой.

— И что же, вы знали, что Антихристы нападут завтра? — спросила я, скрестив в неудовольствии руки. — Какого черта?

— Это естественный отбор.

— Какой нахуй отбор! — Ян ударил кулаком в челюсть. Ричард снова перевернулся вместе со стулом, смешно дёрнув ногами. — Мы для вас кто?! Звери?! Мила, неси бензин! Сил больше нет моих!

— Вы же обещали отпустить меня! — забегал он глазами, как прижатая кошками мышь. Его же кишка упала ему на лицо. — Айзек, ты что сделал со мной?!

— Естественный отбор для чего? — я взяла Яна за руку, прерывая тем его злобу, и подошла к Ричарду. — Мы поняли, что стычка спланирована с самого нашего приезда, но ради чего?

— Чтобы отобрать лучших! Она собирает армию, чтобы повторить успех Гитлера!

Я непонимающе улыбнулась, скорее не от смеха, а от глупости сказанного. Яну тоже мечта агента показалась сказочной и исключительно недостижимой.

— Гитлер в конце концов помер, а немцев прижимают до сих пор. О каком успехе речь? — насмеялся Ян. — Вы серьезно? Армия нацистов-фанатиков?

— Гера не просто богатая шишка. Она хочет устроить мировую войну, как в тридцать девятом. Вы ещё не поняли что ли? Она просто такой же исполнитель, как и я. Над ней сидят президенты стран, которым выгоден переворот и смена власти по миру! Я и ваш «иуда» просто пыль, на которой будет построена армия. Просто сборщик достойных.

— Причём тут естественный отбор-то в итоге? Ну, вырезали бы мы Антихристов, они — нас, а дальше? — не понимал Ян. — Куда я попал... — покачал он головой.

— Лучшие станут особой командой, которыми будет лично руководить новый

правитель мира. Во всех странах есть агенты, которые собирают по городам группы, а лучших ребят высылают на службу мирового масштаба. Ты тоже должен был пройти инициацию, и тебя бы направили в Россию для шпионажа. Ты хоть представляешь, кем мог стать, Айзек?

— И в тридцать девятом были такие «агенты»?

— Конечно! А ты думаешь, почему та же Америка осталась в победителях? Если бы не работа наших шпионов, то Германия бы трахнула всех в жопу. Там и подтасовка фактов, и кража важных документов, и правильная пропаганда, и ложные вести. Миром тихо правят такие, как мы. Все не случается просто так — у всего есть выгода, особенно у чего-то глобального. Парень, это истинная алчность.

— И что запланировано на завтра? — вмешалась я. — Вы специально устроили войну двум группировкам, хорошо. Вы хотите, чтобы мы убили друг друга сами, а лучшие остались вам на блюдечке, хорошо. Но теперь говори, какой у вас план! И поверь, если соврѣшь, то багром в заднице ты не отделаешься!

— Поклянитесь, что не убьете! Я скажу, только обещайте, что дадите бежать! Я ведь и сам мишень в этих игрищах, поймите! Я тоже жить хочу!

Мы с Яном переглянулись.

Я решительно помогла Ричарду принять нормальное положение — сидя на стуле, и срезала путы на руках.

— Хорошо, я клянусь. Ричард, и ты пойми наше желание жить обычной жизнью. Давай хоть в этом мы поможем друг другу? Мы тебя залатаем и тихо посадим на самолёт куда-нибудь в Аргентину, а ты дашь все, что поможет выжить и нам.

— Х-хорошо! Тогда слушайте! Мы точно знаем, какими путями вы пойдёте, потому что она принесла нам план вашего передвижения..

СЕЙЧАС

— Что?! Вы серьезно? Гитлеров «успех»? Это смешно!

— Да, Морган, это не просто «группа мелких террористов», как мне когда-то сказали. Это огромная секта, поклоняющаяся мировому господству и нацизму! — рыкнула я. — А знаешь, почему мы не шутим?

— Почему?

— Потому что лидер, за которым так спешит Эсфирь, уже давно сидит в нашем убежище.

— И спешит Эсфирь не чтобы убить его, — главного врага — а потому что он ее напарник, — наконец сказал Леви.

— Да, Морган, ваша любимая «мамочка Эс» все это время была врагом, — сказала я. — С самого начала я чувствовала, что она та ещё гнида, а вы всё целовали ей ноги.

— Но Эсфирь не такой человек! Она же пришла к нам совсем невинная! Она была такая добрая!

— Да, — кивнул Цефей, — а потом ей предложили власть и кучу денег. Кто же устоит от таких ништяков, а?

— И зачем ей все это? — почти плача, спросила Разна. — Почему она отправила нас сюда, хотя знала, что нас убьют?

— Потому что мы должны быть их развлечением, — рыкнула я.

— А если более серьезно, — поправил меня Леви, — потому что они хотят, чтобы мы сами убрали друг друга, а лучших сразу доставили в апартаменты Рицемары. Был ещё план:

Эсфирь и Ричард смотрят за нами, проверяют способности, самых лучших отдадут Рицемаре, а идиотов лично убивают. Но это долго и затратно. Вдруг кто-то не захочет, чтобы его убивали, — а никто не захочет — и убьёт ту же Эсфирь? Проще, когда мы сами оставим им после войны самых способных.

— А мы с Яном стали тем яблоком раздора! — вскрикнула я злобно. — Нас специально сунули по разные стороны баррикад! И Эсфирь специально запрещала мне встретиться с ним, чтобы я начала нарушать правила и после всего этого устроила войну! Она знала, эта чертова сука, что я не смогу сидеть терпеть! И она знала, что я пойду туда. Это был их план, поэтому за мной никто и не следил!

— А наркотики? — зажато спросила Морган.

— Эсфирь. Она так мило заботилась о Трое, хотя лично подмешивала ему в алкоголь кокаин! Смотрела, как он умирает! И ей было плевать!

— А Трой..

— Да, он мёртв. Но сейчас будет ещё больший сюрприз, — я достала рацию. Сказала: — Блок «В». Комната управления.

— А ты в итоге... вернула Дамьяна?

— Да. Он остался в убежище. Все в порядке.

— Я рада за тебя. Трой хотел тебе помочь, мне жаль, что он не дожил до этого момента.

— Всем нам жаль, — ответила я. — И очень больно.

— Особенно жаль, что я так и не смог с ним поговорить, — донёсся голос Нейтана за спиной Морган. Она неверяще обернулась, зная, кто стоял рядом. — Привет, Ран.

Она молча бросилась к нему в объятия.

— Нейтан! Я не верю! Ты жив! — Морган прыгнула на него, хватаясь за шею. А я видела, как он просиял. Как тепло и любовно он поймал ее, и как нежно поцеловал в лоб.

— Морган, я давно хотел сказать тебе... Что я... Ну..

— Я знаю, что ты хочешь сказать, — тихо проронила она, явно плача. — Я тоже тебя люблю, Нейтан.

Мы с Леви вышли из помещения, желая дать им хоть одну минуту спокойствия. Я чиркнула спичкой, подкуривая сигарету. Цефей сказал:

— Пиздец. Здесь должен был быть ещё и Троян.

— Да, должен был. Мне тоскливо в душе без него. — Я чуть было не расплакалась, вспомнив его последние слова, слабо сказанные мне в ухо.

Он прошептал всего три предложения, которых я забыть не посмею.

«Эсфирь сыпала».

«Я люблю тебя».

И самое пронзительное, от чего я хотела рыдать: «Убей меня».

— И куда мы потом? — перебил мои душевные рыдания Леви.

— На свободу. А потом мы вернём им должок.

— Эсфирь я убью сегодня. Эта сука... Я даже слов подобрать не могу, блять!

— Да, она умрет сегодня. Это точно. Я вспорю ей живот, клянусь!

— В очередь тогда вставай. Ну, — он глянул на часы, — пора. Сейчас они, думая, что мы в блоке «А», рванут через соседний пролёт. Нам надо быстрее бежать к детонатору.

— Окей, — я нырнула головой в помещение, где застала страстный поцелуй и чуть смутилась. — Ребята, потом! Быстро, за мной! Мы тут не сдохнем!

И мы двинулись вперёд. Я на бегу достала револьвер Троя и замкнула нашу цепь,

оставшись позади группы. Целью было прорваться из здания живыми и убить Эсфирь, за которой мы и пришли в этот заброшенный завод. Выбить информацию о Рицемаре и пристрелить, чтобы потом спокойно бежать из города и временно забыть обо всем, что мы потеряли и что получили.

Леви приказал нам бежать вперед, а сам остался ждать врагов у коробки с детонатором. Нейтан поцеловал Морган в лоб и рванул исполнять свою задачу, а я подцепила ее за руку и повела за собой.

— Куда мы? — спрашивала она, еле догоняя меня.

— С той стороны сейчас прорвется ещё толпа, если ее не убрать, то Нейтан погибнет. Он идет в другую сторону, там тоже несколько сторожил. Если мы сейчас пропустим, то они пойдут как раз на Нейта, а там он один уже не справится с таким количеством.

— А не проще просто поймать Эсфирь и свалить отсюда?!

— Проблема в том, что она сейчас пробирается сквозь толпу в самый центр. Она не знает, что Ричарда там нет, потому свято верит, что, добравшись до туда, будет спасена от ковчеговцев. Мы сейчас должны либо догнать ее, либо уложить всех, чтобы ее не прикончили раньше времени.

— Да пусть сдохнет!

— Нам нужно узнать, кто такая наш агент! Иначе это все бессмысленно!

Мы на лету завернули за угол, где я налетела на мужчину из вражеской группы. Тот пошатнулся, и мы оба завалились наземь. Морган сразу рванула в эпицентр массы, а я наперегонки с тем мужчиной поползла за катаной. Как в идиотских боевиках он оттащил меня за ногу, и я почти схватила оружие, но смогла лишь ободрать колени и ладони, когда оказалась на метр дальше от своей катаны.

Но это не был фильм, где все главные герои остаются счастливы и здоровы. Нам хотелось быть хотя бы живыми.

Он схватил меня за череп и безжалостно ударил об землю. Я почувствовала, как стеклянное крошево разрезало мне кожу головы. Как банка от консервов с варварски открытой острой крышкой рассекла мне висок. И как застряли зубцы в тонкой кости, скрежет от которых слышался слишком громко.

Я пнула его между ног так, что лопнуло яйцо. Я убедилась в том после — когда оттолкнула от себя, выдрала из своего виска ту жестяную банку, и, схватив разбитый кирпич, раздавила его голову. Я била до тех пор, пока не обломала себе ногти и не содрала кожу с пальцев; до тех пор, пока вместо лица на меня не посмотрели раскрошившиеся лицевые кости и раздавленные глазные яблоки. Его череп стал напоминать плоскую лепешку, пока жидкие красноватые мозги вытекали, как жидкое дерьмо, через трещины и сколы. Комок чего-то липкого прилип мне на лоб, я предположила, что это был кусочек продолговатого мозга с осколком хряща.

Я встала, оперевшись о катану, и брезгливо прорезала брюки убитого над бугорком из члена и яиц. По ногам стекала кровь, а яйцо действительно лопнуло, круглым розовым комком выступив из волосистой кожи мошонки. Я плюнула туда и оглянулась. Вовремя, как оказалось: Морган не справилась, и над ней глумились двое из оставшихся живых ковчеговцев. Один толкал пистолет в ее рот и ржал, пока второй нашаривал под брюками ее вагину. Отвратительные создания, совершенно мерзкие и недостойные жизни. Я резанула первого по запястному суставу, и рука с пистолетом упала на колени Морган. Она быстро среагировала, схватив оружие и выстрелив в того, чьи руки пытались найти ее клитор.

Я рухнула рядом, оттолкнув тела убитых. Уронила свинцовую голову ей на плечо и закурила, выбросив пустой коробок от спичек.

— Ты вся в крови, — слабо прохрипела она. — Жить будешь?

— Буду, все нормально. — Я протянула сигарету ей. Она затянулась из моих рук. — Сейчас Леви должен подорвать их. — Я взглянула на часы. — Уже скоро. После взрыва будет время подумать.

— Ты плохо выглядишь, Оф. Дай я посмотрю.

Я подняла голову с ее плеча и позволила осветить на себя фонариком. В темноте я не замечала, что в глазах двоилось, но при свете поняла, что состояние мое было хуже, чем я ощущала.

— Тебе висок пробили, — испугалась Морган. — Оф, я вижу через щель твои мозги!

— Это та сраная банка, — устало выдохнула я. — Меня приложили головой прямо на острый край. Всегда боялась этих жестянок.

— Ещё раз ударят, и ты труп.

— Запомню. — Прогремел взрыв. Я снова закрыла собой малышку Морган, боясь, что ржавые балки полетят на неё. Но кроме поднятой пыли ничего не случилось. — Порядок?

— Да... — она тяжело огляделась, — да. Оф, не переживай за меня. Спасай себя в таких случаях, хорошо?

— Ты мой друг, Морган. Я не могу допустить твоей смерти. Троя я уже потеряла, не хочу терять и тебя. Если я в силах, то я буду это делать до последнего!

Она обняла меня. Неловко поцеловала в губы. Чуть серьёзнее, чем могла целовать мать, но не переходя за грань. Уткнулась лбом в мой и сказала:

— Ты стала такой сильной. Я горжусь тобой, Оф.

— Обещаю, мы выберемся отсюда живыми.

Мы поднялись и побежали дальше. По плану должны были встретиться с Фаустом, но пустые коридоры сменяли коридоры, и я поняла, что что-то случилось. Плюнула на головокружение и вкус подступающей рвоты, сжала крепче рукоять и побежала быстрее.

Мы ворвались в зал, где Нейтан добивал врага в рукопашную. Я успокоилась, но Морган вдруг сорвалась на бег, обнажая свои клинки. Миг, и пуля пробила ее грудь. Морган не успела добежать до ассасина, затаившегося в темноте — она рухнула на колени и простонала что-то о том, что в порядке. Я выстрелила в ответ, попав в шею противника, и кинулась к Разне, уже упавшей лицом в камни.

— Морган! — завопила я, падая рядом и хватаясь за ее плечи, чтобы поднять.

Как в бреду. Я не чувствовала ни боли, ни слабости, ни того, что меня могли убить. Я закричала ей что-то, смахивая с лица грязь, но не понимала, что кричала и о чем умоляла.

ПРОШЛОЙ НОЧЬЮ

— Нет, Ян, ты не идёшь! — зарычала я ему в лицо. — Слышишь меня?! Не идёшь!

— Я не отпущу тебя туда одну! — он дрожал от злобы. Такой лютой, что мне было страшно с ним спорить. Но я не имела права рисковать его жизнью. Я готова была взвалить все на свои плечи, лишь бы мой свет остался гореть. Мой Дамьян остался жить. Я готова была отдать свою жизнь, но не отдавать его. — Мила! Я тебя свяжу!

— Да услышь ты меня! Я справлюсь, слышишь? Поверь мне и останься тут! Я умоляю тебя!

— Нет, даже забудь думать о таком! Серьезно, Мила? Ты пойдёшь воевать с Ковчегом?! Прости, но ты слишком самонадеянна!

Он схватил меня за плечи и прижал спиной к стене. Я оскалилась, вывернувшись из его хватки, и зашипела в лицо:

— Я иду туда!

— Нет! — рыкнул он в ответ.

Я толкнула его в грудь, он развернул меня и снова прижал к стене, заломив руки за спиной. Я беспомощно дернулась, прижатая лицом в белые обои, но продолжила шипеть на него. Так глупо, но его руки, скользнувшие в злобе по моему животу, чуть поубавили пыл. Я недовольно подалась ягодицами к его паху. Ян понял это правильно. Или нет.

Ладонью проник под брюки и спустился вниз. Я запыхтела, пытаясь вывернуться, но Ян толкнул меня и вжался телом сильнее. Его губы щекотнули мне мочку уха. Лопатками я ощутила силу его сердца — оно билось так ярко, что гулко стучало по моим костям. Мне не оставалось ничего, кроме как сдаться. Расслабила бёдра, и Дамьян смог скользнуть под ткань нижнего белья. А там пустил пальцы дальше. И глубже.

— Ян, не здесь.

— В доме все равно пусто, — сказал он и задрал мне руки наверх. — Или ты не хочешь? — Он стянул брюки и сквозь трусы прижался наливающимся членом ко мне. Слишком высокий — мне пришлось встать на носки, чтобы потереться ягодицами. — А, Мила? Не хочешь?

Я хмыкнула рассерженно. Он улыбнулся.

Стянул брюки и с меня.

— Ян, ты больной человек, — бросила злобно я. Хотела толкнуть его, но он крепче сжал мои руки над головой. — Ты извращенец.

— Я? — рассмеялся он, пустив член меж половых губ. — А не ты ли от обычных касаний возбуждалась? — Недолго скользил по клитору, чтобы после резко войти полностью.

С моих губ сорвался удивлённый стон.

— Ты красиво стонешь, Мила, — выдохнул он мне в шею. Я отвернулась. — Что мне нужно, чтобы ты кричала?

Я промолчала, хмурясь.

— Не-ет, молчание не прокатит, — он снова толкнул меня. Я промолчала снова, хоть далось это нелегко. — Тогда я буду злым сегодня. Наш первый секс был цветочком. Второй ты запомнишь навсегда.

Я прикусила губу в ожидании. Почему-то стало страшно.

— Ты же не будешь багром меня насиловать? — не сдержалась я, тихо пискнув.

— Нет, конечно, — дернулся Ян, как от пощечины. — Ты с ума сошла?

Снова он двинулся внутри. И вдруг взял такой темп, что я не смогла не кричать. Слишком стремительный, слишком жестокий, слишком неостановимый. Ян лупил меня по ягодицам так, что я переставала чувствовать кожу, и он душил меня по-настоящему, что перед глазами темнело, а губы щипало.

Он не входил, но испытывал мое тело на прочность. Мои волосы в его руках, сжатые и натянутые, что ныла кожа головы и щёлкали вырвавшиеся с корнем прядки. Ян вдавливал меня в стену, не останавливался ни на миг, и смазка бесконечно сочилась на пол. А когда его пальцы собственнически надавили на клитор, то я издала самый протяжный вопль и стон за всю свою половую жизнь.

— Я-Ян, я хочу, чтобы ты тоже стонал, — попросила я. — Меня возбуждает твой голос.. Дамьян усмехнулся той просьбе и перестал молчать — он тоже застонал, вгоняя в меня

член. Шипел и выдыхал так похотливо, что я всецело забывалась в его объятиях. Красивые хрипы, полные чувств и сил, заставили кончить. Я будто нырнула в прорубь, но водой была лава.

— Я слишком тебя люблю, чтобы отпускать, — сказал он, пуская в меня горячую сперму.

СЕЙЧАС

— Оф, иди вперед, — попросил Нейтан. Он поднял Морган на руки. — Я на выход. Справитесь? Почти все готово.

— Д-да, — кивнула я непонимающе. — Все нормально, иди. Разберусь.

Я поднялась и побежала в другую от товарищей сторону. Мне оставалось только убить Эсфирь. Я обратилась к Леви через рацию:

— Цефей, ты тут?

— П-привет, О-Оф, — мокро прохрипел он. — Я-я прочистил д-дорогу.

— Что с тобой?

— Три п-пули.

— Черт! Леви, я иду!

— Н-нет, иди к Эсфирь! Я ж-же не просто т-так рисковал?

— Леви!

— И-иди, Оф.

Я закричала снова, но рация больше не говорила со мной. Я зарыдала, решая, куда идти.

— «Если я пойду за Леви, то упущу Эсфирь, а если пойду за ней, то Леви умрет», — мысли летали так быстро, что я не могла сконцентрироваться и заставить их молчать. — «Но я могу сделать и то, и другое, но ценой жизни. Если я вытащу Леви и пойду сквозь набравшую толпу в одиночку, то умру, но есть вероятность, что поймаю Эсфирь и успею доложить по рации все, что она расскажет. Но слишком много риска! Черт, зачем мы вообще ее отпустили?!».

Я не знала, куда идти. Не могла бросить Леви и не могла упускать Эсфирь. Ничтожество.

— Оф, иди в-вперёд, — попросил голос из рации. — Я знаю, ч-что ты стоишь. Я горжусь тобой.

И я побежала.

Эсфирь нашла в зале столовой и молча ступила к ней навстречу. Она обрадовалась, увидев меня. А после вскинула пистолет и подмигнула правым глазом. Выстрел.

Я была так наивна и сентиментальна, когда считала, что главные герои не умеют умирать. Что я была главным героем.

Я хотела простого счастья, что в борьбе за это стала терять человечность. Стала таять, меняться и переплавляться в урода. Но мы, уроды, так жаждали спокойствия. При словах «счастье» я начинала рыдать, ведь это было именно то, чем жизнь меня обделила. Я нашла себе счастье искусственно, — тем светом был Дамьян. И так больно было закрывать глаза, зная, что он жив, но увидеть его напоследок я не сумела.

Я презирала кровожадность и боялась убивать, но в борьбе за любовь это были те компоненты, которые сделали меня сильной. Наверное, теперь я даже благодарна себе за уродство. Оно лишило меня боли, таящейся внутри слишком долго. Я научилась не болеть. Не истекать кровью перед зеркалом ванной и не резать себя бритвой.

Я научилась резать других. Слишком эгоистично и аморально, но в конце концов...

плевать.

Не мы менялись, — нас менял мир, терзая чистые умы и вырезая из нас больных отродьев. Я тоже была чистым умом, но прожитая жизнь в вечном поле боя объяснила, почему я пришла к жестокости. Как я получила гомицидоманию.

Я была здорова, но тленные умы и жестокие руки сотворили во мне дыру. Я была убита ещё до рождения. Мы все были заранее убиты, уже в чревах матерей мозг наш изгнивал и источал вонь. Бессмысленно быть здесь — в мире нет резона даже существовать.

И причина — мы сами, так сильно растлившие себя же.

Вечный цикл, неостановимый уроборос: ломали их, этих обычных людей, а они плодили по миру страдания — свою боль и шрамы, чтобы навеки заключить болезнь в обществе. Человек за человеком, передающий "вирус". Но вирус тот в мозгах. Мы не сможем вылечиться, пока не истребим себя как расу.

Цикл гниения и самоповреждения — выходом станет сожжение.

Больше книг на сайте - Knigoed.net